

Министерство образования и науки Российской Федерации

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса

В.А. БУРЛАКОВ

**ПРОЕКТ «ТУМАНГАН» И ИГРА
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
в 90-е годы XX века**

Монография

Владивосток
Издательство ВГУЭС
2007

<http://www.ojkum.ru/>

ББК
Б 90

Рецензент:

Бурлаков В.А.
Б 90 ПРОЕКТ «ТУМАНГАН» И ИГРА ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА: Монография. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2007. – 224 с.

ББК

Печатается по решению РИСО ВГУЭС

© Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, 2007

ВВЕДЕНИЕ

Ни одна концепция региональной интеграции не вызывала в научной и политической среде столько споров и противоречивых высказываний, как проект «Туманган». Уже давно сломаны все копы по форме и способам реализации проекта, а сама идея уже давно перестала привлекать внимание как ученых, так и руководителей государств, однако иной раз в средствах массовой информации можно натолкнуться на реанимацию тех или иных положений проекта.

И все-таки, умер ли проект «Туманган» или, как принято называть его официально, Программа развития района реки Туманной (Tumen river area development program – TRADP)? Если рассматривать его в качестве программы межгосударственного сотрудничества в рамках региона Северо-Восточная Азия, то безусловно умер. Если же рассматривать его в качестве достаточно широкой интеграционной концепции, то возникают вопросы, которые еще остаются без ответа.

В 90-х гг. XX века проект «Туманган» стал достаточно четким слепком происходящих в Северо-Восточной Азии политических процессов. Проект очень наглядно отобразил интересы и цели, которыми руководствовались государства СВА при определении своей внешнеполитической линии поведения. Кроме того, проект четко проиллюстрировал процесс формирования новой системы региональных отношений, который начался с момента развала Советского Союза. Как будет показано ниже, проект «Туманган» представлял собой совершенно новую форму межгосударственных отношений, которая не могла возникнуть в рамках биполярной мировой политической системы. Сопредельные государства пытались вывести сферу своего сотрудничества на новый уровень, характеризующийся более высокой степенью интегрированности, что можно было сделать только при отходе от конфронтационной линии поведения на мировой или региональной политической арене.

В этой связи было бы ошибкой рассматривать проект «Туманган» только с какой-либо одной (экономической либо международно-политической) точки зрения. Однобокость в анализе данного явления чревата непониманием его глубинной сути. Можно сказать, что проект представлен как бы в двух измерениях:

ях: как форма межгосударственного сотрудничества и как своего рода идеология сближения. Экономический или политический взгляд на проект не дает возможности рассмотреть его одновременно в двух этих ипостасях. В таком случае только геополитический подход может дать возможность для правильной оценки Туманганского проекта и той роли, которую он был призван сыграть в отношениях между государствами Северо-Восточной Азии. Если как форма международно-экономического сотрудничества «Туманган» уже перестал играть какую-либо существенную роль, то в плане идеологии он остается достаточно существенным регулятивом внутрирегиональных отношений.

Поставив перед собой цель, рассмотреть проект «Туманган» как геополитическое явление, оказывающее существенное воздействие на процессы региональной интеграции в Северо-Восточной Азии начиная с 90-х гг. XX в., следует обратить определенное внимание и на саму геополитическую науку как способ анализа международно-политических процессов.

Для современной российской политической науки геополитика представляет собой новое теоретическое направление. Несмотря на то, что в российской и, отчасти, советской научной традиции имели место исследования, которые в строгом смысле слова можно назвать геополитическими, комплексное рассмотрение всех сторон геополитической теории советскими учёными-обществоведами не осуществлялось. Причина этого кроется в том, что в советской политической науке геополитика идентифицировалась как одна из идеологий, обосновывающая, во-первых, экспансионистские устремления нацистской Германии и, во-вторых, расширение глобального влияния основного идеологического соперника СССР – Соединённых Штатов Америки.

Между тем изучение геополитики в США в качестве одной из наук, анализирующей международный политический процесс, уже давно переросло стадию построения идеологических конструкций. За геополитикой стали признавать возможность формулирования ею определённой системы объективных закономерностей, позволяющих адекватно оценить ситуацию в системе межгосударственных отношений.

Косность и идеологическая зашоренность советской общественно-политической традиции помешали ей своевременно оценить положительное влияние геополитики в современной поли-

тологии. Невнимание к ряду факторов, прежде всего геополитического характера, привело к тому, что внешняя политика Советского Союза столкнулась с явлениями, объяснить которые в рамках господствующей идеологической парадигмы оказалось практически невозможно. В ряде случаев внешнеполитические действия СССР, отвечающие объективным геополитическим закономерностям, приходили в явное противоречие с положением о классовой сущности международных отношений.

Кроме того, нельзя сбрасывать со щитов тот немаловажный факт, что американские политики и политологи смогли одержать победу в «холодной войне», во многом опираясь именно на геополитические модели.

Сегодня в российской науке происходит процесс пересмотра и переоценки ряда концепций политической теории. Это связано как с изменением внутривнутриполитической ситуации в стране, снятием жёстких идеологических ограничений, так и с осознанием позитивного значения многих важных направлений политических исследований. К числу последних можно отнести и геополитику.

В то же время неослабевающее внимание к геополитической науке со стороны российских учёных и политиков детерминировано ещё одним важным обстоятельством. После распада Советского Союза произошло образование по сути дела нового государства – Российской Федерации. Перед ним встала серьёзная задача определить своё место в мировой политической системе и на основе этой самоидентификации выработать новую линию поведения страны на мировой арене. Геополитика, обладающая необходимым набором методов, давала возможность решить поставленные задачи.

Между тем геополитика в современной российской научно-политической традиции стала, как справедливо указал Михайлов Т.А., «модным словом, широко используемым вне пределов политической науки»¹. Действительно, достаточно частое обращение к геополитике без точного определения данного понятия и без адекватного понимания сущности геополитических явлений во многом нивелирует значение данной науки. В силу этого в российской политологии актуальными становятся попытки сформулировать основные положения геополитики, обозначить

¹ Михайлов Т.А. Эволюция геополитических идей. М.: Изд-во «Весь мир», 1999. С. 3.

основной набор методов данной науки, выработать систему категорий, отвечающих пониманию её научного предмета.

Более того, перед современной российской политической наукой встала задача использования накопленного теоретического материала по геополитике при анализе конкретных ситуаций в системе международно-политических отношений.

Для Дальневосточной окраины Российского государства и, в частности, для Приморского края наибольшее значение представляет рассмотрение системы отношений в регионе Северо-Восточная Азия. Значимость данного региона в российской геополитике определяется концентрацией здесь трёх из пяти мировых центров силы (России, Китая и Японии) и наличием устойчивой заинтересованности со стороны США в сохранении своего присутствия в регионе. Кроме того, в США достаточно ясно наметились тенденции к формированию внутрорегиональных интеграционных процессов.

Обсуждению теоретических проблем геополитики в зарубежной, а в последнее время и российской научной и публицистической литературе уделяется большое внимание. За период времени с начала формулирования основных положений геополитической науки и до настоящего момента накоплен большой теоретический материал.

Среди мыслителей и теоретиков геополитики необходимо отметить труды классиков науки. К их числу относятся работы, прежде всего, таких авторов, как А. Мэхэн, Х. Маккиндер, Ф. Ратцель, Р. Челлен, К. Хаусхофер. Воззрения именно этих учёных составили тот теоретический фундамент, который предопределил развитие всей последующей геополитической науки.

В процесс дальнейшего развития геополитики как науки существенный вклад внесли работы ряда американских и западноевропейских учёных. Ещё во время второй мировой войны некоторые учёные в Соединённых Штатах Америки пытались использовать геополитические модели для выработки новой глобальной стратегии государства. В этой связи следует назвать имена, прежде всего, таких авторов, как Г. Уайджерт, Н. Спикмен, Р. Страус-Хюпе, В. Стеффанссон и др. Труды данных учёных были направлены на формирование так называемой «гуманизированной версии геополитики», призванной осмыслить и творчески развить геополитические модели, выработанные основателями геополитики.

Вследствие того, что центр по изучению геополитики после окончания Второй мировой войны переместился из Европы в США, дальнейшее развитие геополитической мысли определялось двумя основными течениями, господствовавшими в американской научно-политической традиции, а именно – атлантизмом и мондиализмом.

Атлантистская линия в геополитике развивалась практически без всяких разрывов с классической англо-американской традицией и характеризуется высокой степенью консерватизма. В силу этого основное внимание в работах геополитиков, работавших в рамках данной традиции, было сконцентрировано на проблемах развития имеющейся теоретической и методологической базы в русле современного состояния международной политической системы. К числу последователей данного направления геополитики можно отнести, прежде всего, американских исследователей В. Фицджеральда, Л. Кристофа, а также учеников и последователей Н. Спикмена Д. Мейнига и У. Кирка.

Важно также заметить, что в рамках именно данного направления в геополитике предпринимались первые попытки осмыслить роль и значение новых факторов межгосударственных отношений, а именно – фактора влияния ракетно-ядерного оружия на внешнюю политику государств и фактора зависимости политики государства от географического распространения важнейших энергоносителей. Наиболее яркими исследованиями в данном направлении могут стать работы С. Грэя «Геополитика ядерной эры: хартленд, римленд и технологическая революция»² и Дж. Митчелла «Новая энергетическая геополитика»³.

В период преобразований мировой политической системы, вызванных трансформацией биполярной модели международных отношений, именно в рамках атлантистской геополитики было сформулировано новое видение планетарной реальности. Автором новой концепции стал С. Хантингтон, который в своей программной статье «Столкновение цивилизаций?»⁴ обозначил зависимость образования новых военных и политических блоков от цивилизационных традиций и устойчивых этнических архетипов.

² Gray C. Geopolitics of the Nuclear Era: Heartland, Rimlands, and the Technological Revolution. N.-Y., 1990.

³ Mitchell J. The New Geopolitics of Energy. 1996.

⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.

Помимо обозначенных выше идейных течений, выработанных в рамках атлантистской геополитики, данное направление геополитической науки стало основой для формирования направления данной теории, получившего наименование «полицентрической геополитики». К числу его представителей следует отнести, прежде всего, таких учёных, как С. Коэн, Дж. Кроун, Х. де Блаи и др. В своих исследованиях они отошли от биполярной трактовки современного мирового сообщества и построили свой теоретический анализ на основе выделения нескольких полюсов мировой политики. Следует сказать, что в рамках данного направления работал американский экономист И. Валлерстайн, который сформулировал концепцию «миро-систем», положив в её основу политико-географический подход «центр-периферия».

Мондиализм стал другим важным направлением американской геополитики. Несмотря на то, что в виде полномасштабной доктрины мондиализм оформился сравнительно недавно, его идейное становление проходило параллельно с атлантизмом. Основной идеей мондиалистского подхода к пониманию современности стала идея о наличии лишь одного глобального политического центра, способного контролировать на глобальном уровне протекание всех политических процессов. В русле именно данного направления геополитики строили свои воззрения такие американские учёные и политики, как Г. Киссинджер, З. Бжезинский и Ф. Фукуяма.

После окончания второй мировой войны в процессе развития западноевропейской геополитической мысли наметился застой, вызванный отрицательным отношением к данной науке со стороны учёных-политологов. Имеющиеся геополитические исследования строились главным образом на основе американской геополитической традиции, а потому лишь дополняли и конкретизировали исследования американских авторов.

Пожалуй, единственной оригинальной геополитической концепцией в Европе стали исследования французских учёных А. Зигфрида, М. Фуше, П.-Н. Жиро, И. Лакоста и др. И. Лакост стал основателем журнала «Геродот», который впервые в послевоенной Европе стал регулярно обращаться к проблемам геополитики.

Отрицание советской политической наукой геополитики стало причиной того, что в советской научной и публицистической

литературе практически отсутствовали какие-либо работы, посвященные геополитической теории. Можно сказать, что единственным исследованием, направленным на изучение проблем геополитики, стала работа А.А. Моджоряна «Геополитика на службе военных авантюров»⁵. Однако в ней автор концентрирует внимание не на теоретических положениях геополитики, а на политической деятельности империалистических государств.

Рассматривая историографию проблемы геополитических исследований периода существования СССР, нельзя обойти стороной работу немецкого учёного Г. Гейдена «Критика немецкой геополитики»⁶. Следует сказать, что данный учёный не принадлежал к числу представителей советской научно-политической традиции, но его оценка геополитической теории не противоречила воззрениям, имевшим место в Советском Союзе. Подобная картина стала возможной в силу того, что Гейден принадлежал к числу учёных бывшей Германской Демократической Республики, где методологические основы научного познания также строились на основе марксистской философии. В этой связи его работу можно охарактеризовать как законченную систему взглядов на геополитику с точки зрения марксистских учёных. Помимо этого работа даёт достаточный фактологический материал.

Однако ошибкой было бы думать, что в силу отрицания геополитической теории в советской политической науке не уделялось никакого внимания рассмотрению проблем, входящих в круг предметов исследования геополитики. Некоторые проблемы геополитического характера были достаточно подробно рассмотрены в ряде исследований, которые, хотя и отрицали свою принадлежность к геополитической науке, но, по сути, выступали в виде приспособленного к советским условиям варианта геополитики. К числу таковых можно отнести, во-первых, ряд работ советских учёных по политической географии, а именно: труды Колосова В.А., коллективные работы «Политическая география» и «Военная и политическая география»⁷, во-вторых, ряд исследований по экономической географии, например, таких авторов, как Гри-

⁵ Моджорян А.А. Геополитика на службе военных авантюров. М.: Международные отношения, 1974.

⁶ Гейден Г. Критика немецкой геополитики. М., 1960.

⁷ Колосов В.А. Политическая география. Л., Наука, 1988; Политическая география. М., 1979; Военная и политическая география. М., 1981.

цай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И.⁸ Безусловно, данные авторы рассматривали лишь отдельные сферы геополитики, смежные с теми науками, которые они представляли. Однако наличие данных работ демонстрирует тот факт, что и в советское время в науке сохранялся определённый интерес к геополитической сфере политологии.

С начала 90-х гг. в российской политической науке наметилась явная тенденция к усилению внимания к проблемам геополитики. С этого момента в отечественной научной литературе стали появляться исследования, тем или иным образом затрагивающие предмет геополитики.

Однако данным работам была присуща одна особенность. В силу того, что на сегодняшний день в российской политической науке не сложилось каких-либо направлений геополитической мысли, каждое из них представляет собой самостоятельное исследование, идентифицировать которое с каким-либо направлением американской или западноевропейской геополитики практически невозможно.

Рассматривая весь комплекс публикаций в отечественной научной литературе по проблемам геополитики, следует остановиться на ряде работ, которые, на наш взгляд, заслуживают пристального внимания. Прежде всего, необходимо сказать об исследованиях Пономарёвой И.Б., Цыганков П.А., Лаврова С.Б.⁹ Данные авторы одними из первых обратились к изучению геополитики как науки. В своих исследованиях они стремились к более подробному изучению системы геополитических воззрений, накопленных в современной западной политологии. В силу этого их работы отличаются новизной подхода и высоким уровнем теоретического анализа.

Линия на изучение имеющегося геополитического опыта была в дальнейшем продолжена в нескольких фундаментальных исследованиях теоретического характера. Речь в данном случае идёт, прежде всего, о сборнике «Геополитика: теория и практи-

⁸ Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М., 1991.

⁹ Пономарёва И.Б. Геополитические факторы внешней политики: современное видение // Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 1; Цыганков П.А. Геополитика: последнее прибежище разума? // Вопросы философии. 1994. № 7/8; Лавров С.Б. Геополитика – возрождение запрещённого направления. // Известия Русского географического общества. 1993. Т. 125. № 4.

ка», а также о работах Позднякова Э.А. и Андриановой Т.В.¹⁰ Данные исследования отличаются тем, что в них делается попытка рассмотреть геополитику как целостную и во многом самостоятельную науку. При этом авторы стремятся охватить все стороны геополитического знания и выявить все наличествующие проявления геополитики.

В то же время российские политологи стремились не только изучать накопленный геополитический опыт, но и использовать имеющиеся геополитические концепции для анализа современной российской действительности. Такое стремление породило ряд смелых исследований, имеющих скорее прикладной, нежели фундаментальный характер. В этой связи, прежде всего, следует сказать о таких учёных, как Мироненко Н.С., Дубнов А.П., Разуваев В.В., Ковалкин В., Ушков А.М., Даниленко И.С.¹¹ Так, в частности, Дубнов А.П. анализирует строение территории Российской Федерации с точки зрения теории «хартленд – римленд» и на основе этого анализа даёт конкретные рекомендации относительно политики России в направлении Сибири и Дальнего Востока¹². А такие исследователи, как Ковалкин В. и Разуваев В.В., концентрируют свой взгляд на особенностях геополитического положения современной России и пытаются проанализировать основные принципы, на основе которых российское правительство должно строить современную внешнюю и внутреннюю политику¹³.

Между тем воззрения рассмотренных выше российских учёных нельзя назвать оригинальными, так как они находятся в рамках устоявшейся геополитической традиции.

¹⁰ Геополитика: теория и практика. М., 1994; Поздняков Э.А. Геополитика. М.: «Прогресс» – «Культура», 1995; Андрианова Т.В. Геополитическая история XX в. (социально-философские исследования). М.: ИНИОН, 1996.

¹¹ Мироненко Н.С. Теория «хартленда», целостность России и демократия (географический аспект) // Геополитические и геоэкономические проблемы России. СПб., 1995; Ушков А.М. Современная геополитика. // Вестник Московского университета. Сер. 18. 1997. № 3; Даниленко И.С. Геополитика и безопасность // Кентавр. 1994. № 2.

¹² Дубнов А.П. К вопросу о геополитической стратегии России в первой четверти XXI в. // Геополитические и геоэкономические проблемы России. СПб., 1995.

¹³ Ковалкин В. Россия в новых геополитических реалиях на пороге XXI в. М.: Институт международного права и экономики, 1996; Разуваев В.В. Геополитика постсоветского пространства. М.: Институт Европы РАН, 1993.

Попытка же не просто рассмотреть имеющиеся геополитические теории, а подвергнуть их ревизии, снабдив новыми категориями и составляющими, с тем, чтобы геополитика как наука в большей степени соответствовала тому положению, которое сложилось в современном мире, прослеживается в исследованиях таких учёных, как Гаджиев К.С., Дугин А.Г., Ильин М.В., Плешаков К.В., Сорокин К.Э., Тихомиров В.Б., Цымбурский В.Л.¹⁴

Как правило, внимание большинства учёных, занимающихся изучением геополитики, направлено на рассмотрение общетеоретических, концептуальных вопросов. В то же время частные проблемы геополитической теории остаются вне сферы интересов политологов. Исключением в общей картине геополитических исследований стали работы таких авторов, как Лесков М.А., Лурье С.В., Казарян Л.Г., Семёнов В.¹⁵

Кроме российских учёных к проблемам геополитики достаточно пристальный интерес наблюдается со стороны российских политических деятелей. Проблемам геополитики посвятили свои работы Бабурин С.Г., Жириновский В.В., Зюганов Г.А., Митрофанов А.В., Подберёзкин А.И.¹⁶ Однако в силу ангажированной политической направленности научное значение данных исследований минимально.

¹⁴ Гаджиев К.С. Введение в геополитику. М.: «Логос», 1998; Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: «Арктогея», 1997; Ильин М.В. Геохронополитика – соединение времён и пространств // Вестник Московского университета. Сер. 12. 1997. № 2; Плешаков К.В. Гео-идеологические парадигмы (взаимодействие геополитики и идеологии на примере отношений между СССР, США и КНР в континентальной Восточной Азии 1949–1991 гг.) // Российский научный фонд: Научные доклады. Вып. 2. М., 1994; Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996; Тихомиров В.Б. Геополитическая галактика: самоорганизованность периодической системы государств мира // Вестник Московского университета. Сер. 18. 1996. № 4; Цымбурский В.Л. Остров Россия (перспективы российской геополитик) // Полис. 1993. № 5.

¹⁵ Лесков М.А. Концепция «точек развития» и её значение для национальной безопасности. // Безопасность. 1996. № 3-4 (33); Лурье С.В., Казарян Л.Г. Принципы организации геополитического пространства (введение в проблему на примере Восточного вопроса) // Общественные науки и современность. 1994. № 4; Семёнов В. Геополитика как наука. // Власть. 1994. № 8.

¹⁶ Бабурин С.Г. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М.: Изд-во Московского университета, 1997; Жириновский В.В. Геополитика и русский вопрос. М., 1998; Зюганов Г.А. География победы: основы российской геополитики. М., 1997; Митрофанов А.В. Шаги новой геополитики. М., 1997; Подберёзкин А.И. Геостратегическое положение и безопасность России // Свободная мысль. 1996. № 7.

Значительный пласт научной литературы в российской политической науке посвящён проблемам изучения международных экономических и политических отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. К числу авторов, занимающихся исследованиями данных проблем, следует отнести в первую очередь таких учёных, как Титаренко М.Л., Петровский В.Е., Потапов М.А., Воскресенский А.В., Костюнина Г., Кюзаджян Л.С., Ли В.Ф., Федотов В.П., Бажанов Е.П., Костюнина Г.М. и др.¹⁷ Значительное внимание проблемам международно-политических отношений в АТР уделял также Сорокин К.Э. Следует заметить, что данные авторы строят свои исследования в русле того подхода, который определяет АТР как самостоятельный политический и экономический регион. Следствием этого является то, что большинство выводов данные авторы делают на основе посылки о неизбежности сближения между странами региона в сфере решения политических проблем и интеграции национальных экономик в общерегиональную экономическую систему.

Иной подход к решению проблем сотрудничества между странами АТР характерен для такого российского учёного, как Алиева Р.Ш.-А. (Арин О.)¹⁸. В его понимании Азиатско-Тихоокеанский регион – некое аморфное понятие, использование которого возможно лишь в публицистике, но никак не в сфере научного анализа. Выделение АТР в самостоятельный регион, по мнению Алиева, искажает понимание современной ситуации в мировой политической системе. Вследствие этого анализ ситуации следует строить не на уровне всего Азиатско-Тихоокеанского региона, а на уровне его субрегионов.

Однако общей особенностью данных исследований является то, что их авторы концентрируются на изучении политических и экономических процессов во всём Азиатско-Тихоокеанском регионе, не заостряя внимания на сходных проблемах субрегионов АТР. Число же специальных исследований, посвящённых изучению системы международных отношений в Северо-Восточной Азии, остаётся незначительным и зачастую имеет узкоспециализированный характер. Данной проблемой в современной российской науке занимаются,

¹⁷ См.: Список литературы и источников.

¹⁸ Арин О. Азиатско-Тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. М.: «Наука», 1997.

прежде всего, такие учёные, как Богатуров А.Д., Мясников В., Иванчиков А., Яковлев А.Г., Бакланов П.Я., Минакир П. и др.

Возникшую вследствие недостаточного количества в российской научной литературе исследований по проблемам СВА пустоту отчасти компенсируют исследования иностранных ученых: китайских – Цзи Чжие, Хэ Цзянь, Юй Гочжэн, Ли Чанцзю; корейских – Хонг Ван Сук, Чой Сеонг-Аэ; японских – Сиро Сайто, Иппеи Ямадзава, Кадзио Огава, Такэхиро Того; и американских – прежде всего, таких, как Пегги Фолкенхейм Мейер, Эндрю Мартон, Тэрри Макги, Дональд Патерсон и Ж.-М. Бланшар¹⁹.

Кроме того, исследования российских учёных по проблемам двусторонних отношений в СВА и проблемам внешней политики государств СВА (Волоховой А.А., Иванова А.В., Яскиной Г.С., Цыкало В.В., Синицына Б.В., Гайворовского В.В., Кистанова

¹⁹ Цзи Чжие. Китайско-российское сотрудничество в Северо-Восточной Азии: IV Российско-китайская научно-практическая конференция (Москва 25–26 августа 1997 г.). Перспективы отношений России с Китаем / Институт Дальнего Востока. Экспресс-информация. М., 1997. № 11; Хэ Цзянь. Перспективы экономической интеграции в Северо-Восточной Азии // Российский экономический журнал. 1993. № 8; Юй Гочжэн. «Новая восточная политика России» и региональное экономическое сотрудничество в СВА // Китайские политологи о геополитической борьбе в современном мире, её влияния на ситуацию в Северо-Восточной Азии и о геополитической стратегии России. Институт Дальнего Востока РАН. Экспресс-информация. М., 1998. № 12; Ли Чанцзю. Ускорение шагов регионального экономического сотрудничества // Еженедельник «Ляован». 1995. 16 января. № 3; Хонг Ван Сук. Геостратегия России и Северо-Восточная Азия. М.: «Научная книга», 1998; Чой Сеонг-Аэ. Эволюция отношений России с государствами Северо-Восточной Азии (80 – 90-е гг. XX в.). М.: «Научная книга», 1998; Сиро Сайто. Регионализм в Восточной Азии: план поэтапной экономической интеграции. // АТЭС: состояние и перспективы развития / Институт Дальнего Востока РАН. Экспресс-информация № 9. М., 1996; Ippai Yamazawa. Toward an Open Northeast Asia Economic Zone // ERINA Report. 1999. Vol. 27; Кадзио Огава. Перспективы развития экономического сотрудничества в зоне Японского моря // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 4; Того Такэхиро. Японо-российские отношения // Проблемы Дальнего Востока. 1998.. № 1; Мартон Э., Макги Т., Патерсон Д. Экономическое сотрудничество в Северо-Восточной Азии // Некоторые актуальные вопросы Северо-Восточной Азии (российские отношения безопасности, российско-японские отношения, программа развития реки Тумэньцзян). Информационные материалы Института Дальнего Востока РАН: Экспресс-информация. М., 1994. № 2; Мейер П.Ф. Российские отношения безопасности с Восточной Азией // Там же; Бланшар Ж.-М. Китайский национализм и Программа развития бассейна р. Тумэнь: Доклад представлен на ежегодном собрании Американской Ассоциации политических наук, секция по Тумэньскому проекту. Сан-Франциско, 29 августа – 1 сентября 1996 г.

В.О., Портякова В.Я., Гельбраса В.Г., Ларина В.Л. и др.²⁰) существенно дополняют картину внутрирегиональных политических и экономических отношений.

Рассматривая историографию проблемы формирования и развития проекта «Туманган», следует оговориться, что с момента его зарождения до сегодняшнего дня в прессе появилось много статей и материалов, раскрывающих содержание происходящих вокруг него процессов. Однако назвать их серьёзными научными исследованиями нельзя, ибо они имеют другую функциональную направленность. В этой связи рациональнее было бы остановиться на работах тех авторов, которые последовательно занимаются изучением Программы развития района реки Туманной.

Однако и здесь следует констатировать, что на сегодняшний день в современной российской литературе, посвящённой проблемам международных политических и экономических отношений в регионе Северо-Восточная Азия, отсутствует всестороннее исследование, рассматривающее все аспекты проявления такого феномена, как проект «Туманган».

Между тем, определённые стороны Туманганского проекта затрагивались в работах ряда дальневосточных учёных, а именно: Забровской Л.В., Саначёва И.Д., Александрова А.В., Бакланова П.Я., Латкина А.П., Ларина В.Л., Гайкина В.А., Осипчука С.Ю.²¹ Кроме того, ряд московских учёных (Титаренко М.Л., Корку-

²⁰ Внешняя политика и дипломатия стран Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: «Научная книга», 1998; Проблемы обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: «Научная книга», 1999; Гельбрас В. О восточной политике России // Pro et contra. 1998, зима; Portyakov V. The People's Republic of China: Economic Policy of the 1990's. Moscow, 1999; Ларин В.Л. Дальний Восток России и проблемы безопасности в Восточной Азии // Вестник ДВО РАН. 1995. № 6.

²¹ Александров А.В. Перспективы регионального (прибрежного, приграничного) сотрудничества Дальней России и Японии: регионализм и азиатско-тихоокеанская интеграция в японской внешней политике (тезисы). Владивосток, 1992; Бакланов П.Я. Экономико-географические и геополитические предпосылки интеграционных отношений и процессов // Известия Российской Академии наук. Сер. географическая. 1996. № 6; Гайкин В.А. Туманган: из прошлого в будущее // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 1999. № 1; Осипчук С.Ю. К оценке проекта «Туманган» // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, сотрудничество. 1999. № 1.

нов Н., Портяков В.Я., Родионов А.П., Кургинян С.Е.²²) также обращались к проблемам функционирования проекта.

Интерес вызывают работы Забровской Л.В.²³, посвящённые проекту «Туманган». Раскрывая сущность проекта, она указывает на ярко выраженные интересы стран Северо-Восточной Азии использовать Российский Дальний Восток в решении своих проблем. Она также вводит в научный оборот новые исторические факты, связанные с функционированием в начале XX в. транзитного коридора, связывающего северо-восточные провинции Китая с Японским морем. При этом автор указывает на жизнеспособность подобного коридора, несмотря на то, что он был реализован только двумя сторонами – Китаем и Японией.

Пожалуй, первым кто рассмотрел проект «Туманган» в контексте региональных международных отношений, был дальневосточный ученый Саначёв И.Д.²⁴

Работы других авторов посвящены, как правило, изучению конкретных, более узких проблем, имеющих место в рамках основного объекта исследования.

Таким образом, можно констатировать, что каких-либо специальных научных исследований, посвященных проблеме изучения формирования и функционирования проекта «Туманган» в контексте геополитических и геостратегических факторов, практически нет. В научной среде господствует экономоцентристский подход к рассмотрению данного феномена, который исключает адекватное понимание сущности происходящих процессов. В силу этого автор попытался с позиции независимого исследователя восполнить указанный пробел и провести анализ системы отношений вокруг проекта «Туманган», основываясь на положениях геополитической теории и используя новые документы и материалы.

²² Титаренко М.Л. Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и межцивилизационных отношений: Сб. М.: «Кучково поле», 1994; Коркунов Н. О проекте свободной экономической зоны «Туманган» на территории России, Китая и КНДР. // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 3; Родионов А. Перспективы создания экономической зоны Японского моря // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 1; Кургинян С., Бардахчиев Ю., Дмитриев М. Россия и проект «Туманган». Проблемы экономической безопасности страны: Доклад на клубе «Содержательное единство» 14 марта 1996 г. М., 1996.

²³ Забровская А.В. Проект «Туманган»: взгляд из Приморья // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 1; Она же. Россия и Республика Корея: от конфронтации к сотрудничеству. Владивосток, 1996.

²⁴ Саначев И.Д., Голодинкина С.О. Северо-Восток Китая и российский Дальний Восток: «глобальные последствия региональной интеграции // Китай в мировой политике. М., 2001.

Глава 1. ГЕОПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА

1.1. Развитие геополитики в России: проблемы и перспективы

Двадцать лет назад в Советском Союзе начались преобразования, которые открыли возможности для достаточно широких научных изысканий во всех сферах общественных наук, не обращая внимания на их идеологическую интерпретацию. В тот период времени происходит усиление внимания со стороны советских ученых к такой достаточно интересной научной концепции, как геополитика. С критической точки зрения ей интересовались и ранее, но поистине геополитическая работа в советской научной периодике появилась, по наблюдениям автора, в 1989 году. С этого момента геополитические по названию и сути работы стали появляться с завидной периодичностью. И сегодня интерес к геополитическим проблемам не только не ослабевает, но и постоянно растет. За прошедшие шестнадцать лет накоплен значительный по объему материал по геополитике. Поэтому сегодня перед исследователями встала определенная задача разобраться с тем массивом работ, исследований, концепций и просто воззрений, которые объединяются общим термином «российская геополитика».

Длительное время изучению геополитики в нашей стране не придавалось должного значения, ей было отказано в праве на существование. Основная причина подобного отношения состояла в том, что в советской научно-политической традиции геополитика была неразрывно связана с национал-социалистской идеологией, господствовавшей в Германии с 1933 по 1945 гг. Справедливости ради, необходимо заметить, что немецкая геополитика того периода действительно удовлетворяла заказы гитлеровской диктатуры, выдвигая и обосновывая теории захвата чужих территорий и уничтожения других народов. После окончания второй мировой войны американские и западноевропейские ученые широко использовали геополитические концепции в целях проведения политики «холодной войны», что также не могло способствовать становлению и развитию советской геополитической теории.

Господствующий в советской политической науке взгляд на геополитику нашел свое отражение в Кратком философском сло-

варе, изданном в 1951 г., который утверждал, что геополитика – это «фашистская лженаука, стремящаяся обосновать при помощи географических факторов империалистическую политику экспансии и грабежа»²⁵. Следует заметить, что в принципиальном виде это определение оставалось неизменным на протяжении почти сорока лет. Следствием этого явилось то, что геополитике было отказано в праве на существование.

В последнее десятилетие уходящего века наметилась ярко выраженная тенденция к изменению отношения ученых-политологов к такой сфере научного анализа, как геополитика. Сегодня мы имеем возможность наблюдать все усиливающуюся волну публикаций, посвященных геополитической тематике, а также повышение интереса к данной науке со стороны российских политиков и общественных деятелей. Широкий интерес к геополитике не является случайностью. Он детерминирован теми социально-политическими процессами, которые за последние десять лет кардинально изменили как систему внутрисоветских общественных отношений, так и положение России в мировом политическом раскладе сил.

Отказ от идеологического контроля над сферой общественно-гуманитарных знаний дал возможность ученым обратить более пристальное внимание на те области политической науки, которые, в силу ранее негативного к ним отношения, находились вне поля зрения советской научной традиции. В этой связи повышенный интерес к геополитике со стороны современных российских политологов оправдан, так как у них появилась возможность всестороннего исследования новой для российской политической науки сферы знаний, которая к тому же имеет достаточно продолжительную историю и получила признание и широкое распространение среди американских и западноевропейских ученых.

Но, помимо просто научного интереса, потребность в геополитике в российской политологии была вызвана необходимостью переоценки места и роли России в современной мировой политической системе. Сложившийся после окончания второй мировой войны международный порядок был подвержен глубоким изменениям. Произошли мощные сдвиги в соотношении сил на мировой арене. Наиболее значимыми событиями мировой политики

²⁵ Краткий философский словарь. М., 1951.

стали процессы распада социалистического лагеря, дезинтеграция Советского Союза. Вместе с этим постсоветская Россия получила ряд проблем: от неопределенности границ нового государства и необходимости строить отношения с бывшими союзными республиками до углубления процессов регионализации и нарастания угрозы распада Российской Федерации.

В этих условиях перед российской интеллектуальной и политической элитой встал ряд задач, а именно: осмыслить происходящие процессы кризисного переустройства общества, выявить их причины и указать пути преодоления; определить новое содержание российской государственности и, исходя из этого, сформулировать те национальные интересы страны, которые в наибольшей степени соответствовали бы современным реалиям; обозначить основные принципы и направления внешней политики России, определив тем самым новое положение страны на мировой арене.

Имеющийся в распоряжении ученых теоретический инструментарий не давал полной уверенности в возможности успешного решения поставленных задач. В данных условиях использование геополитического подхода в качестве одной из схем научного анализа даёт возможность оценить положение России с точки зрения новых критериев. В этой связи можно констатировать, что основная причина популярности геополитики среди современных российских ученых и политиков кроется в стремлении последних дать адекватную оценку происходящим в российском обществе кризисным явлениям.

В целом геополитическая теория стала для российской политической науки новым явлением. Однако в СССР достаточно успешно развивались сферы научных знаний, тем или иным образом затрагивающие предмет геополитики. Речь в данном случае идет, прежде всего, о соответствующих разделах теории международных отношений, политической, экономической и военной географии. Это способствовало более успешному освоению теоретического опыта геополитики и давало возможность строить анализ современной российской политики не только опираясь на зарубежные концепции, но и учитывая собственные наработки в соответствующих сферах научных знаний.

С другой стороны, в российской научной традиции отсутствовала комплексная система знаний, адекватная геополитической

теории. Каждая из наук с близким к геополитике предметом исследования специализировалась на достаточно узком перечне проблем геополитического характера. Это в значительной степени отразилось на процессе включения геополитики в сферу российской политической науки.

В силу этого можно констатировать тот факт, что складывание современной российской геополитической традиции – процесс неоднородный. Он сочетает в своей основе несколько базовых подходов, которые явились результатом усвоения геополитической теории российской политической наукой. Их особенность состоит в том, что система геополитических концепций преломляется сквозь призму предмета исследования той научной дисциплины, в рамках которой российские ученые осуществляют те или иные разработки геополитического характера. В соответствии с этими особенностями их условно можно разбить на ряд направлений.

Прежде всего, это геополитические исследования прикладного и теоретического характера, осуществляемые в рамках теории международных отношений. К данному направлению можно отнести исследования, прежде всего, таких авторов, как Богатуров А.Д., Косолапов С.А., Лурье С.В., Ощепков В.П., Поздняков Э.А., Сорокин К.Э., Цыганков П.А. и др. Особенность данного направления заключается в том, что предмет исследования теории международных отношений практически вплотную примыкает к предмету исследования геополитики. Применение геополитического подхода в изучении международных политических отношений открывает перед современными российскими учеными-международниками новые перспективы и дает возможность более взвешенного и всестороннего анализа политических процессов мирового значения. Однако в данном случае проявляется ярко выраженная тенденция к ограничению предмета исследования геополитики. Она выступает лишь в качестве дополнительного теоретического инструмента. Так, большинство ученых, работающих в рамках данного направления, низводят геополитику до уровня одной из концепций в системе теории международных отношений. Показательно в этой связи определение, которое дал российский ученый Цыганков П.А. термину «геополитика». По его мнению, геополитика – это совокупность «физических и социальных, материальных и моральных ресурсов государства, со-

ставляющих тот потенциал, использование которого (а в некоторых случаях даже просто его наличие) позволяет ему добиться своих целей на международной арене»²⁶.

Ко второму направлению отечественной геополитики можно отнести исследования таких ученых, как Гаджиев К.С., Ильин М.В., Плешаков К.В., Цымбурский В.Л. и др. Кардинальное отличие работ политологов данного направления заключается в том, что геополитика в них выступает не в качестве вспомогательного фактора прикладного анализа, а в качестве полноценной доктрины, ставящей своей основной задачей комплексное исследование всей совокупности политических явлений. Во многом, исходя именно из концепций геополитики, современные российские ученые-политологи пытаются осмыслить положение новой России и найти императивы, на основе которых было бы возможно строить отношения с внешним миром. Следует признать, что исследования в рамках данного направления имеют ярко выраженный философский характер.

Следующее направление геополитических исследований в российской политической науке представлено группой таких ученых, как Мироненко Н.С., Колосов В.А., Тихомиров В.Б., Туровский Р.Ф. и др. Характерная особенность данных исследований состоит в том, что они практически вплотную примыкают к сфере политической географии. Геополитический анализ в данном случае строится на основе тех методов, которые свойственны географической науке. В этой связи речь может идти главным образом о процессе «политизации» географии. Иллюстрацией данного утверждения может служить попытка представителя политической географии Колосова В.А. сформулировать основные положения так называемой «географической» геополитики²⁷. Современная динамичная эпоха стала причиной того, что все бывшие геополитические константы (прежде всего, географическое положение, расстояние и геопространство, территориальная расстановка политических и военно-стратегических сил в мире) подвержены изменениям. Однако в целом значение геополитических

²⁶ Цыганков П.А. Геополитика: последнее прибежище разума? // Вопросы философии. 1994. № 7/8. С. 63.

²⁷ См.: Колосов В.А. Территориально-политическая организация общества. Автореф. дис. ...докт. геогр. наук. М., 1992. С., 16–17.

факторов не стало меньше. В попытке понять эти изменения, по мнению Колосова, и состоит суть «географической» геополитики.

Еще более конкретен в данном вопросе Туровский Р.Ф., который однозначно констатирует: «Геополитика – это научная дисциплина, входящая в политическую географию»²⁸.

Рассмотренные выше направления геополитических исследований, свойственные современной отечественной геополитике, представляют собой, прежде всего, научные концепции. Однако было бы ошибкой полагать, что ими исчерпывается вся система российской геополитики. Российская политическая элита уже давно проявляла интерес к геополитике. В Государственной Думе Российской Федерации II (VI) созыва функционировал комитет по геополитике. Ряд политиков (прежде всего: Бабурин С.Н., Жириновский В.В., Зюганов Г.А., Митрофанов А.В., Подберезкин А.И.) неоднократно высказывали свои суждения геополитического характера.

Практически вплотную к данному направлению примыкает система геополитических воззрений такого автора, как Дугин А.Г. и радикального журнала «Элементы». С геополитическими идеями отечественных политиков Дугина роднит, прежде всего, характер его исследований. Геополитика в его трактовке представляет собой скорее идеологический, нежели научный конструкт. В этом случае сходство с доктринами российских политиков очевидно. Последние также делают основной упор не на научную проработку проблемы, а на идеологическое благозвучие своих концепций. В этой связи не вызывает удивления то обстоятельство, что оба эти направления российской геополитики взаимопроникают и взаимодополняют друг друга.

Так как и геополитические воззрения ряда российских политиков, и геополитические концепции Дугина А.Г. имеют функции, свойственные, главным образом, идеологии, то научное значение таковых минимально. Однако это не значит, что при изучении российской геополитической традиции ими можно пренебречь. В рамках отечественной геополитики их роль можно ограничить, главным образом, попыткой сформировать в российском обществе определенный образ геополитического мышления.

²⁸ Туровский Р.Ф. Политическая география. Москва–Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. С. 31.

Только в этом случае данные направления могут занять определенное место в системе отечественной геополитики.

Анализ структуры современной российской геополитической традиции был бы не полон без учета исторических предпосылок ее формирования. Однако в истории русской общественно-политической мысли мы практически не находим ярких и самобытных ученых, работавших в русле геополитического подхода. Исключением в данном случае могут выступать, пожалуй, только упоминавшийся выше Мечников Л.И., а также русский и советский ученый-географ Семенов-Тянь-Шанский В.П. (1870–1942).

Последний вслед за Ратцелем использовал термин «антропогеография», под которой понимал синтетическое, многоуровневое знание в структуре географической науки. Характерной особенностью воззрений Семенова-Тянь-Шанского является привнесение антропологических установок в традиционный географический подход. Деятельность человека рассматривалась им в качестве основы процесса формирования территориального господства на базе тех или иных географических факторов.

Однако и Мечников, и Семенов-Тянь-Шанский строили свои исследования исключительно в рамках географического детерминизма, потому к системе геополитики их концепции можно отнести только опосредованно.

Наиболее близко к предмету геополитической теории подошли русские философы-евразийцы, прежде всего: Трубецкой Н.С., Алексеев Н.Н., Карсавин Л.П., Вернадский Г.В., Бицилли П.М., Савицкий П.Н. и др. Представители именно этого направления русской философской мысли оказались в числе тех, кто первыми стали широко использовать основные положения геополитики в своем философском анализе.

Но для большинства евразийцев геополитика не представляла какой-то целостной концепции. Она давала им необходимый набор теоретических инструментов, который помогал конкретизировать собственные философские положения. Единственным, кто предметно занимался проблемами геополитики, был философ-евразиец Савицкий П.Н. (1895–1968). Именно его с большой долей уверенности можно назвать первым и до недавнего времени единственным русским ученым-геополитиком. В этой связи его геополитические воззрения заслуживают определенного внимания.

Основное положение теории Савицкого П.Н. заключается в том, что главной детерминантой формирования российской цивилизации признается центральное, «срединное» положение России. Восточные и западные оконечности Евразийского континента выступают относительно данного центра в виде периферийных территорий. Такое положение напрямую определяет историческую идентификацию России. Она – и не завершение Европы, и не начало Азии. Россия выступает в виде самостоятельной цивилизационной и геополитической реальности. В этой связи Россию логичнее было бы называть «Евразией», что и делает Савицкий.

Так, в своей статье «Географические и геополитические основы евразийства» он пишет: «Россия-Евразия есть центр Старого Света. Устраните этот центр – и все остальные его части, вся эта система материковых окраин (Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Китай, Япония) превращается как бы в «рассыпанную храмину». Этот мир, лежащий к востоку от границ Европы и к северу от «классической» Азии, есть то звено, которое спаивает в единство их все»²⁹.

Свой геополитический анализ Савицкий П.Н. строил через использование введенной им категории «месторазвитие», под которой он понимал тесную связь жизни народа с его географической основой. Месторазвитие представляет собой географический элемент, учет которого имеет важное значение при рассмотрении жизнедеятельности человеческого общества.

Геологическое устройство, гидрологические особенности, качество почв, характер растительного и животного мира, климат находятся друг с другом в устоявшейся системе отношений. Данная совокупность изначально предопределяет социально-исторические процессы, имеющие место в рамках заданного географического ландшафта. Однако имеет место и обратная зависимость. Развитие общественных отношений некоторым образом изменяет географическую среду, приспособляя ее под определенный тип жизнедеятельности социума. В результате данных процессов происходит формирование достаточно сложной геополитической системы, сочетающей в себе неповторимые особенности географической среды и особый социально-исторический тип. Именно данную геополитическую систему характеризует категория «ме-

²⁹ Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Издательство «Аграф», 1997. С. 296.

сторазвитие», то есть «одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический и т.д. и т.п. «ландшафт»³⁰.

«Месторазвитие» – понятие многоуровневое. Практически каждое, даже достаточно небольшое человеческое сообщество (например крестьянское подворье) находится в неповторимой географической обстановке. Каждая деревня или город выступают в качестве «месторазвития». Но «месторазвитие» – это также и Восточно-европейская равнина, и бассейн реки Дуная, и Пиренейский полуостров. Высшим уровнем признается земной шар как «месторазвитие» человеческого рода.

Таким образом, Россия-Евразия в концепции Савицкого П.Н. признается «месторазвитием», которое является интегрированной формой существования многих более мелких «месторазвитий», а также географическим индивидуумом, возвышающимся над окраинами Евразийского континента.

В целом для геополитических воззрений евразийцев характерны те же особенности, что и для первых геополитиков немецкой школы. Категория «месторазвитие» представляет собой аналог понятия «ландшафт» в том аспекте, в котором его трактует Ф. Ратцель. В концепции евразийцев также прослеживаются некоторые тенденции к биологизации таких феноменов жизни человеческого общества, как цивилизации. И здесь прослеживается сходство с идеями Челлена и того же Ратцеля об укоренённости народа в ту территорию, которую он занимает.

Однако, с другой стороны, нельзя отрицать значимость геополитических идей евразийцев. Ими была предпринята первая попытка вычленения универсальной геополитической парадигмы исторического развития России. Но, к сожалению, остается констатировать, что эти самобытные концепции евразийцев-геополитиков пока не нашли должного отклика в среде современных российских ученых-обществоведов.

Невостребованность геополитических концепций евразийцев современной отечественной гуманитарной наукой является вероятнее всего следствием того, что евразийцы представляли собой обособленное философское течение в рамках русской эмиграции первой волны. Геополитику в постсоветской России пришлось

³⁰ Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Издательство «Аграф», 1997. С. 283.

изучать с самого начала, не имея к тому достаточной исторической базы.

Первоначально в среде отечественных ученых-обществоведов, занимающихся геополитическими проблемами, господствовала тенденция, связанная с необходимостью осмысления накопленного ранее геополитического опыта. Прежде чем строить геополитический анализ нынешнего положения России, а также развивать и углублять основные концепции геополитики, важно было создать свой теоретический фундамент данной науки. Это невозможно было сделать без учета уже имеющейся геополитической базы. Именно поэтому первые исследования отечественных геополитиков формировались, главным образом, на основе американских и западноевропейских геополитических концепций.

Так, ряд ученых, прежде всего, таких как Поздняков Э.А., Мироненко Н.С., Цыганков П.А., Ушков А.М., Разуваев В.В. и др., те, кто одними из первых обратились к изучению проблем геополитики, строили свои исследования в русле традиционного геополитического подхода. Большинство из них основное внимание обратили на рассмотрение воззрений тех геополитиков, которых по традиции относят к классикам данной науки. Основываясь на концепциях главным образом таких авторов, как Ратцель, Челлен, Хаусхофер, Мэхэн, Маккиндер, Спикмен и др., они пытались сформулировать свое видение геополитики. Однако в силу того, что традиционный подход не является однородным, воззрения первых российских геополитиков отличает большая степень эклектичности.

Характерной в этой связи является попытка дать определение термину «геополитика» и вычленив предмет исследования данной науки.

Так, политолог Разуваев В.В.³¹ пытается определить геополитику, используя три основных подхода. В соответствии с первым подходом геополитикой признается наука, направленная на вычленение взаимосвязи между географией и политикой. В данном случае геополитика предстает, по мнению Разуваева, в виде политической географии.

³¹ Разуваев В.В. О понятии «геополитика» // Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 4.

Второй подход распространяет предмет геополитики на все случаи межгосударственного соперничества, особенно глобального характера. Кардинальным отличием данного подхода от предыдущего является то, что в этом случае значение географического детерминизма нивелировано.

Третий подход, по мнению Разуваева, продемонстрирован в работах тех исследователей, которые видят в геополитике, прежде всего, отражение связи борьбы за власть на международной арене с географией.

Склоняясь к третьему подходу к определению геополитики, Разуваев делает следующее резюме: геополитика имеет дело с «исследованием пространственной логики международных отношений и внешней политики преимущественно в контексте обеспечения региональной безопасности... В то же время геополитика может рассматриваться и как собственно политика, строящаяся с учетом географических факторов»³².

В сущности, Разуваев сформулировал достаточно универсальную схему, в которую укладываются практически все имеющиеся определения геополитики. Те или иные российские ученые-политологи, давая определение дефиниции «геополитика», идентифицируют себя с тем или иным подходом, отраженным в схеме Разуваева.

Однако постановка проблемы, которая лишь отражает всю разноголосицу взглядов и мнений, не дает окончательного ответа на вопрос о том, что же такое геополитика. Это дало основание Позднякову Э.А., который сам выступает практикующим геополитиком, констатировать тот факт, что невозможно найти «четкую и всеобъемлющую формулировку геополитики, которая могла бы удовлетворить взыскательного читателя и дать строго научное понимание этой области»³³.

Проблему строго научного определения геополитики усложняет также то обстоятельство, что таковая наука в интерпретации российских геополитиков предстает в виде сочетания двух основных ипостасей. Так, Поздняков Э.А. выделяет доктринально-нормативную и оценочно-концептуальную геополитику³⁴, Миро-

³² Разуваев В.В. О понятии «геополитика» // Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 4. С. 36–37.

³³ Поздняков Э.А. Геополитика. М., 1995. С. 37.

³⁴ См.: Геополитика: теория и практика. М., 1993. С. 45.

ненко Н.С. – культурно-психологическую и концептуальную³⁵, Плешаков К.В. – «классическую» и «ревизионистскую»³⁶. Несмотря на различия в дифференциации геополитической теории, принципиальная основа данного деления остается неизменной у всех авторов. Основной критерий выделения двух аспектов геополитики состоит в идеологическом наполнении каждого из них. В первом случае геополитика представляет собой некий поведенческий стереотип, который сохраняет свое функциональное значение только в рамках определенной идеологической системы. Наиболее показательным в этой связи является пример нацистской Германии, где геополитическая теория, сформированная на основе Ратцеля, Челлена и Хаусхофера, выступала в виде составной части национал-социалистской идеологии.

Концептуальная или «ревизионистская» геополитика в большей степени претендует на научность. В этом случае совокупность геополитических концепций не представляет собой какой-либо упорядоченной идеи. Геополитика предстает как «определенная проблемная область, основной задачей которой выступает фиксация и прогноз пространственных границ действия силовых полей разного характера: военных, политических, экономических, идеологических, культурных, экологических»³⁷. Как правило, к данной области геополитики относят все геополитические концепции, сформировавшиеся вне Мюнхенской школы геополитики и получившие свое развитие после окончания Второй мировой войны.

Такая двойственность геополитики в трактовке ее российскими учеными имеет как позитивное, так и негативное значение. Прежде всего, она позволяет в процессе строго научного геополитического анализа абстрагироваться от нормативистских суждений, характерных, например, для немецкой геополитики. На передний план выступает когнитивная функция геополитической теории.

Однако, с другой стороны, целостная картина истории геополитической мысли предстает перед нами в разобленном виде.

³⁵ См.: Геополитические и геостратегические проблемы России. СПб., 1995. С. 23–25.

³⁶ См.: Плешаков К. Геополитика в свете глобальных перемен. // Международная жизнь. 1994. № 10. С. 30.

³⁷ Геополитические и геостратегические проблемы России. СПб., 1995. С. 25.

Разделение геополитики на две слабо друг с другом соприкасаемые части поднимает вопрос о том, какую из данных частей следует признать основополагающей. Так, если большинство российских ученых отвергает возможность рационального использования воззрений ряда немецких геополитиков, то, например, для публициста Дугина А.Г. такая двойственность геополитической теории дает основания строить свои геополитические воззрения, опираясь почти исключительно на концепции классиков геополитики и отвергая новейшие геополитические исследования³⁸.

Картина поиска адекватного определения термина «геополитика», объекта исследования данной науки и вычленения ее места в системе политических наук может оказаться неполной, если оставить без внимания воззрения ряд российских политологов, стремящихся переосмыслить базисные компоненты геополитической теории.

Так, Сорокин К.Э., директор Центра геополитических исследований Института Европы РАН, справедливо указывает на то обстоятельство, что устойчивость биполярной системы международных отношений, сложившаяся после окончания второй мировой войны, ослабила творческий потенциал геополитики. Она сконцентрировала свое основное внимание на проблемах глобальной политики, то есть стратегических направлениях развития международных отношений. В результате американская и западноевропейская геополитика оказалась не в состоянии предсказать кризисные явления в социалистическом лагере. Более того, до последнего момента возможность распада Организации Варшавского договора и Советского Союза оставалась без внимания. Доверие к геополитике было подорвано, возникли сомнения в ее способности трактовать и предугадывать ход исторических процессов³⁹. В данном случае на повестку дня встал вопрос о необходимости реформирования геополитической теории. Причем, реформирования в том же объеме, как это было осуществлено в середине века.

Один из путей реформирования геополитической теории Сорокин видит в возможности расширения предмета ее исследования с тем, чтобы создать «комплексную дисциплину о современ-

³⁸ См.: Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: «Арктогея», 1997.

³⁹ См.: Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996. С. 11.

ной и перспективной «многослойной» и многоуровневой глобальной политике, многомерном и многополярном мире»⁴⁰. Такое расширение предмета исследования существенно бы расширило аналитическое поле новой геополитики, которая могла бы заострить внимание не только на глобальном, но и на региональном, субрегиональном и даже внутригосударственном уровнях.

В то же время Сорокин признает наличие двух разделов в современной геополитике – Это «фундаментальная» и «прикладная» геополитика. Отличие их друг от друга состоит в том, что первая изучает мировые политические системы, а вторая вырабатывает принципиальные рекомендации по вопросам осуществления политики государств на мировой арене.

На необходимость существенной корректировки предмета исследования геополитики указывает и другой российский ученый-политолог Гаджиев К.С., солидаризируясь в данном вопросе с Сорокиным К.Э. В частности, он отмечает, что основные постулаты геополитики, основанные на тех или иных формах географического и пространственно-территориального детерминизма, в силу смены парадигм международно-политических отношений на глобальном уровне более не отвечают требованиям современного этапа развития человеческого общества.

Выход из сложившегося положения Гаджиев видит в необходимости смены методологических моделей современной геополитики. Необходимо отказаться от традиционного понимания геополитики как науки, призванной изучать преимущественно пространственную составляющую системы международных отношений, основываясь при этом на положениях географического детерминизма. Геополитика также не должна быть оружием военно-силовой политики и стратегии экспансии и достижения гегемонии.

В качестве одного из решений данной проблемы Гаджиев предлагает «интерпретировать префикс «гео» в термине «геополитика» не как картографическое измерение международно-политических реальностей, а как восприятие мирового сообщества в качестве единой, «завершенной» системы в масштабах всей планеты»⁴¹.

⁴⁰ Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996. С. 16.

⁴¹ Гаджиев К.С. Геополитика. М., 1997. С. 38.

Появление альтернативного понимания геополитики, отличного от классического, отражает важную проблему. Традиционная геополитическая система подходов и концепций уже не в состоянии произвести адекватный анализ действительности конца XX в. Концентрация внимания исключительно на классических геополитических концепциях не может дать полной гарантии возможности рационального решения проблем современной российской внешней и внутренней политики. Но, с другой стороны, по-новому интерпретированная геополитика также не всегда в состоянии сформулировать строго научное объяснение политическим процессам. Особенно наглядно это прослеживается в тех случаях, когда геополитики пытаются отбросить или кардинально переосмыслить какие-то базовые компоненты геополитики. В этой связи более логичным представляется путь синтеза новых геополитических подходов и концепций, основываясь, прежде всего на фундаментальных основах геополитической теории. К сожалению необходимо констатировать, что в современной российской политической науке попытки подобного подхода к формулированию новых геополитических концепций не нашли пока широкого распространения.

В свете вышесказанного можно заметить, что проблемы определения термина «геополитика» и вычленения предмета исследования данной науки не нашла своего окончательного решения среди российских ученых-геополитиков. Можно наблюдать лишь начальный процесс формирования определенных направлений геополитических исследований. Практически каждое из данных направлений строится, опираясь на собственную систему парадигм.

Наиболее наглядно такая разнонаправленность прослеживается при рассмотрении исследований российских геополитиков, анализирующих современное положение Российского государства в мировой политической системе.

Так, Поздняков Э.А.⁴² в основу своего анализа российской политики берет концепцию Х. Маккиндера, подразумевающую наличие «сердцевинного региона» («хартленда»), выступающего в качестве своеобразной точки отчета всей мировой политики. Принимая во внимание последующие дополнения и уточнения к

⁴² См.: Поздняков Э.А. Геополитика. М., 1995.

данной концепции, выработанные, прежде всего, такими авторами, как Спикмен Н. и Коэн С., Поздняков утверждает, что СССР, а теперь и Россия географически занимает регион, который можно охарактеризовать как «хартленд».

В силу этого после дезинтеграции Советского Союза значение России в мировой геополитической системе координат изменилось несущественно. Она продолжает оставаться единственной силой, способной уравновесить гегемонистские устремления стран, составляющих «римленд» («внешний полумесяц») или регион, противостоящий «хартленду». «Ходом истории России отведена роль держателя как мирового цивилизационного, так и силового баланса сил»⁴³.

В целом с оценкой Позднякова современного геополитического положения России солидаризируются другие российские геополитики – Мироненко Н.С. и Колосов В.А., которые также основывают свои воззрения на концепции Маккиндера.

Колосов В.А.⁴⁴, в сущности, детализирует основные положения Позднякова, указывая на ряд особенностей, свойственных геополитическому положению России на всем протяжении ее исторического развития. К таковым особенностям он относит:

- положение России на стыке разных культурных миров. Практически со всех сторон и во все времена Россию окружали представители чуждых ей культурно-исторических типов. Результатом стало формирование так называемой «психологии окружённости», то есть системы стереотипов поведения, направленного исключительно на противодействие внешнему негативному воздействию;

- континентальность России, гигантские размеры ее территории и трансокеаничность;

- крайняя затрудненность доступа к открытому океану.

Мироненко Н.С.⁴⁵ концентрирует свое основное внимание на особенностях современного положения России. В частности, он указывает на то, что, во-первых, Россия остается правопреемни-

⁴³ Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 6. С. 7.

⁴⁴ См.: Колосов В.А. Российская геополитика: традиционные концепции и современные вызовы // Общественные науки и современность. 1996. № 3.

⁴⁵ См.: Геополитические и геостратегические проблемы России. СПб., 1995.

цей Советского Союза и не может сразу же освободиться от многих старых геополитических проблем, к каковым следует отнести: неопределённость границ самой России, значительную численность русскоязычного населения в странах – бывших союзных республиках СССР, неразрешенность ряда внешнеполитических проблем бывшего СССР на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке и других районах. Во-вторых, в России ещё не завершился процесс формирования системы отношений между властью и обществом, характерной для целостного государства современного типа. И, в-третьих, в России продолжается достаточно острая внутренняя политическая борьба вокруг формулирования системы национально-государственных интересов.

Возможность преодоления внутренних кризисных явлений в России Мироненко видит в необходимости построения полноценного правового демократического государства.

Важно заметить, что идеологическая значимость рассмотренных выше исследований очень велика. Отождествление России с маккиндеровским «хартлендом» изначально предопределяет ведущую роль страны на мировой арене. В сущности, предпринимается попытка по-новому обосновать мировой статус Российской державы и соответствующую данному статусу внешнюю политику, подразумевающую вовлечённость страны практически во все проблемы мировой системы международных отношений.

В то же время среди российских политологов получила распространение другая точка зрения на местоположение России в современном мире. С определенной долей уверенности эту концепцию можно назвать изоляционистской, ибо она, в отличие от предыдущих, рисует принципиально иную картину российской геополитики. Речь в данном случае идет о геополитической концепции политолога Цымбурского В.Л.⁴⁶

В отличие от Позднякова и Мироненко свой анализ геополитического положения России Цымбурский построил на основе этноцивилизационного подхода. С его точки зрения, Россия представляет собой совершенно особое, самостоятельное этнокультурное образование, которое нельзя идентифицировать ни с романо-германской, ни с мусульманской или конфуцианской ци-

⁴⁶ См.: Цымбурский В.Л. Остров Россия (перспективы российской геополитики) // Полис. 1993. № 5. С. 6–25.

визациями. Россия – это «остров» в среде различных культурно-исторических типов.

По мнению Цымбурского, Россию в качестве «острова» характеризуют три основных признака: во-первых, Россия – это целостный геополитический тип русского этноса; во-вторых, Россия обладает обширными, труднодоступными и малоосвоенными пространствами на востоке; а в-третьих, Россия отделена на западе от романо-германской Европы поясом народов и территорий, прилегающих к коренной Европе, но не входящих в нее. Это так называемые «территории-проливы».

Такая постановка вопроса о геополитическом положении России существенно меняет систему базовых компонентов, на которых основывается современная внешняя и внутренняя политика страны. «Остров Россия» существенно отличается от такого конструкта, как «Россия-Евразия» евразийцев или «хартленд» Маккиндера, ибо в данном случае нет ни механистического смешивания двух достаточно разных цивилизационных Феноменов, ни абстрактного отождествления России с каким-либо регионом Земного шара. На первый план выступает самоценность России как цивилизации.

В геостратегическом плане модель «остров Россия» дает «снижение внешнего давления на Россию по всему азимуту, кроме района встречи с Китаем в Приморье»⁴⁷. В контексте же экономического развития страны данная модель должна переориентировать основное внимание на экономическое развитие внутренних российских регионов и, прежде всего, восточных окраин.

В целом можно согласиться с тем, что концепция Цымбурского «остров Россия» во многом отвечает требованиям сегодняшнего дня. Её ограниченный изоляционизм является достаточно сильным противовесом гегемонизму концепций, основанных на идеях Маккиндера. В силу этого её популярность объяснима.

Совершенно с других методологических позиций подошел к оценке современного геополитического положения России другой геополитик Сорокин К.Э.⁴⁸ В основу своего анализа он поло-

⁴⁷ Проблемы российской геополитики (круглый стол) / Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 6. С. 6.

⁴⁸ См.: Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССНЭН, 1996.

жил оценку ряда переменных факторов, которые, в свою очередь, составили совокупную картину геополитического потенциала государства. Выработанная им система геополитических факторов охватывает практически все стороны внутренней жизнедеятельности государства: начиная от климатических условий и качества сельскохозяйственных угодий и заканчивая наукой и политической сферой. По результатам оценки каждого фактора вырисовывается целостная картина, отражающая особенности геополитического положения страны. Подводя итог своему анализу перспектив российской геополитики, Сорокин констатирует тот факт, что «пока Россия демонстрирует отрицательную геополитическую динамику»⁴⁹.

В то же время он подчеркивает, что негативные тенденции геополитического положения России не могут рассматриваться как постоянные. Целенаправленное воздействие на переменные факторы – экономика, военная мощь или государственное устройство – и извлечение из постоянных факторов таких, как климат или ландшафт, наибольшего числа преимуществ может стать основой для восстановления глобальных позиций державы. При этом на первоначальном этапе рациональнее, по мнению Сорокина, основываться на тех внутренних факторах российской геополитической мощи, которые продолжают сохранять достаточно высокий позитивный уровень развития. Прежде всего, это территория, природные ресурсы, оставшийся военный потенциал и отдельные сферы промышленного и интеллектуального производств.

Легко заметить, что данный анализ геополитического положения России носит скорее прикладной характер. В силу этого его можно рассматривать в качестве конкретизации и логического завершения фундаментальных геополитических исследований.

Если же рассматривать в целом всю совокупность концепций российских политологов, анализирующих современное геополитическое положение России, то можно заметить их определенную разнонаправленность. Сегодня ещё нельзя вычленить какую-либо концепцию, способную с наибольшей степенью точности сформулировать единственно верную линию поведения России на международной арене. Это является следствием отсутствия в

⁴⁹ Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССНЭН, 1996. С. 50.

российской политической науке целостной геополитической традиции. Процесс её формирования находится лишь на начальной стадии и отличается значительной степенью эклектичности. Однако то обстоятельство, что отечественные ученые обратили свое внимание к геополитике и взяли на вооружение основные геополитические подходы, свидетельствует о значимости геополитики как науки и о возможности её использования для оценки внешней и внутренней политики современной Российской державы.

1.2. Методологические основы современной геополитики

Историю формирования и развития геополитики как науки можно охарактеризовать как многосложный и разнонаправленный процесс, которому всегда были свойственны характерные особенности. Главная особенность состоит в том, что современная геополитическая теория как комплексная наука во многом не сформировалась. Геополитика продолжает сохранять свой собирательный характер, оставаясь лишь совокупностью концепций, объединенных присутствующими в каждой из них устойчивыми компонентами. Этим определяется та сложность, которая возникает при попытке определения понятия «геополитика» и при вычленении предмета данной науки. Эклектичность геополитики заставляет подходить дифференцированно к различным геополитическим теориям. Это особенно важно при рассмотрении методологической базы геополитических исследований.

Всю геополитику сегодня можно представить в виде сочетания трех основных подходов. В соответствии с первым под геополитикой понимается наука, изучающая влияние географических факторов на такое общественное явление, как политика. Пространство в этой связи как наиболее важный географический фактор предопределяет всю совокупность политических действий государства, направленных как на внутривнутриполитическую деятельность, так и на взаимоотношения с другими государствами. Данный подход был характерен в первую очередь для ученых, сформулировавших основные положения геополитической науки, а именно для Ф. Ратцеля и Р. Челлена.

Второй подход трактует понятие «геополитика» в качестве науки, рассматривающей глобальное противоборство мировых

держав за преобладание и власть в мире или регионе, а также в качестве действий, связанных с установлением доминирования какой-либо державы в определенной части земного шара. Исходя из данного понимания геополитики, строили свои теоретические модели такие идеологи внешней политики США, как Н. Спикмен, С. Коэн, З. Бжезинский, Г. Киссинджер и др.

Рассмотрение геополитической теории как инструмента внешней политики, позволяющей определить ее возможности и приоритеты, характерно для третьего подхода. В данном случае геополитика приобретает главным образом прикладное значение, превращаясь в некую пространственную стратегию, корректирующую политическую деятельность, исходя из географических факторов.

Между тем генетическая связь данных подходов очевидна. Важность же такой внутренней градации геополитической теории состоит в том, что каждый из данных подходов имеет свои специфические методологические особенности. Это значит, что на протяжении всей истории развития геополитической мысли шел процесс усовершенствования её методологической базы.

Основой формирования геополитики стала попытка рассмотрения внутри- и внешнеполитических процессов с точки зрения географических факторов, прежде всего таких, как климат, рельеф местности, географическое положение государства и т.д. В сущности, была предпринята попытка применения методов географического детерминизма к сфере политики.

Основные положения географического детерминизма были сформулированы в XVIII в., когда наиболее ярко проявились тенденции к рациональному осмыслению общественных отношений. Субъективно-идеалистические концепции, объясняющие причины общественного прогресса свободной волей человека, который действует под влиянием какой-либо идеи или божественного провидения, уступали место теориям, которые с точки зрения разума могли бы объяснить сложную систему отношений, сложившихся в обществе. Одной из таких концепций стал географический детерминизм.

В то же время следует заметить, что географический детерминизм нельзя назвать каким-либо однородным философским или социологическим направлением. Это, скорее, обобщенный термин в отношении тех натуралистических философских тео-

рий, которые, несмотря на многочисленные различия, касающиеся других вопросов, пытались объяснить развитие общества исходя из положения о доминирующем значении окружающей природы, географической среды или отдельных ее факторов, таких как климат, рельеф, полезные ископаемые и т.д. Географический детерминизм стал методом, используя который философы пытались рационально объяснить причины различий между народами, между теми общественными системами, в которых эти народы живут.

В истории философской мысли делались неоднократные попытки объяснить природу общественных отношений исходя из географических условий жизнедеятельности. Решению вопроса о зависимости нравов, обычаев, образа правления от географической среды уделяли достаточно большое внимание такие античные авторы, как «отец медицины» Гиппократ, «отец истории» Геродот, римские мыслители Полибий и Страбон и многие другие.

В Новое время французский политический мыслитель Жан Боден (1530–1596) указывал на необходимость при осуществлении законотворческой и административной деятельности помимо социальных учитывать также и климатические условия жизнедеятельности.

Однако первым, кто наиболее полно сформулировал основные положения географического детерминизма, стал французский философ Ш.Л. Монтескье (1689–1755). Суть географического подхода к изучению общественных отношений строилась им на основе положения о решающем влиянии географической среды на возникновение и существование различных форм государственной власти и законодательства. По мнению Монтескье, законы должны иметь определенное отношение к физическому характеру страны, к климату (холодному, теплomu или умеренному), к характеру почвы, ее положению, ее площади, к способу жизни народов (к земледельческому, охотничьему или пастушескому). Причем все эти отношения, «все вместе взятые, образует то, что называется духом законов»⁵⁰. На основе этого философ делал вывод о том, что всякий разумный законодатель должен действовать, в конечном счете, в соответствии с естественной средой, окружающей человека.

⁵⁰ Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1955. С. 47.

В последующем воззрения Монтескье неоднократно подвергались критике. Однако именно его учение о влиянии географических факторов на формирование человеческого общества стимулировало в среде философов интерес к такому методу исследования, как географический детерминизм.

Более тщательно, чем Монтескье, к вопросу о влиянии географических факторов на природу человеческого общества подошел немецкий ученый И. Г. Гердер (1744–1803), который считал, что для поступательного развития цивилизаций необходима определенная совокупность внешних и внутренних факторов. К числу внешних факторов он относил физическую природу и, прежде всего, такие ее элементы, как климат, почва, географическое положение.

Необходимо заметить, что Гердер в отличие от Монтескье определял понятие «климат» более широко, понимая под ним всю окружающую среду в целом. Так, он отмечал, что народы «верны почве земли, неотделимы от нее. Все устройство их тела, весь образ жизни, все радости и занятия, к которым приучены они с детства, весь кругозор их представлений – все определено климатически. Отнимите у них землю, и вы отнимите у них все»⁵¹.

Последователь идей Гердера немецкий географ К. Риттер (1799–1859) в основу своих воззрений положил полную гармонию между человеком и окружающей его средой. По его мнению, все тело планеты точно совпадает в своем влиянии на человека с гением того народа, который населяет данную область. Взаимное влияние происходит между землей и населяющими ее народами, и путем такого влияния среды на человека и человека на среду человеческий род развивается согласно божественному предначертанию.

Нельзя не заметить, что ни Гердеру, ни Риттеру не удалось избежать неких мистических толкований воздействия природы на человека.

В последующем о возможности влияния природы на прогресс человеческой цивилизации писали и другие философы. Так, И. Кант (1724–1804) в своих лекциях по географии развивал мысль о том, что представления народов о земном шаре строились под влиянием тех физико-географических условий, которые

⁵¹ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 175.

были характерны для территории проживания данных народов. А Г.-В.-Ф. Гегель (1770–1831) в своей «Философии истории» прямо указывает на детерминированность истории разных народов географическими факторами.

В рамках географического детерминизма наибольшего внимания заслуживают, пожалуй, воззрения таких ученых, как Г.Т. Бокль и Л.И. Мечников. Так, Г.Т. Бокль (1821–1862) в своем фундаментальном труде «История цивилизации в Англии»⁵² рассматривал взаимодействие четырех главных разрядов, оказывающих воздействие на человеческий род. К таковым он относил климат, пищу, почву и общий вид природы. При этом последний разряд образует как бы самостоятельный географический фактор, не связанный с тремя предыдущими. Под ним Бокль подразумевал те явления природы, которые хотя и воспринимаются посредством органов чувств, но которые порождают различные умозрительные ассоциации, являющиеся основой для складывания особого хода мыслей у разных народов.

Суть схемы взаимодействия климата, пищи и почвы таковы: в силу необходимости получения пищи (как условия своего существования) человек напрямую зависит от таких факторов, как климат и почва. Но климат дает человеку стимул к труду, а почва дает возможность осуществлять этот труд. В этом случае продуктом труда должна стать пища, которая, в свою очередь, является основным источником богатства или, пользуясь современной терминологией, капитала, обеспечивающего социальное развитие.

Накопление богатства, таким образом, напрямую зависит от почвы и климата. Но влияние климата, дающего человеку богатство посредством возбуждения его к труду, признавалось Боклем более благоприятным для дальнейшего развития человека, чем влияние почвы, которая тоже дает человеку богатство, но делает это не посредством возбуждения его энергии, а в силу физической зависимости между свойствами почвы и количеством и качеством производимого ею продукта.

Мечников Л.И. (1838–1888), признавая основополагающее влияние окружающей среды, толкует это понятие иначе, чем Бокль. В своем труде «Цивилизация и великие исторические ре-

⁵² См.: Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. СПб., 1864. Т. 1. Ч. 1.

ки»⁵³ он указывает на влияние гидросферы как на фактор, который оказывает гораздо большее влияние на развитие человеческого общества, чем другие компоненты среды. В то же время он признавал, что заданная совокупность физико-географических факторов не может и не должна играть всюду одну и ту же неизменную роль. Речь идет лишь о том, чтобы установить историческую ценность этих условий и изменчивость этой ценности в течение веков и на разных ступенях цивилизации.

История развития цивилизации, по Мечникову, это история приспособления человека к окружающей его среде. В ходе этого приспособления человек научается не только преодолевать влияние окружающей среды, но и в последующем использовать различные природные условия для своей жизнедеятельности.

Иными словами, географические факторы не оказывают на развитие человеческого общества постоянного воздействия. Их значимость в общественном прогрессе изменчива во времени, а та совокупность природных условий, которые были сдерживающими факторами, завтра может стать благоприятной средой для формирования и развития цивилизации.

Итак, использование географического подхода для понимания процессов общественной жизнедеятельности имеет продолжительную историю. Между тем ошибкой было бы полагать, что геополитика стала механистическим его перенесением на сферу политических отношений. Географический детерминизм стал для основоположников геополитики не единственно возможным методом исследования, а фундаментом, опираясь на который стало возможным формирование новых подходов к пониманию системы международных политических отношений. Опираясь на него, ученые не просто сформулировали очередную оригинальную концепцию, а стали основателями новой теории научного анализа.

В этой связи показателен пример немецкого ученого Фр. Ратцеля (1844–1904). Уже его подход к пониманию природы властных отношений в человеческом обществе можно в полной мере назвать геополитическим, хотя сам автор никогда не использовал термина «геополитика».

Как и его предшественники, Ратцель пытался с позиций географического детерминизма подойти к пониманию таких про-

⁵³ См.: Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Прогресс, Пангея, 1995.

блем, как связь эволюции народов и демографии с географическими данными, влияние рельефа местности на культурное и политическое становление народов и т.д. Но он не остановился лишь на данных позициях. В своем фундаментальном труде «Политическая география» Ратцель обосновывает свой главный методологический принцип, который состоит в том, что государство представляет собой биологический организм, действующий в соответствии с биологическими законами. С этой точки зрения географическое пространство теряет свое первоначальное значение и предстает в виде естественной среды (или, как его называет Ратцель, «геобиосреды»), в которой функционирует такой биологический организм, как государство. Ратцель указывает на то, что «государство предстает для нас организмом, в построении которого участвует определенная часть поверхности земли, так что свойства государства оказываются свойствами народа и земли. Важнейшими из них являются размеры, положение и границы, затем характер и свойства земли с её растительностью и водами и, наконец, её отношение к другим частям земной поверхности»⁵⁴.

Понимание государства как живого организма приводит к необходимости надления его всеми признаками такового. Государства рождаются, живут и умирают, подобно каждому живому существу. Следовательно, его пространственное расширение и сжатие являются естественными процессами, связанными с его внутренними жизненными циклами. Отсюда вытекает такое понятие, как «жизненное пространство», то есть такое пространство, которое необходимо для нормальной жизнедеятельности государства.

Совокупность данных положений Ратцеля составила ту методологическую базу, на основе которой его последователи развивали свои геополитические воззрения. В последующем некоторые концепции Ратцеля были переосмыслены, но отношение к государству как к «живому, пространственному, укорененному в почву организму» и сегодня продолжает оставаться важнейшим методологическим принципом геополитики.

Шведский географ Р. Челлен (1864–1922) продолжил методологические поиски Ратцеля. Основываясь на воззрениях последнего, он вводит в научный оборот термин «геополитика»,

⁵⁴ Цит. по: Гейден Г. Критика немецкой геополитики. М., 1960. С. 101.

понимая под ним науку, изучающую государство как живой организм.

Однако, если Ратцель рассматривал государство в качестве организма низшего типа, находящегося на одном уровне с водорослями и губками, то Челлен ставил государство на один уровень с высокоразвитыми организмами, способными мыслить и чувствовать.

Следствием этого является то, что вся жизнедеятельность государства, по утверждению Челлена, подчинена категорическому политическому императиву: расширению своей территории путем колонизации, объединения или завоеваний различного рода. Всем государствам свойственно не стихийное стремление к завоеваниям, а естественный и необходимый рост в целях самосохранения. «Борьба за существование» является неотъемлемым свойством всех государств. Соответственно развитие государства должно осуществляться исходя из правил этой борьбы⁵⁵.

Таким образом, Ратцель и Челлен сформулировали основы геополитической теории. Ключевым принципом их геополитики стала биологическая теория государств, именно так был назван предложенный данными учеными подход. Он решил поставленные перед ним проблемы и задал направление для дальнейшего поиска.

Между тем ни географический детерминизм, ни биологический подход не имели первостепенного значения для воззрений тех ученых-геополитиков, которые видели в геополитике науку, изучающую глобальное противоборство мировых держав. Это связано, прежде всего, с тем, что они основывали свои выводы на новых, ими привнесенных методологических подходах.

Концентрация внимания на проблемах глобального противостояния мировых держав наложила определенные особенности на используемые для этого методы. В этой связи наибольший интерес представляет рассмотрение геополитических дихотомий, то есть противопоставлений, носящих глобальный характер.

Оценивая мировые политические процессы с точки зрения дихотомий, ученым-геополитикам удастся раскрыть сущность противостояния государств, а также обозначить основные векторы приложения сил. Дихотомичность дает достаточно наглядное представление о причинах существующих в мировой политике

⁵⁵ См.: Гейден Г. Критика немецкой геополитики. М., 1960. С. 111.

конфронтационных процессов, отталкиваясь при этом не от воли того или иного человека, а от их пространственной детерминированности. При противопоставлении каких-либо географических территорий и свойственного им функционального наполнения происходит как бы автоматическое противопоставление и тех государств, которые в данный момент эти территории занимают.

В геополитической теории можно выделить несколько основных дихотомий. Перечислим их:

- талассократия – теллуократия (противопоставление морской силы и силы земли);
- центр – периферия;
- хартленд – римленд.

Каждое из этих противопоставлений имеет в основе деления мира свои критерии, но подход остается неизменным.

Дихотомия «талассократия – теллуократия» была сформулирована немецким геополитиком К. Хаусхофером (1869–1946). Однако на противопоставление континентальных и морских держав несколько ранее указывал еще американский адмирал А. Мэхэн (1840–1914). Но он не пошел дальше констатации данного факта, тогда как Хаусхофер смог обосновать и детализировать данную концепцию.

Суть данной дихотомии состоит в том, что глобальное противоборство государств строится между державами, занимающими доминирующее положение на континенте (прежде всего, имеется в виду Евразия), и державами, господствующими на море.

Дихотомия «центр – периферия» обязана своим появлением английскому географу Х. Маккиндеру (1861–1947)⁵⁶, который впервые в 1904 г. в своем докладе «Географическая ось истории» высказал предположение о существовании некой географической области, обладающей значительным влиянием на ход мировой истории. Обладание хартлендом (сердцевинной землей), как в последующем Маккиндер назвал эту область, дает важное преимущество, которое заключается в возможности контролировать прилегающие к хартленду прибрежные территории или так называемый «внутренний или крайний полумесяц», что является необходимой предпосылкой для установления своего господства во всем мире.

⁵⁶ См.: Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. С. 166–169; Mackinder H. J. Democratic Ideals and Reality. N.-Y., 1962.

В сущности, Маккиндер пытался иерархизировать обитаемое пространство планеты через систему концентрических кругов. «Хартленд» или «географическая ось истории» является в его концепции центральной и ключевой частью Мирового Острова. В последнее понятие Маккиндер включал территорию трех континентов – Европы, Азии и Африки, полагая, что именно данные территории выступают в виде носителей человеческой цивилизации.

Далее идет «внутренний или окраинный полумесяц». Это пояс южных береговых территорий Евразийского континента. Мировое значение этих территорий состоит в том, что они, по мнению Маккиндера, выступают в качестве зоны наиболее интенсивного развития цивилизаций. Данное положение во многом согласуется с теоретическими исследованиями Мечникова Л.И. об особенностях зарождения древнейших цивилизаций.

Прочие территории земного шара, составляющие географически и культурно внешнюю по отношению к материковой массе Мирового Острова зону, обозначены Маккиндером как «внешний или островной полумесяц». Данные географические пространства составляют своеобразную периферию человеческой цивилизации. Своим возникновением и возможностью нормального развития они обязаны исключительно центральным, «историческим» районам Земли.

Суть же отношений по оси центр – периферия, как считал Маккиндер, строится на основе следующих процессов, детерминирующих ход мировой истории. «Хартленд» оказывает постоянное воздействие на периферийные территории, проявляющееся в виде неких энергетических импульсов. В истории такие импульсы принимали образ нашествий скифов, гуннов или монгольских завоевателей – так называемых «разбойников суши». Данные импульсы в какой-то мере уравнивались противоположно направленными импульсами. Народы, проживающие на территориях «внутреннего полумесяца», так называемые «островные жители» или «разбойники моря» стремились нейтрализовать давление из центра континента, осуществляя колониальные экспедиции.

Известный американский социолог Н. Спикмен (1893–1943)⁵⁷, продолжив линию геополитических исследований, начатую Маккиндером, творчески переработал его дихотомию.

⁵⁷ См.: Spykmen N. The geography of the peace. New York, 1944. P., 38–41.

По мнению Спикмена, Маккиндер переоценил геополитическое значение хартленда. Несмотря на то, что хартленд остается центром Мирового Острова, все его влияние может быть в полной степени нейтрализовано влиянием пространств, составляющих «внутренний полумесяц» (Спикмен называет эти пространства «римлендом»). Более того, геополитическое значение римленда в ряде случаев оказывается гораздо выше геополитического значения хартленда. В этой связи дихотомия «центр – периферия» сменяется новой моделью противопоставления двух практически равнозначных центров силы «хартленд – римленд».

Известную геополитическую формулу Маккиндера – «тот, кто контролирует Восточную Европу, доминирует над хартлендом; тот, кто доминирует над хартлендом, доминирует над Мировым Островом; тот, кто доминирует над Мировым Островом, доминирует над миром» – Спикмен предложил заменить новой – «тот, кто доминирует над римлендом, доминирует над Евразией, тот, кто доминирует над Евразией, держит судьбу мира в своих руках».

Необходимо заметить, что в последующем концепции Маккиндера и Спикмена были продолжены в атлантистской линии американской геополитики.

При всей значимости двух данных картин мировой политики нельзя не обратить внимание на их ярко выраженный конъюнктурный характер. Авторы, преследуя во многом узкие политические цели, подгоняли существующую действительность под рамки своих теорий. Так, например, Хаусхофер не смог преодолеть внутренних противоречий в своих геополитических воззрениях, связанных с необходимостью примерить исходящую из логики его дихотомии идею союза с Советским Союзом с идеей завоевания «жизненных пространств» на Востоке. Маккиндер трижды корректировал свою теорию хартленда, всякий раз изменяя границы данной области и отображая тенденции мировой политики. А Спикмен в своем анализе исходил, прежде всего, из необходимости обоснования ведущих позиций Соединенных Штатов в мировой политической системе. В этой связи необходимо иметь в виду, что использование данных теоретико-методологических схем требует определенной степени осторожности.

Но, с другой стороны, модели мировой системы политических отношений, основанные на противопоставлениях, не оста-

лись незамеченными в научной среде. Если дихотомия «талассократия – теллурократия» после поражения нацистской Германии была практически выведена из научного оборота, то противопоставление «хартленд – римленд» стало основой практически для всех геополитических моделей, выработанных после окончания второй мировой войны. Дихотомия же «центр – периферия» в качестве методологической модели получила широкое распространение в сфере политической и экономической географии.

Параллельно с геополитикой шло формирование самостоятельной науки – теории международных отношений, чей предмет исследования во многом совпадал с предметом исследования геополитики. Данная теория была призвана комплексно подойти к изучению системы международных отношений, не ограничиваясь в отличие от геополитики каким-либо одним аспектом проблемы. Однако близость предмета исследования предопределила ситуацию, когда обе теории оказались в русле одного научного течения. Результатом стало взаимное использование методов теоретического исследования.

Так, явно под влиянием школы политического реализма геополитика усвоила такой методологический принцип теории международных отношений, как «презумпция государственного одиночества». Суть данного принципа сводится к констатации факта превращения государства в субъект системы международных отношений. В результате оценка ситуации на мировой арене происходит только сквозь призму интересов государства. Последние при этом выступают в роли основного движущего фактора мировой политики.

При этом нельзя не заметить, что «презумпция государственного одиночества» переплетается с определением государства как живого организма. В этой связи можно признать, что два данных методологических подхода удачно взаимодополняют друг друга. Но так как внимание каждого из них направлено на различные проблемы, то усвоение геополитикой данного принципа стимулировало усиление внимания ученых-геополитиков к проблеме государственного или национального интереса.

Другим примером влияния теории международных отношений на геополитику можно назвать попытку применения системного подхода к целому ряду геополитических исследований. Данный подход зародился в среде политологов, специализирую-

щихся на проблемах внешней политики государства. Достаточная универсальность подхода сделала возможным его применение не только для анализа конкретных ситуаций, но и для комплексного исследования всей системы международных отношений.

Основателем системного подхода можно назвать австрийско-го биолога-теоретика Л. фон Берталанфи (1901–1972), разработавшего его основные положения. В гуманитарных науках системный подход был впервые использован социологом Т. Парсонсом (1902–1979). Суть метода состоит в рассмотрении любой сферы общественных отношений в виде целостной, самодостаточной, сложно организованной и саморегулирующейся системы, находящейся в непрерывном взаимодействии с окружающей средой через определенную совокупность входов и выходов. В этой связи все усилия по изучению системы направлены на «выявление её целостного характера, способа связи элементов системы (т.е. её структуры), механизма функционирования и развития системы вместе с движущими силами этой системы»⁵⁸.

Рассмотрение сферы международных отношений в качестве системы определенным образом изменяет структуру анализа. Основное внимание аналитиков направлено не на исследование внешней политики отдельных государств, а на выявление механизма функционирования системы в целом, вычленение закономерностей её жизнедеятельности.

Применение системного подхода в геополитике позволяет строить анализ, опираясь не только на географические параметры, но и на целую совокупность факторов, использование которых ранее было ограничено. Комплексный подход к геополитическим проблемам дает возможность более глубокого понимания сути происходящего.

Однако даже привлечение геополитикой подходов, характерных для теории международных отношений, не может гарантировать адекватного отображения современной ситуации в мировой политической системе. Процесс формирования и развития современной геополитики пришелся на период господства в международных отношениях парадигмы, указывающей на ярко выраженный конфронтационный характер этих отношений. Большинство геополитических моделей создавалось под влиянием биполярной

⁵⁸ Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. М.: Наука, 1976. С. 17.

системы отношений, подразумевающей наличие двух мировых центров силы (СССР и США). Любые действия на мировой политической арене осуществлялись исключительно в рамках данной парадигмы поведения. В силу этого научная геополитическая мысль также находилась и во многом продолжает находиться под её влиянием.

Однако в 1990-е гг. наметилась ярко выраженная тенденция изменения существующей мировой политической системы, характеризующаяся прежде всего дезинтеграцией второго полюса в оси отношений СССР – США. В настоящее время можно наблюдать наличие лишь одного мирового центра политической силы – США.

В силу этого большинство геополитических концепций оказались не в состоянии в рамках прежней парадигмы осуществить детальный и всесторонний анализ политической действительности. Перед геополитической теорией назрела необходимость поиска новой парадигмы научных исследований.

Следует признать, что процесс поиска геополитической теорией новых базовых убеждений, ценностных категорий и технических средств уже наметился. Наиболее наглядно он прослеживается в рамках российской и французской геополитических традиций. Проблема формирования и развития российской геополитической традиции будет рассмотрена ниже. Французская же школа геополитики, её современный этап развития заслуживают особого внимания.

Речь в данном случае идет о воззрениях французского географа И. Лакоста, который первым во Франции после окончания Второй мировой войны обратился к проблемам геополитики. Прежде всего, Лакост и его коллеги в издаваемом им журнале «Геродот» подвергли острой критике всю сложившуюся систему геополитических знаний. По их убеждению, геополитика была призвана выполнять функцию идеологического обеспечения внутри- и внешнеполитических интересов правящей элиты во всех государствах. То есть геополитика признается Лакостом не научной сферой знаний, а идеологией.

Избавить геополитику от идеологического наполнения была призвана попытка журнала «Геродот» по-новому осмыслить геополитическую теорию. Прежде всего, Лакост указывает на то, что такие элементы геополитического анализа, как географическое

пространство и границы, имеют пассивный и нейтральный характер. Кроме того, не существует никакой прямой зависимости между величиной той или иной страны и территориальными вопросами.

Сторонники данного направления геополитики признают определяющее значение экономического фактора в общественно-политическом развитии. Пристальное внимание уделяется также изучению культурных вариаций, в частности культурных ландшафтов различных единиц пространственного и политического ранга⁵⁹.

В данной ситуации геополитика Лакоста приобретает совершенно новое определение. Она становится лишь инструментом анализа конкретной ситуации. Значение же глобальных геополитических теорий нивелируется до уровня относительных и исторически обусловленных понятий.

В сущности, геополитическая концепция Лакоста представляет собой новую дисциплину, родившуюся из геополитической теории, но основанную на новой парадигме научного анализа. Такая геополитика получила название «внутренней» или «прикладной». В то же время Лакост широко использует старые методологические схемы геополитического анализа. Это касается как сферы международных отношений, так и узорегиональных проблем.

Оборотной стороной данного процесса является ярко выраженная тенденция к сужению предмета исследований геополитической теории. Основной акцент делается на региональные исследования, многие из которых можно охарактеризовать как детализированный географический анализ. Показательным в этой связи является формирование так называемой «электоральной геополитики», изучающей территориальное распределение политических пристрастий населения. Все это дает основание согласиться с тем, что Лакост и другие авторы журнала «Геродот» «подразумевают под геополитикой «обычную» политическую географию на всех уровнях – глобальном, макрорегиональном, страновом и локальном»⁶⁰.

⁵⁹ См.: Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М.: Издательство «Конкорд», 1996. С. 130–138.

⁶⁰ Колосов В.А. Политическая география: проблемы и методы. Л.: Наука, 1988. С. 25.

В целом же можно констатировать, что попытка Лакоста переосмыслить сущность геополитики является первым этапом процесса поиска новой научно парадигмы геополитической теории.

Оценивая общий уровень методологической базы современной теории геополитики, можно сделать основной вывод о том, что в целом данная наука сохранила присущий ей изначально арсенал научных методов. К сожалению, усвоение новых методов идет недостаточно эффективно, что связано с рядом условий. Прежде всего, с тем, что геополитика не сложилась в качестве целостной научной теории. К тому же в геополитике на сегодняшний день наблюдается процесс смены научной парадигмы, вызванный подвижками в мировой политической системе. Однако данные обстоятельства не дают основания для того, чтобы вывести геополитическую теорию из целостной системы научных знаний. Процесс формулирования новых методов в рамках геополитики должен быть продолжен.

1.3. Категории и составляющие геополитического анализа

Построение геополитического анализа конкретной ситуации в системе международных отношений невозможно без предварительного рассмотрения того теоретического инструментария, на котором данный анализ основывается. Базовым компонентом геополитического анализа является система категорий. Вычленение общих теоретических понятий дает возможность адекватного отображения действительности. Возникновение логической взаимосвязи между основными категориями анализа возможно только при наличии концепций, позволяющих из разрозненного материала создать целостную картину происходящего.

Категории геополитического анализа

В процессе анализа внешней и внутренней политики государства либо оценки системы межгосударственных отношений наиболее важную роль играет категория интереса. Опираясь на знания о направленности интересов того или иного актора мировой политики, можно с достаточно высокой степенью достоверности проследить его стратегический курс.

В среде как российских, так и зарубежных политологов сложился подход к определению внешней политики государства на основе так называемых национальных интересов, то есть совокупного интереса государства, объединяющего в себе все другие проявления интереса.

Введением в научный оборот категории национального интереса мы обязаны школе политического реализма во главе с Г. Моргантау. Начиная с Н. Макиавелли, в среде политиков и политологов достаточно часто возникали идеи подхода к международным отношениям исключительно с рационалистических позиций. Однако только реалисты определили значение национальных интересов во внешней политике государства. В их интерпретации таковые выступили в качестве базы, на которой формируются внешнеполитические цели⁶¹.

Однако при использовании категории «национальный интерес» в геополитическом анализе возникает важная проблема, связанная с необходимостью определения её содержания. Понять, что такое национальный интерес, невозможно, если оставить без внимания вопрос о субъекте данного интереса.

Восходящий к идеям Великой Французской революции классический подход к определению данной категории предполагает существование нации-государства, основным элементом которого является наличие гражданского общества. Нация, под которой собственно и понимается гражданское общество, является тем субъектом, который формулирует весь набор национальных интересов. В силу этого правомерен вывод о том, что при отсутствии развитых структур гражданского общества не может быть и адекватно отображенной системы национальных интересов: «Нет «нации» – не может быть и «национальных интересов»⁶². Однако данный вывод способен завести исследователя в тупиковое положение. Ибо, с одной стороны, признается наличие феномена «национальных интересов», а, с другой стороны, констатируется тот факт, что целый ряд государств, не обладающих признаками развитых гражданских отношений, не могут рассматривать на-

⁶¹ См.: Современные буржуазные теории международных отношений. М.: Наука, 1976.

⁶² Кара-Мурза А.А. Между «империей» и «смутой» // Полис. 1995. № 1. С. 97.

циональный интерес в качестве императива своей внешней политики.

Не дает ответа на вопрос о сущности категории национального интереса и попытка определения нации не с этатистских, а с этнических позиций. В этом случае национальными признаются интересы доминирующего в государстве этноса, совпадающие с интересами правящей элиты. Но говорить о наличии общего для всех национального (в этническом смысле) интереса возможно только, если речь идёт о моноэтнических государствах, которых не так уж много. Но даже в этом случае необходимо учитывать, что любая нация дифференцирована по социально-экономическому и территориальному признакам, которые значительно корректируют интересы каждой её части.

Учитывая несостоятельность обозначенных выше подходов к определению сущности категории национальных интересов, некоторые ученые-политологи склонны выделять некие постоянные и неизменные факторы, которые при любых обстоятельствах выступают в роли формализаторов национальных интересов. В этом случае последним признается государство, которое рассматривается в качестве основного средства их выражения. Государство выступает важнейшим организационным институтом общества. Следовательно, на государство ложатся функции воплощения, выражения и защиты интересов последнего. В этой связи логичнее говорить не о «национальных», а о «национально-государственных» или просто о «государственных» интересах, ибо таковые возникают в момент единства интересов государства и общества.

Положение о тождественности государственных и национальных интересов справедливо в той мере, в какой справедлив методологический принцип, позволяющий наделять государство признаками живого организма, способного к формулированию собственной системы интересов.

Таким образом, некоторая разнонаправленность в определении категории национального интереса становится серьезным препятствием для широкого её использования в геополитической теории. Несмотря на то, что категория интереса является для геополитики ключевой, ни одно из её определений не может стать основой для теоретического анализа.

В силу этого многие геополитики избегают теоретических конкретизаций по поводу категории интереса вообще и категории национального интереса в частности.

В этой связи наиболее вероятной представляется линия на вытеснение категории национального интереса из сферы геополитического анализа в сферу исключительно политической теории и теории международных отношений. На смену данной категории должна прийти категория геополитического интереса, которую можно определить как стремление государства или коалиции государств к использованию территории или акватории других государств. Геополитические интересы «наиболее прямо, непосредственно определяются геополитическими позициями страны или стремлением к преодолению её естественных слабостей. Очевидно, геополитические интересы – наиболее устойчивый, базисный компонент национальных интересов»⁶³.

Такая трактовка категории «интерес» во многом сужает её функциональное наполнение. Однако, с другой стороны, осуществление геополитического анализа через призму геополитических интересов акторов системы международных отношений представляется более продуктивным и в большей степени адекватно отражающим исследуемую геополитическую ситуацию.

Набор геополитических интересов конкретного государства определяется спецификой его географического положения, внутренней социально-экономической и политической ситуацией, позицией данной страны в мировой политике и экономике, её национально-культурными и цивилизационными особенностями. При этом географические и экономические факторы имеют особое значение. Так как целый ряд факторов, влияющих на формирование геополитических интересов, подвержен постоянным изменениям, то необходимо допустить возможность эволюции самих интересов⁶⁴.

Следует сказать, что обычно выделяются несколько видов геополитических интересов:

- интересы, связанные со стремлением использовать природно-ресурсный, хозяйственный, культурный и технический потенциал другой страны через систему экономических отношений;

⁶³ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М.: Конверт – МОНФ, 1997. С. 12.

⁶⁴ См.: Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996. С. 27.

- интересы, связанные со стремлением к размещению военного присутствия на территории другой страны;
- интересы, связанные со стремлением непосредственного присоединения части одной страны к другой стране.

Итак, следует признать, что исходя, прежде всего, из геополитических интересов происходит формирование системы межгосударственных отношений и выработка линии поведения конкретной страны на мировой арене.

С категорией интереса напрямую связана такая проблема, как способ реализации геополитического интереса. На начальном этапе формирования системы отношений между государствами, то есть примерно с XVIII в., широкое признание получила концепция государственного расчёта (*raison d'état*), согласно которой «страна должна продвигать свои интересы, если необходимо силой, без учёта требований морали и учёта интересов других стран»⁶⁵. На протяжении истории международных отношений формы реализации интересов государства постоянно менялись. Процесс этот не останавливается и сегодня. Так, можно заметить, что государства отходят от силовых способов достижения своих интересов и берут на вооружение новые методы воздействия. Однако сформулированная формула *raison d'état* на сегодняшний день не утратила своего значения и, вероятно, ещё продолжительное время будет сохраняться в качестве императива внешней политики любого государства.

Следующей важной категорией геополитического анализа выступает категория геополитического положения страны, которая конкретизируется категориями географического, политико-географического и экономо-географического положений. При явной взаимосвязи последних категорий следует все-таки различать данные понятия. Дело в том, что под географическим положением понимается отношение страны или отдельного региона к географическим структурам, лежащим вне территории данной страны или региона. К таковым географическим структурам относят моря, реки, побережья, равнины и т.д. Рассматривая экономо-географическое положение, следует понимать под ним отношение к географическим структурам, лежащим вне данной стра-

⁶⁵ Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996. С. 30.

ны или региона, но имеющим для них важное экономическое значение. Политико-географическое положение страны подразумевает положение страны относительно важнейших центров мировой политической системы, положение страны в региональной системе межгосударственных отношений и учёт соседства разного порядка.

При этом всем этим категориям свойственен набор следующих характеристик:

- близость или удаленность страны от географических структур. Иногда эта характеристика называется географическим местоположением;

- соседство страны с теми или иными географическими структурами. При этом следует различать соседство первого порядка, то есть непосредственное соседство, и второго порядка, то есть соседство какой-либо страны, не имеющей с данной страной общих границ, с непосредственным соседом данной страны;

- выгодность для страны с экономической, политической и военно-стратегической точек зрения расположения разных участков границы относительно важных географических объектов, под которыми обычно понимаются природные ресурсы, крупные транспортные магистрали, индустриальные центры, сельскохозяйственные районы и т.д.⁶⁶

Следует сказать, что географическое, политико-географическое и экономо-географическое положение страны оказывает большое влияние на тип и направленность внутренней и внешней политики страны, особенности структуры её хозяйства, её внешнеполитической деятельности и её внешнеэкономических связей. В сущности, пространственное измерение такого политического института, как государство, выступает отправной точкой при формулировании системы его геополитических интересов.

Однако геополитическое положение страны не может ограничиваться лишь определением её географического, политико- и экономо-географического положений, лишь фиксирующих место страны на политической карте мира. Помимо данных категорий геополитическое положение должно также определяться как через сумму геополитических интересов самого государства по от-

⁶⁶ См.: Колосов В.А. Политическая география: проблемы и методы. Л.: Наука, 1988. С. 48–54.

ношению к сопредельным пространствам (активные интересы), так и через сумму геополитических интересов со стороны других стран относительно данного государства (пассивные интересы). Как справедливо заметил в этой связи Н. Спикмен: «Территория государства – это база, с которой оно действует во время войны, и стратегическая позиция, которую оно занимает во время всемирного перемирия, именуемого миром»⁶⁷.

Данная постановка вопроса переводит исследования в плоскость взаимоотношений государства и географического пространства. При этом последнее представляет собой определенную среду, в которой действуют акторы международных отношений. Влияние пространства носит опосредованный характер. Географическое пространство задает условия, которые необходимо принимать во внимание, осуществляя те или иные действия. При этом в силу того, что все геополитические интересы, с опорой на которые строится внешняя политика государств, имеют, как это указывалось выше, определенное пространственное выражение, игнорировать заданные условия невозможно. В этой связи некоторые российские ученые-геополитики предложили характеризовать географическое пространство как некое «игровое поле», арену противоборства, более напоминающую огромную шахматную доску. «Другое дело, что эта доска не расчерчена так строго, как шахматная. Нельзя сказать, что она никак не расчерчена, потому что на ней есть горы, долины, реки, традиционные торговые пути и перекрёстки, живут народы и племена, имеющие различную культуру и различный характер. Любое геополитическое действие не может не принимать в расчёт этих обстоятельств»⁶⁸.

Естественно, что географическое пространство дифференцировано не только по признаку сочетания каких-либо географических структур в заданном регионе. Наибольшее значение приобретает дифференциация пространства в зависимости от набора геополитических интересов в отношении данного района земного шара. В зависимости от набора геополитических интересов выступает и степень контроля того или иного государства над географическим пространством. Ставя последний критерий в основу

⁶⁷ Spykman N. *America's Strategy in World Politics*. Hamden, 1942. P. 41.

⁶⁸ Лурье С.В., Казарян Л.Г. Принципы организации геополитического пространства (введение в проблему на примере Восточного вопроса) // *Общественные науки и современность*. 1994. № 4. С. 85.

своей классификации, геополитик К. Плешаков⁶⁹ выделяет следующие виды географических пространств, которые он называет «геополитическими полями»:

- эндемическое поле – это пространство с наивысшей степенью контроля над ним со стороны населяющей его национальной общности. Это сердцевина любого государства;

- пограничное поле – это периферийное по отношению к сердцевине государства пространство, которое контролируется национальной общностью, но не освоено в той степени, чтобы слиться с эндемическим полем;

- перекрёстное поле – это пространство, которое стало объектом притязания со стороны нескольких национальных общностей. Оно также не имеет генетической связи с сердцевиной государства, но отличием его от пограничного поля является то обстоятельство, что оно может находиться внутри эндемического поля;

- тотальное поле – это все непрерывное пространство, находящееся под контролем одной национальной общности. Целостность тотального геополитического поля обеспечивается контролем над коммуникационными линиями внутри данного поля;

- метаполе – это пространство, осваиваемое совместно несколькими национальными общностями. Вероятно, что тенденция к объединению усилий в освоении метаполей является реакцией на давление, источником которого выступает данное метаполе.

Кроме вышеперечисленных видов геополитических полей Плешаков выделяет ещё такое понятие, как геополитическая опорная точка, под которой понимается зависимая территория, находящаяся вне тотального поля. Иными словами, государство не обладает подконтрольными коммуникациями, связывающими данное государство с анклавной территорией.

Ставя выделение различных видов пространств в зависимость от степени возможности влияния на данное пространство со стороны какого-либо государства, Плешаков приходит к необходимости вычленения ещё одной категории геополитического анализа – категории контроля над пространством⁷⁰.

⁶⁹ См.: Плешаков К. Гео-идеологическая парадигма (взаимодействие геополитики и идеологии на примере отношений между СССР, США и Китаем в континентальной Восточной Азии 1949 – 1991 гг.) // Российский научный фонд. Научные доклады. Вып. 21. М., 1994. С. 13–15.

⁷⁰ Там же. С. 17– 21.

В частности, он выделяет следующие формы контроля:

- политический контроль, то есть контроль, обеспечивающийся при помощи совокупности общественно-политических институтов;
- военный контроль, поддерживаемый средствами, главным образом, силового характера;
- экономический контроль не является достаточно эффективной формой контроля, ибо не обеспечивает необходимого уровня целостности контролируемого пространства. Однако роль данной формы контроля увеличивается, следовательно, её учёт является необходимым элементом анализа;
- цивилизационный контроль менее всего поддаётся рациональному осмыслению, так как в данном случае влияние над пространством достигается через привнесение культурных архетипов различного порядка;
- коммуникационный контроль оказывает воздействие на совокупную степень контроля государства над тем или иным пространством;
- демографический контроль, то есть способ распространения своего влияния путём благоприятного изменения состава и численности населения на данном пространстве;
- информационный контроль, то есть контроль над распространением когнитивных феноменов в пространстве.

Между тем Плешаков не даёт чёткого определения дефиниции контроля. Таковая в его интерпретации выступает в качестве некоего признака, основная функция которого состоит лишь в качественной характеристике географического пространства. Такое понимание категории контроля не может в полной мере удовлетворять всем требованиям геополитического анализа, ибо затрагивает лишь одну плоскость этого многогранного явления.

Решить эту проблему пытается российский геополитик Сорокин К.Э. Он интерпретирует категорию контроля путём её расширительного толкования, формулируя новую категориальную дефиницию «экспансия». Под экспансией Сорокин понимает «территориальные приобретения и установление военно-политической сферы влияния, а также деятельность в данном направлении»; при этом идеологическое проникновение, обеспечи-

вающее монополизацию духовной сферы, также может рассматриваться как экспансия⁷¹.

По мнению Сорокина, территориальная экспансия сегодня по-прежнему остается ведущим направлением внешней политики многих государств. Территория, выступающая в качестве носителя сырьевых, энергетических и людских ресурсов, военно-стратегического и экономического плацдармов, пространства для размещения промышленных объектов или технических отходов, а также сельскохозяйственных угодий, является наиболее желаемым результатом внешней политики большинства государств.

Другое дело, что формы экспансии в процессе исторического развития претерпели определённые изменения. Произошёл отказ от ярко выраженных форм силовой, прежде всего, военной экспансионистской политики. Доминирующее значение начали приобретать информационные, культурно-цивилизационные, религиозные, политические и экономические формы экспансии, которые хотя и не дают полного контроля над пространством, но обеспечивают доминирующее положение. Позитивным моментом усложнения форм экспансии является их универсализация, которая даёт возможность для осуществления многовариантной и разнонаправленной экспансионистской политики⁷².

Итак, расширительное понимание категории контроля, которое даёт Сорокин в виде формулирования категории «экспансия», делает возможным более детальный теоретический анализ.

Между тем использование категорий «экспансия» и «контроль» над пространством ставит необходимость введения дополнительного признака, отличающего контролируемое пространство от неконтролируемого. Таким признаком выступает категория географической границы, под которой следует понимать некоторую полосу территории или переходную зону, обладающую свойством большой изменчивости характеристик и высокой контрастностью.

В геополитической теории и в основанной на ней политической практике проблема границ трактовалась, прежде всего, как достижение государством таких пределов пространственного рас-

⁷¹ Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996. С., 38.

⁷² См.: Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996. С. 32–33.

ширения, которые бы в наибольшей степени способствовали удовлетворению всех государственных интересов. В этой связи речь шла главным образом о естественных границах. Они, как правило, идентифицировались с какими-либо географическими структурами (горными хребтами, реками, побережьем и т.д.). Естественным границам противопоставлялись искусственные, то есть сложившиеся в результате межгосударственных отношений. Искусственные границы признавались временным и неустойчивым образованием.

Ряд учёных, как в России, так и за рубежом, указывают на неправомерность деления границ на естественные и искусственные, так как все они в той или иной степени детерминированы человеческими отношениями. Само же понятие «естественная граница» – это скорее идеологический, нежели научный конструкт, ибо основная его функция состоит в идеологическом обосновании внешнеполитических притязаний государства⁷³. Действительно, большая доля субъективизма в оценке категории «естественные границы» заставляет усомниться в возможности её использования в системе геополитического анализа. Лишь в случае рассмотрения внешнеполитического курса какого-либо государства сложившиеся представления о характере своих границ могут служить источником понимания основных принципов международной политики данного государства.

В силу этого, при исследовании геополитической ситуации в каком-либо регионе планеты рациональнее прибегнуть к другой классификации такой категории, как границы. В зависимости от сферы человеческих отношений можно выделить государственные (границы между государствами), экономические (границы целостных экономических районов), культурно-этнические (границы сферы влияния какой-либо культуры и распространения определённой этнической общности), административные (внутригосударственные границы), морские границы и т.д.

Наибольшее значение в системе международных отношений имеют государственные границы, которые определяются как «линия на поверхности земли (суши или водной поверхности) и воображаемая вертикальная поверхность, проходящая через неё в воздушном пространстве и в недрах земли, определяющая предел

⁷³ См.: Геополитика: теория и практика: Сб. ст. М., 1993. С. 220.

территории государства и отделяющая её от других государств и открытых морей»⁷⁴.

Как и всяким другим географическим границам, государственным границам свойственны две основные функции: разделительная или барьерная, и соединительная или контактная. Соотношение этих функций напрямую зависит от морфологии, политического статуса и времени существования границы.

Изначально разделительная функция государственной границы имела первостепенное значение. И сейчас она характерна практически для всех видов государственных границ. В то же время по причине усиления объективных процессов интернационализации хозяйственной жизни и развития разносторонних связей между государствами можно наблюдать тенденции к активизации контактной функции государственных границ⁷⁵.

Сочетание барьерной и контактной функции государственных границ оказывает значительное влияние на политический климат в регионе и предпосылки для сотрудничества составляющих его государств. Помимо этого доминирующие функции государственных границ детерминируют внутреннее положение государства, особенности развития хозяйства в стране и процессы, происходящие в её приграничных районах. В силу этого использование категорий «географические» и «государственные границы» имеет в геополитическом анализе важное значение.

Составляющие геополитического анализа

Обозначенные выше ключевые категории не могут выступать в качестве самостоятельных компонентов геополитического анализа. Целостность исследования достигается путём построения категорий в строго взаимосвязанную и иерархизированную систему. Роль связующего элемента в анализе играют теоретические концепции, которые, опираясь на ряд методологических принципов, пытаются адекватно отобразить рассматриваемую геополитическую ситуацию.

С точки зрения геополитической теории взаимодействие акторов мирового политического процесса имеет пространственное измерение. Однако географическое пространство морфологиче-

⁷⁴ Колосов В.А. Политическая география: проблемы и методы. Л.: Наука, 1988. С. 62.

⁷⁵ Там же. С. 65–67.

ски неоднородно. Причем неоднородность может характеризоваться наличием как каких-либо географических объектов, так и искусственными объектами, являющимися производными от процесса деятельности человека. Но значение каждого пространственного объекта складывается не в силу его наличия, а в силу функциональной нагрузки, которая формируется в процессе взаимодействия акторов мировой политики и оформляется в виде международного политико-правового статуса.

Поэтому представляется обоснованным выделение неких территорий, которые в ходе человеческой деятельности получают специфическое функциональное наполнение, делающее данную территорию своеобразным инструментом активного политического и экономического воздействия на происходящие на сопредельных географических пространствах процессы жизнедеятельности человека, а также дающим возможность даже контролировать их протекание. В сущности такие территории выступают в роли дополнительного геополитического фактора, способного в значительной мере корректировать действия акторов международных отношений. В силу их значимости такие территории рациональнее обозначить как ключевые геостратегические точки.

Формирование таких точек в рамках какого-либо геополитического поля связано с неизбежностью существования межрегиональной и внутрирайонной дифференциации. Даже в эндемическом поле, характеризующимся более высоким уровнем развития хозяйственной деятельности и наиболее полным вовлечением в хозяйственный оборот имеющихся территорий, пространственная организация жизни общества не является гомогенной. Практически в любом геополитическом поле можно выделить районы, обладающие высокой степенью экономического развития и политической активности.

Такой процесс дифференциации вполне естественен. В процессе исторического развития какой-либо район приобретает ряд особенностей, делающих его уникальным. Однако геостратегическое значение такого района состоит в том, что он является источником воздействия на периферийные по отношению к нему территории. Этот район играет роль своеобразного магнита, который втягивает в орбиту своего поля близлежащие пространства. При этом он не просто формирует вокруг себя благоприятную

среду существования. Он полностью контролирует все экономические и политические процессы на сопредельных территориях.

В экономической географии в 60-е годы была сформулирована теория поляризованного развития. Данная теория предполагает наличие неких полюсов роста, которые являются производственными ансамблями, а также центрами концентрации тех видов экономической деятельности, которые способствуют распространению технических инноваций и благоприятствует изменению инфраструктуры. При этом предполагается наличие прямого воздействия или модернизации (то есть распространение импульсов к развитию от полюса к периферии) полюса на периферийные районы и обратного воздействия (зависимость или подчинение периферии полюсу)⁷⁶.

Доминирующее положение полюса определяется, прежде всего, наличием у него ведущей промышленной отрасли, обладающей высокой способностью к нововведениям; серии смежных областей, основное назначение которых состоит в обслуживании ведущей области; и необходимого уровня развития производительных сил. Механизм контролирования периферийных районов осуществляется, главным образом, через товарные и миграционные потоки, а также потоки услуг и капитала⁷⁷.

Экономическая география Европы дает массу примеров, иллюстрирующих данные утверждения. Наиболее ярким примером может служить столичный район Франции, который включает такие районы, как Иль-де-Франс, а также часть районов Парижского бассейна (Бургундию, Верхнюю и Нижнюю Нормандию, Пикардию и др.). Другой пример – это Лондонская агломерация, охватывающая основную часть востока и юго-востока Англии, а также часть юго-запада. Круговая конурбация Ранстад в Нидерландах представляет собой общее поле нескольких полюсов.

Однако несмотря на то, что теория поляризованного развития в целом адекватно отражает картину выделения особых полюсов роста, она практически оставляет без внимания проблему причин формирования таких полюсов. Вероятнее всего это связано с тем, что данная проблема выступает за рамки чисто экономо-гео-

⁷⁶ См.: Грицай О.В., Иоффе Г.В., Тревиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М., 1991. С. 12–13.

⁷⁷ См.: Буржуазная региональная теория и государственно-монополистическое регулирование размещения производительных сил. М., 1981. С. 124–126.

графического исследования. Дело в том, что формированию полюсов роста предшествовало целенаправленное наделение данного района набором специфических функций, оформленных в виде политико-правового статуса этого района. Изначально это создавало более благоприятные условия для экономического развития. Так, основой превращения Парижа или Лондона в важный экономический центр стало наделение их статусом столичных городов, что сразу же поставило их в более благоприятное положение относительно других городов страны, имеющих равные потенциальные возможности для экономического роста.

В сущности теория поляризованного развития описывает ситуацию возможности установления экономической формы геополитического контроля над географическим пространством. При этом так называемые полюса роста выступают в виде ключевых геостратегических точек.

Однако в зависимости от разновидности геополитического поля, на котором происходит формирование ключевой геостратегической точки, основная цель существования последней может быть различной. Так, если в рамках эндемического поля основная цель полюсов роста состоит в том, чтобы выступать неким генератором инноваций, то цель ключевой точки, функционирующей в рамках пограничного геополитического поля, будет заключаться, в первую очередь, в необходимости большей привязки данного пространства к сердцевине государства посредством повышения уровня политического и экономического развития данного пространства, соответствующего таковому уровню центра страны. Во втором случае функциональная нагрузка ключевой точки расширяется. Они призваны стать, прежде всего, центром освоения периферийных по отношению к эндемическому полю пространств. Зачастую, в силу максимальной приближенности пограничных полей к соседним государствам, ключевые точки представляют собой контактные зоны и их деятельность может носить, помимо экономической, также и внешнеполитическую направленность. В этом случае ключевая точка превращается в инструмент осуществления геополитических интересов.

Примером формирования в пограничном поле ключевых точек является функционирование так называемых «трансграничных» районов, включающих наиболее активно взаимодействующие территории по обе стороны государственной границы.

«Трансграничные» районы характеризуются следующими основными признаками: а) административной и социально-экономической целостностью входящих в него территориальных единиц с каждой стороны границы; б) общностью и взаимодополняемостью главных и совместно решаемых социально-экономических проблем⁷⁸.

В Европе происходит процесс формирования нескольких трансграничных районов. Наиболее высокого уровня интеграции достигли Базельский и Женевский районы.

Проводимая швейцарским правительством особая экономическая политика, как-то: либерализация таможенного режима, поощрение внешнеэкономической деятельности и т.д., сделала возможным развитие Женевской и Базельской агломераций.

Особенно интересно отметить развитие Базельской агломерации, площадь которой в период 1910–1975 гг. увеличилась с 38 до 332 кв. км, из которых около 24 приходится на ее ядро, 137 – на периферийные территории в пределах Швейцарии, 110 – на территории Германии, 61 – Франции. Население агломерации превысило 500 тыс. чел. При этом рабочая сила для предприятий агломерации рекрутируется на французской территории в радиусе 35 км от городской застройки, на территории Германии – на 40 км⁷⁹. Таким образом, влияние Базеля распространилось далеко за пределы агломерации.

На примере Базеля наглядно прослеживается ситуация, когда территория соседних государств вошла в ареал полюса роста, находящегося в пограничном поле другого государства, попав тем самым в сферу интересов этого государства. И только примерно равная мощь каждой страны, чьи территории затронуты этим трансграничным районом, требует максимально полного учета интересов всех сопредельных государств.

Методология, характерная для теории поляризованного развития, нашла свое отражение и в системе социальных наук в виде концепции «точек роста». Содержание данной концепции состоит в представлении о том, что «в социальном организме можно обнаружить места концентрации интеллектуальных ресурсов, кото-

⁷⁸ Колосов В.А. Политическая география. Проблемы и метода. М., 1988. С. 74.

⁷⁹ Там же. С. 74–75.

рые после соответствующих инвестиций могут превратиться в источники развития для всей социальной системы»⁸⁰.

«Точки роста» выполняют в социальной системе роль синтезирующего начала и характеризуются наличием в них процессов культивирования нового знания, новых культурных форм.

Однако экономическая или социальная детерминанта не всегда является базовой для определения значимости ключевой точки. Ряд ученых, специализировавшихся на изучении проблем, как геополитики, так и политической и экономической географии, отмечали возможность существования ключевых точек, значение которых определяется, прежде всего, их местоположением относительно важнейших коммуникационных линий. При этом оформление таких ключевых точек ставилось в зависимость и определялось исключительно важностью географических объектов (проливов, каналов, горных перевалов и т.д.).

В этой связи ещё адмирал А. Мэхэн высказал идею о том, что назначение ряда колоний определяется не столько их торговым функциональным назначением, сколько необходимостью обеспечения успешных действий морского флота метрополии. «Таким образом, возникла потребность в станциях на линиях путей подобных Мысу Доброй Надежды, Святой Елены, Маврикия не для торговли первоначально, но для обороны и вообще военных действий...»⁸¹

Так, например, геостратегическое значение такой точки, как Гибралтар, определялось, прежде всего, важностью самого Гибралтарского пролива. Наличие военно-морской базы в этом районе могло способствовать успешным действиям военно-морского флота по предотвращению возможного выхода судов противника в океан. То же самое можно сказать о значении крепости Сингапур, по сути контролирующей такую важную коммуникационную артерию, как Малаккский пролив.

Интересно отметить, что вся колониальная политика Англии строилась исходя именно из логики ключевых точек. Англия стремилась контролировать все важные геостратегические точки

⁸⁰ Лесков М.А. Концепция «точек развития» и её значение для национальной безопасности // Информационный сборник «Безопасность». 1996. № 3–4. С. 85.

⁸¹ Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю. 1660–1783 гг. СПб., 1895. С. 32.

с тем, чтобы впоследствии остаться единственным хозяином морских путей. По сути «увеличение территории было для Англии не только не необходимо, но и нежелательно. Ей нужно было только держать в своих руках пункты, господствующие над главными путями. В XVIII в. английские торговцы больше дорожили двумя вест-индийскими островами, чем всей Канадой»⁸². Примером этому может служить Капская колония, значение которой определялось, прежде всего, наличием морского пути в Азию.

Функционирование сухопутных коммуникационных линий также строилось, исходя из логики ключевых геостратегических точек. Наиболее наглядно это прослеживается с появлением железных дорог. Крупная узловая станция любой дороги обладает набором таких функций, которые превращают ее в нервные центры, от нормального функционирования которых зависит вся жизнедеятельность этой дороги.

Так, например, создаваемая Германией в кон. XIX – нач. XX в. Багдадская железная дорога, которая была призвана стать оплотом германского влияния на Ближнем Востоке, потеряла свое значение. Англия сумела остановить движение немецкой колеи к Персидскому заливу, захватив порт Кувейт – единственный удобный порт залива, находившийся тогда в зависимости от Турции и являвшийся конечным пунктом дороги. Тем самым путь Германии к Персидскому заливу был закрыт. Оккупация Акабы, второго, запасного конечного пункта дороги, положила конец и варианту, предусматривающему вывод колеи к Красному морю.

Итак, можно заключить, что механизм формирования ключевых геостратегических точек, помимо экономической составляющей, зависит также от функциональной нагрузки конкретного географического объекта, которая складывается в силу функционирования коммуникационной линии. В сущности коммуникационная линия, проходящая каким-либо географическим территориям, наделяет их теми или иными функциями. Чем уникальней набор этих функций, тем выше значение данной территории.

Особый интерес вызывает процесс создания и функционирования так называемых свободных экономических зон (СЭЗ). С

⁸² Лурье С.В., Казарян Л.Г. Принципы организации геополитического пространства... // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 88.

большой долей вероятности можно утверждать, что СЭЗы представляют собой полюса роста, ибо основная цель их создания состоит в стимулировании регионального развития путем формирования современной инфраструктуры и повышении продуктивности промышленной деятельности через привлечение новых технологий. Причем, экономической базой данного процесса должны стать иностранные капиталовложения.

Между тем пространственная составляющая в процессе функционирования свободной зоны имеет немаловажное значение. Учёт местоположения СЭЗ относительно географических структур, важнейших коммуникационных линий, центров мировой или региональной экономической системы не менее важен, чем экономическая специализация зоны и детальная регламентация предоставляемых привилегий и льгот. Так, успех первых китайских особых экономических зон Шеньчжень, Чжухай, Шаньтоу и Сямынь, созданных в 1980 г., в большой степени определялся их расположением в местностях, прилегающих к Гонконгу, Макао и Тайваньскому проливу. Зоны заняли своего рода полосы отчуждения на границе с враждебными в прошлом территориями. Но они оказались весьма привлекательными для иностранных инвесторов. Это объяснялось благоприятным географическим положением относительно внешних и внутренних рынков Китая, системы коммуникационных линий в регионе Юго-Восточная Азия, а также относительно потенциальных инвесторов-соотечественников, проживающих за пределами Китая.

Другим примером удачного сочетания экономической и географической детерминант в процессе формирования ключевых геостратегических точек можно рассматривать деятельность таких территориальных образований, как Сингапур, Гонконг (Сянган), Гибралтар, Мальта и т.д.

Логика создания свободной зоны предполагает предоставление территории государства определенного набора льгот и привилегий, способных стимулировать развитие промышленной базы. Основная особенность состоит в том, что формирование СЭЗов осуществляется, главным образом, в рамках пограничного геополитического поля, а деятельность зоны имеет, прежде всего, внешнеэкономическую направленность. Даже если создание СЭЗ будет осуществлено на эндемическом поле, происходит процесс, характеризующийся сменой степеней контроля. Государство пу-

тем представления экономических льгот добровольно отказывается от определенной степени влияния на данную территорию. В то же время у сопредельных государств происходит формирование интересов, связанных с использованием свободных зон. В результате эндемическое геополитическое поле сменяется пограничным или даже перекрестным.

В этой связи к свободным экономическим зонам следует относиться не как к чисто экономическим феноменам, направленным на решение каких-либо экономических задач, а как к достаточно сложным явлениям, выступающим в качестве самостоятельного геополитического фактора, способного оказывать определённое влияние на протекание процессов мировой политики.

Резюмируя всё вышесказанное, необходимо отметить, что построение анализа международных политических отношений, опираясь на предложенную выше систему категорий и теоретическую модель, предоставляет определённые преимущества. Исследователь оставляет за скобками идеологические и субъективистские подходы, свойственные для некоторой части геополитической теории, и получает возможность сконцентрировать своё основное внимание на объективных закономерностях развития политических процессов.

В целом можно констатировать тот факт, что геополитическая теория не только не потеряла своего значения в оценке современного мирового политического процесса, но и способна занять одну из ведущих позиций в системе политических наук. Это связано с тем, что геополитика давала возможность правильно понять сущность глобальных политических и экономических отношений и адекватно оценить характер и направленность действий всех субъектов мирового политического процесса.

Глава 2. ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ПОЛОЖЕНИЕ ЮГА ПРИМОРСКОГО КРАЯ

2.1. Северо-Восточная Азия как геополитический регион

Геополитический анализ предлагает концентрировать внимание прежде всего на пространственную проекцию политического процесса. Политические устремления государств привязываются к конкретным географическим структурам и регионам. В этом случае взаимодействие государств в рамках какого-либо географического региона следует рассматривать как единый геополитический комплекс. Данный комплекс можно определить как геополитический регион или часть географического пространства, ставшее местом взаимодействия самостоятельных политических сил.

Понятие «геополитический регион» в научный оборот ввел американский геополитик С. Коэн. В своей книге «География и политика в разделенном мире» он определяет данное понятие как крупные подразделения географических сфер сравнительно однородные по экономическим, политическим и культурным признакам⁸³. В такой интерпретации геополитический регион предстает в качестве пространственно-цивилизационных образований, объективно задающих внешнеполитический вектор составляющих его государств. Это, скорее, продолжение дихотомии Н. Спикмена «хартленд – римленд», нежели реальная расстановка политических сил на мировой арене.

Если же принять за основу политическую нейтральность пространственной составляющей, то есть перевести вопрос влияния географических факторов из сферы непосредственного воздействия на политику государства в сферу их опосредованного влияния, то геополитический регион предстает пространственным экономико-политическим комплексом трансграничного характера с набором взаимопересекающихся национальных интересов. Геополитический регион – это своего рода поле, на котором

⁸³ См.: Cohen S.B. *Geography and Politics in a Divided World*. London, 1964. P. 24.

сходятся политические устремления сопредельных государств, движимых собственными интересами.

Применение геополитического подхода к анализу межгосударственных отношений требует достаточно четкого определения границ геополитического региона.

Многие ученые и аналитики Западной Европы, Соединенных Штатов Америки и Японии давно начали предрекать усиление роли Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в жизнедеятельности планеты. Причин тому немало. Это и насыщенность региона природными ресурсами, и значительный экономический потенциал практически всех стран АТР, и тот немаловажный факт, что регион стал центром сосредоточения всех, за исключением Европейского Союза, глобальных центров влияния.

Однако, несмотря на это, Азиатско-Тихоокеанский регион остается сегодня во многом географическим, а не политическим или экономическим понятием. Пространственная близость зачастую является единственным критерием их объединения. Основные интересы многих государств региона направлены на сотрудничество не внутри АТР, а за его пределами. Так, например, страны Тихоокеанского побережья Латинской Америки связывают перспективы своего экономического развития, прежде всего, с США и европейскими государствами. Неясной остается даже конфигурация региона. Принятые географические параметры определения АТР подразумевают включение государств в регион по признаку их вхождения в бассейн Тихого океана. Однако эти параметры находятся в противоречии с политическими и экономическими параметрами, в соответствии с которыми регион комплектуется по признаку однонаправленности интересов. Так, некоторые ученые включают в Азиатско-Тихоокеанский регион государства Центральной и Южной Азии, такие как Индия, Пакистан, Афганистан, Среднеазиатские государства СНГ и в то же время выводят за скобки понятия АТР страны Латинской Америки и Океании⁸⁴.

В этой связи проблема формирования интегрированного экономического и политического пространства в регионе приобретает расплывчатые очертания. Поэтому представляется более обос-

⁸⁴ См., напр.: Мясников В.С. Положение в сфере безопасности в Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 5. С. 17–18.

нованным сконцентрировать внимание на исследовании геополитических процессов субрегионального уровня.

Среди субрегионов АТР Северо-Восточная Азия (СВА) представляет наибольший интерес. Это связано, прежде всего, с тем, что именно здесь происходит пересечение геополитических интересов наиболее значимых акторов мировой и региональной политики.

Для советской политической и экономической географии выделение субрегиона СВА не было характерно. Данный регион обозначался как Центральная и Восточная Азия и включал в себя Китай, Монголию, Японию, Тайвань, Северную и Южную Корею. Территория российского Дальнего Востока исключалась из региона. Примерно в таком же русле рассматривалась Северо-Восточная Азия в англоязычной научной традиции.

В современной научной литературе, посвященной проблеме изучения СВА, можно выделить два основных подхода к рассмотрению данного понятия. Первый подход можно назвать расширительным, ибо он включает в понятие «Северо-Восточная Азия» такие территории, как Китайскую Народную Республику, Россию (Сибирь и Дальний Восток), Японию, Республику Корею, Корейскую Народно-Демократическую Республику, Монголию, Тайвань и Гонконг. При такой структуре СВА на долю региона приходится 22% площади земной суши и около 29% населения планеты. Данный подход особенно характерен для китайских ученых⁸⁵.

Второй подход, который получил распространение в среде японских ученых, характеризуется тем, что в определение понятия «Северо-Восточная Азия» включены лишь те районы, которые либо непосредственно прилегают к Японскому морю, либо тесно взаимосвязаны с прибрежными районами. В соответствии с ним в регион, получивший название Япономорского, включаются: япономорские префектуры Японии, Дальневосточный экономический район России, три северо-восточные провинции Китая (Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин), Южная Корея и КНДР⁸⁶.

⁸⁵ См., напр.: Хэ Цзянь. Перспективы экономической интеграции в Северо-Восточной Азии // Российский экономический журнал. 1993. № 8. С. 136.

⁸⁶ См.: Кадзиро Огава. Перспектива развития экономического сотрудничества в зоне Японского моря // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 4. С. 4.

В современной российской научной традиции сложилось два основных подхода к определению границ данного региона. Первый подход более характерен для теоретиков международных отношений, которые выделяют регион исходя из основных направлений внешней политики России. Восточному направлению соответствует Восточная Азия, которая представляет собой ядро Азиатско-Тихоокеанского региона, притягивающее к себе страны, которые могут принадлежать к другим регионам. В этом случае в состав Восточной Азии включаются все территории и страны от Берингова пролива на севере до Мьянмы, Малайзии и Индонезии – на юге. Соединенные Штаты Америки, Канада, Австралия и Индия составляют перечень тех стран, влияние которых на внутрорегиональные процессы необходимо учитывать для адекватного понимания региональных событий. Сама Восточная Азия включает в себя северо-восточную и юго-восточную части. Первую из них составляют такие страны, как Япония, Северная и Южная Кореи, Китай, Тайвань, Монголия; вторую – Малайзия, Сингапур, Филиппины, Индонезия, Таиланд, Бруней, Вьетнам, Камбоджа, Лаос и Мьянма⁸⁷.

Данный подход вполне операционален при анализе внешней политики России, ибо позволяет определить линию поведения государства при формировании отношений с теми или иными странами Восточной Азии. Однако для понимания системы внутрорегиональных отношений данный подход неприемлем.

Второй подход господствует в среде российских ученых-регионоведов, ориентирующихся на изучении дальневосточных государств. Северо-Восточная Азия однозначно определяется в качестве субрегиона АТР и включает в себя Японию, Северную и Южную Корею, Китай, Монголию и восточную часть России. При этом США и Канада географически не представлены в США, но оказывают значительное влияние на региональные процессы⁸⁸. Такой подход позволяет рассматривать регион в качестве самостоятельной системы, структурированной специфическим набором межгосударственных отношений.

⁸⁷ См., напр.: Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М., 1997; Современные международные отношения и мировая политика / Отв. ред. А.В. Торкунов. М., 2004.

⁸⁸ См., напр.: Мясников В.С. Положение в сфере безопасности в Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 5.

Опираясь на второй подход и с целью более наглядной иллюстрации процесса формирования субрегиона Северо-Восточной Азии, а также для выявления путей вовлечения России во внутрирегиональные геополитические процессы, мы будем придерживаться расширительной трактовки понятия СВА, понимая под ним, прежде всего, следующие территории: российский Дальний Восток; северные, северо-восточные и восточные районы Китая; Японию; Тайвань; Монголию; Северную и Южную Корею. В то же время следует оговориться, что объединение в Северо-Восточную Азию данных территорий имеет скорее условный, нежели обязательный характер, и определяется, прежде всего, их географической близостью. Политические и экономические подвижки, характерные для процесса складывания единого региона, имеют место, но находятся в зачаточном состоянии. Кроме того, существенной составляющей региона СВА являются Соединенные Штаты Америки, которые географически не представлены в регионе, но сохраняют свое военное присутствие и оказывают значительное влияние на внутрирегиональные процессы.

С момента окончания второй мировой войны и в особенности с момента начала «холодной войны», ставших началом противостояния двух ведущих мировых держав (СССР и США), регион Северо-Восточная Азия формировался в качестве района мира с повышенной степенью конфликтности. Дело в том, что СВА является контактной зоной, в которой вплотную сошлись не только интересы Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, но и границы СССР и основных американских союзников в АТР. Именно здесь, рядом с советской территорией, США пытались создать некий сдерживающий фактор распространению влияния Советского Союза и коммунистического Китая. Таким фактором должны были стать союзники США – Япония и Южная Корея. Видный американский исследователь международных отношений, а в прошлом советник по национальной безопасности президента США Збигнев Бжезинский, оценивая ситуацию в регионе в этот период, определил систему сложившихся отношений как «стратегический фронт», призванный обеспечить безопасность США в Северо-Восточной Азии. Данный «фронт», по его мнению, стал одним из трех «центральных стратегических фронтов»,

опоясывающих блок социалистических государств⁸⁹. К тому же глобальные противоречия между двумя основными социально-экономическими системами дополнились противоречиями внутри одной из них. Так, советско-китайские отношения до конца 80-х гг. носили ярко выраженный конфронтационный характер, временами переходя в прямое вооруженное столкновение.

Несмотря на то, что во внешней политике обеих ведущих мировых держав данный «стратегический фронт» (пользуясь терминологией Бжезинского), в отличие от европейского «фронта», оценивался как второстепенный, именно он мог стать главным дестабилизирующим фактором в мировой политике.

Такая ситуация была характерна для биполярной системы международных политических отношений. При этом она находила свое отражение и в экономической сфере: США стремились создать экономически эффективную опору своей политике. В лице Японии и Южной Кореи им это удалось. После проведения либеральных экономических реформ в этих странах была создана социально-экономическая система, во многом идентичная американской, а главное, отвечающая требованиям геополитических интересов США в регионе.

Ситуацию в СВА можно охарактеризовать как процесс складывания геополитического региона Северо-Восточная Азия.

Вычленение геополитического региона необходимо поставить в зависимость от наличия в нем одной или нескольких общих политических проблем, тем или иным образом затрагивающих всех акторов внутрирегиональных международных отношений. Эти политические проблемы представляют собой так называемые узлы противоречий или относительно локализованные комплексы связей, характеризующиеся быстрой динамикой развития, повышенной обостренностью отношений и конфликтностью, нестабильностью⁹⁰. В результате происходит формирование системы отношений, какие-либо действия любого элемента которой приводят к возмущению всей системы. В этой связи сохранение безопасности любого элемента системы зависит от сохранения безопасности всей системы как единого целого. Иными словами, любой актор геополитического региона вынужден ре-

⁸⁹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1999. С. 17–18.

⁹⁰ См.: Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. М., 1976. С. 62.

шать свои внешнеполитические проблемы, имеющие отношение к региону, не на двустороннем, а на общерегиональном уровне. С другой стороны, ни одна региональная проблема не может быть решена без учета позиций всех элементов системы.

Для Северо-Восточной Азии такими системообразующими проблемами должны стать вопросы урегулирования отношений на Корейском полуострове и тайваньская проблема.

Формирование данных проблемных узлов приходится на период становления биполярной системы международных отношений, то есть на конец 40-х гг. XX в. С достаточно высокой долей уверенности можно утверждать, что и разделение корейского государства, и обособление Тайваня стали следствием конфронтационной политики по линии отношений СССР – США. В этой связи решение всех политических проблем регионального значения в тот период было возможно главным образом на уровне двусторонних связей. Однако на сегодняшний день такая схема нормализации международно-политических отношений в регионе не удовлетворяет всем имеющимся требованиям.

Так, межкорейский диалог уже давно перестал быть международной проблемой, решение которой возможно по линии отношений СССР – США или, тем более, по линии КНДР – Республика Корея. Так или иначе, в процесс урегулирования отношений на Корейском полуострове вовлечены практически все страны СВА. Причем, их вовлечённость детерминирована пониманием того, что их собственная безопасность напрямую зависит от стабильности в отношениях между корейскими государствами. Например, китайская сторона однозначно заявляет, что «стабильность на Корейском полуострове – одно из важнейших условий стабильности в Китае»⁹¹.

Современную ситуацию на Корейском полуострове можно охарактеризовать рядом внешне- и внутривнутриполитических факторов:

- неурегулированность отношений между Корейской Народно-Демократической Республикой и Республикой Корея, которая заключается в практически полном отсутствии каких-либо международно-правовых актов, определяющих основные принципы внутрикореяского диалога;

⁹¹ Цзи Чжие. Китайско-Российское сотрудничество в Северо-Восточной Азии // Экспресс-информация Института Дальнего Востока РАН. М., 1997. № 11. С. 28.

- отсутствие нормальных дипломатических отношений с КНДР у многих ведущих стран мира, в первую очередь у США и Японии, и минимальный уровень связей с остальным миром, за исключением КНР, Кубы, Вьетнама и некоторых развивающихся стран;

- значительная концентрация на полуострове вооруженных сил как со стороны Северной, так и со стороны Южной Кореи в условиях острой политической конфронтации⁹².

Ярко выраженный дестабилизирующий характер в региональной политической системе Северо-Восточной Азии приобретает компонент, связанный со стремлением КНДР создать собственное ядерное оружие. С начала 90-х гг. Северная Корея оказалась в ситуации, напоминающей положение осажденной крепости. В этой связи создание собственного ядерного оружия позволило бы ей коренным образом изменить соотношение сил на полуострове.

Между тем возможность появления ядерного оружия у КНДР вызвала резко негативную реакцию со стороны, прежде всего, таких стран, как Япония и Южная Корея. Это, в свою очередь, стало причиной обострения американо-северокорейских отношений. Проводившиеся в период 1992–1994 гг. переговоры не дали положительного результата. Дело дошло до того, что весной и летом 1994 г. в американской печати стали появляться сообщения о том, что администрация Б. Клинтона рассматривает вопрос о возможности нанесения упреждающих ударов по ядерным объектам КНДР⁹³.

Заключённые в октябре того же года так называемые «рамочные соглашения» между Северной Кореей и США, в соответствии с которыми Пхеньян отказывался от строительства двух графитовых реакторов и намерений выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия, а Соединённые Штаты обещали содействие в сооружении двух легководных реакторов, работающих на топливе с коэффициентом обогащения ниже того, что не-

⁹² См.: Тимонин А.А. О роли Корейского полуострова в системе региональной безопасности // Проблемы обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: Научная книга, 1999. С. 142–143.

⁹³ См.: Богатуров А.Д. Корейский полуостров в треугольнике Россия – Китай – Япония // Россия и Корея в меняющемся мире: Материалы научно-практической конференции. М., 1997. С. 130.

обходимо для производства ядерного оружия, не привели к ожидаемым результатам. В 1998 г. разразился азиатский финансовый кризис, осложнивший выполнение принятых обязательств. Республика Корея, взявшая на себя обязательства покрыть основные финансовые расходы, не смогла их выполнить. США сорвали планы поставок Северной Корее нефти и не выполнили свои обязательства по строительству атомной электростанции.

Результатом стал новый виток напряженности, вызванный проведением в том же году КНДР испытаний баллистической ракеты «Тэпходон-1» с дальностью полета около 2,5 тыс. км. Ракета была выпущена в сторону Японии и упала восточнее островов. По мнению американских экспертов, при изменении угла запуска такая ракета вполне могла бы долететь до Гавайских островов или Аляски⁹⁴.

При широком использовании такого оружия в радиусе его поражения оказываются все государства Северо-Восточной Азии. Естественно, что в данных условиях правительства Республики Корея, Японии и США расценили наличие ракетного оружия у КНДР как угрозу миру и безопасности в СВА вообще и на Корейском полуострове в частности. «Запуск северокорейской баллистической ракеты, по мнению экспертов, не только продемонстрировал уязвимость стран региона перед угрозой ракетного нападения, но и вновь подтвердил необходимость создания эффективной системы международного контроля за опасной военной деятельностью в регионе»⁹⁵.

Во многом стараниями российской стороны удалось предотвратить расширение конфликта: Северная Корея взяла на себя обязательства не проводить в дальнейшем ракетных испытаний. Однако ситуация осложнилась в 2002 г., когда во время встречи с помощником госсекретаря США Дж. Келли заместитель министра иностранных дел КНДР Канн Сон Чхо заявил, что Северная Корея уже много лет тайно разрабатывает ядерное оружие. В свою очередь, Центральное разведывательное управление сооб-

⁹⁴ См.: Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральная Азия: контуры безопасности / Под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2001. С. 40.

⁹⁵ Тимонин А.А. О роли Корейского полуострова в системе региональной безопасности // Проблемы обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: Научная книга, 1999. С. 143–144.

щило, что эта страна обладает оружейным плутонием для создания одного или двух ядерных боезарядов.

В периодических обострениях отношений вокруг северокорейского ядерного оружия нельзя исключать и фактора «ядерного шантажа», которым пользуется КНДР для стимулирования экономической помощи со стороны США, Японии или Южной Кореи.

Новое обострение ситуации вокруг корейской проблемы приходится на вторую половину 2006 г. Хронологически события развивались следующим образом. В середине июня японские официальные лица заявили о том, что КНДР усилили активность в районе стартовых площадок своих баллистических ракет, что могло свидетельствовать только о подготовке к их запуску. 20 июня КНДР заявила, что не считает себя связанной какими-либо обязательствами относительно испытаний баллистических ракет, взятыми на себя ранее, и намерена решать вопрос об их проведении в одностороннем порядке. Тем самым Северная Корея косвенно подтвердила свою готовность к запуску ракет. Дипломатическое давление, оказанное на Пхеньян со стороны США, Японии, Южной Кореи и России, не возымело никакого действия.

В ночь на 5 июля КНДР произвела запуск шести баллистических ракет, в том числе: трех тактических СКАД малой дальности, двух тактических ракет «Нодон-1» дальностью до 1,5 тыс. км и одной стратегической «Тэпходон-2» дальностью до 6 тыс. км. По заключению специалистов, проведенные испытания следовало признать скорее неудачными: ракета «Тэпходон-2» саморазрушилась на 40 секунде полета, остальные ракеты упали в Японском море к югу от Находки, в российской экономической зоне (именно через юг Приморского края пролегает траектория полета межконтинентальных ракет, запущенных из КНДР в сторону Аляски)⁹⁶.

Реакция мирового сообщества на испытания не была однозначной. На собравшемся уже 6 июля Совете Безопасности ООН Япония предложила принять жесткую резолюцию, вводящую экономические санкции против Северной Кореи и предусматривающую возможность применения военной силы. Проект под-

⁹⁶ Независимая газета. 6 июля 2006 г.

держали Соединенные Штаты Америки, Великобритания и Франция; Китай и Россия выступили против, мотивировав свое решение необходимостью возобновления шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной проблеме или, иными словами, перевести проблему с глобального на региональный уровень. В результате 15 июля была принята резолюция, осуждающая ракетные пуски КНДР. В ней также прозвучал призыв к Пхеньяну возобновить мораторий на ракетные испытания и вернуться за стол шестисторонних переговоров. В целом же страны мирового сообщества вообще и страны СВА в частности перевели дух, осознав, что возможности Северной Кореи по применению ракетного оружия остаются ограниченными и данные испытания следует рассматривать как продолжение политики шантажа.

Благодушие продолжалось недолго. Уже в конце августа японские и американские специалисты обратили внимание на усиление активности в районе предполагаемого северокорейского ядерного полигона, что могло означать подготовку к ядерным испытаниям. К концу сентября догадки переросли в уверенность, а 9 октября Пхеньян официально объявил «об успешном испытании ядерного оружия»⁹⁷.

14 октября Совет Безопасности ООН единогласно принимает резолюцию, осуждающую ядерные испытания КНДР и требующую, чтобы Северная Корея не производила новых взрывов ядерных зарядов или пусков ракет. В случае отказа Совет Безопасности готов к «полной или частичной приостановке экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио и других средств сообщения, а также разрыву дипломатических отношений»⁹⁸. Совет призвал КНДР вернуться за стол шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной проблеме и отказаться от заявлений о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия.

Как бы ни рассматривались ракетные пуски Северной Кореи (успех или неудача) или ее ядерные испытания (реальная претензия на место в ядерном клубе или большой блеф), совершенно очевидно, что Корейская Народно-Демократическая Республика в

⁹⁷ Цит. по: Михеев В. Блеф или всерьез? А какая разница? / Новое время. 2006. № 41. С. 30.

⁹⁸ Цит. по: Кикило В. Мир против расширения «ядерного клуба» / Эхо планеты. 2006. № 43. С. 6.

очередной раз продемонстрировала непредсказуемость своей внешней политики и готовность идти в своих устремлениях до конца, чего бы это ни стоило. Усиление давления на Пхеньян не приводит ни к какому реальному результату, лишь провоцируя его на новые экстравагантные шаги, цель которых прослеживается достаточно ясно – сохранить жизнеспособность режима.

Описанные выше события в целом выходят за рамки объекта монографического исследования, но они необходимы для иллюстрации ситуации вокруг межкорейского урегулирования. В частности, они вскрывают такой дестабилизирующий фактор, как разнонаправленность геополитических интересов ведущих заинтересованных держав (России, Китая, Японии и США). Каждая из них рассматривает корейскую проблему в контексте собственных интересов в СВА. Именно поэтому решение корейской проблемы путём переговоров между ограниченным числом участников не представляется возможным. Так, начавшиеся в конце 90-х гг. XX в. четырехсторонние переговоры (КНДР, Республика Корея, Япония и США) по нормализации межкорейских отношений зашли в тупик, уступив место шестисторонним (КНДР, Республика Корея, Япония, США, Китай и Россия). Последние продемонстрировали больше успеха.

В силу этого представляется вполне обоснованной необходимость разрешения корейской проблемы в контексте политической ситуации в Северо-Восточной Азии. Этого можно добиться лишь путём учёта позиций всех стран региона.

Не менее важной представляется и решение Тайваньской проблемы. Несмотря на настоятельные попытки Китая представить ее как своё внутреннее дело, строительство системы отношений в регионе происходит с учётом данного фактора.

После окончания гражданской войны в Китае 1946–1949 гг. и провозглашения Китайской Народной Республики остров Тайвань стал прибежищем для гоминдановского правительства во главе с Чан Кайши, поддерживаемого Соединёнными Штатами Америки, которые во время корейской войны 1950–1953 гг. направили в Тайваньский пролив свой седьмой флот, а в 1954 г. подписали с Тайванем (Китайской Республикой, представлявшей Китай в ООН) договор о взаимной безопасности.

Китайская Республика была образована в 1911 г. в ходе Синьхайской революции и свержения правящей Цинской династии. Поскольку де-юре и де-факто центральное гоминдановское правительство продолжало существовать на части китайской территории (о. Тайвань) и формально не теряло политической власти с

1911 г., интерпретировав события 1949 г. как вооруженный мятеж, а не народную революцию, приведшую к смене формы государственного правления, началась эпоха противостояния двух правительств. Каждое из них претендовало на общекитайскую легитимность и считало себя единственным законным общекитайским органом⁹⁹.

В 1957 г., выбив гоминдановские войска с острова Хайнань, Мао Цзэдун был близок к тому, чтобы военными средствами добиться воссоединения Тайваня с материковым Китаем. Такая политика могла привести к широкомасштабному конфликту с США, в силу чего она не нашла поддержки со стороны советского руководства. В дальнейшем Тайвань оставался наиболее острой проблемой китайско-американского сотрудничества.

После нормализации китайско-американских отношений и признания со стороны США правительства КНР единственным законным правительством Китая две страны пошли на определённый компромисс по тайваньской проблеме. США разорвали дипломатические отношения с Тайванем. Однако в соответствии с принятым в 1979 г. «Законом об отношениях с Тайванем» США сохраняли дружественные отношения с островом. Кроме того, США продолжили продавать Тайваню оружие с целью поддержания его обороноспособности. В свою очередь КНР сконцентрировала своё внимание на возможности мирного присоединения острова, не исключая при этом применения силы в определённых условиях¹⁰⁰.

На сегодняшний день политика КНР по отношению к Тайваню строится на основе сформулированной в 1982 г. Дэн Сяопином концепции «одна страна – две системы». Суть данной концепции состоит в том, что в случае объединения страны на острове сохраняются капиталистические формы хозяйствования, в то время как материковый Китай продолжает ориентироваться на социалистическую модель экономики. Тайваньское правительство со своей стороны выдвинуло другие концепции объединения («одна страна – два правительства»; «одна страна с хорошей системой»), которые, в отличие от экономически детерминированной дэнсяопиновской концепции, ставят во главу угла необходимость сохранения, прежде всего, политической модели Тайваня.

⁹⁹ Островский А.В. Тайвань накануне XXI века. М., 1999. С. 8–9.

¹⁰⁰ См.: Внешняя политика и дипломатия стран Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: Научная книга, 1998. С. 68–69.

Проблема осложняется тем, что на острове начали нарастать тенденции усиления влияния сторонников независимости Тайваня. Так, в 1999 г. президент Тайваня Ли Дэнхуэй заявил, что отношения между островом и материковым Китаем должны рассматриваться как «отношения между двумя государствами». Данное высказывание можно было однозначно интерпретировать как отказ от принципа «единого Китая» и усиления сепаратистских тенденций¹⁰¹.

При этом на сегодняшний день Тайвань представляет собой достаточно стабильную и динамично развивающуюся экономическую систему. Интеграция этой системы в экономику материкового Китая, с одной стороны, может положительно сказаться на его экономике, с другой – чревато возможной стагнацией.

Несмотря на то, что, в отличие от противоречий на Корейском полуострове, тайваньская проблема носит менее конфронтационный характер, её урегулирование также затрагивает все страны Северо-Восточной Азии. Наиболее опасным представляется сценарий силового противостояния двух ядерных держав: КНР и США. О том, что данный сценарий развития событий вполне вероятен, свидетельствуют события, имевшие место весной 1996 г., когда проходили первые всеобщие выборы президента на Тайване. В тот период в ответ на крупномасштабные военные манёвры КНР вблизи острова Соединённые Штаты направили к Тайваню свои военные корабли.

Необходимо отметить, что выделенные проблемы (урегулирование отношений на Корейском полуострове и тайваньская проблема) не являются единственными проблемами региона СВА. Но они выступают в качестве системообразующего начала.

Следует также учитывать, что формирование геополитического региона в СВА предполагает и обратный процесс, когда проблемы двухстороннего политического сотрудничества приобретают характер общерегиональных. В этой связи совершенно новое звучание приобретает проблема российско-японского территориального урегулирования. Передача спорных островов Курильской гряды Японии создает опасный прецедент возможности решения территориального вопроса путем передачи спорных территорий. Решение проблемы южных территорий поставит на повестку дня необходимость урегулирования сходных территориальных проблем во всем регионе, ибо территориальная проблема

¹⁰¹ Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральная Азия: контуры безопасности / Под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2001. С. 80.

в Северо-Восточной Азии не ограничивается вопросом российско-японского размежевания. В регионе можно выделить, по крайней мере, еще три сходные проблемы: китайско-японские противоречия из-за островов Сенкаку (Диао-Ю-Таи), японо-южнокорейский спор по поводу островов Лианкур и китайско-тайваньская проблема размежевания (острова Пратас). Кроме того, в Южно-Китайском море зреют ещё два узла территориальной напряжённости, которые затрагивают страны СВА. Речь в данном случае идет о Парасельских островах и островах Спратли.

Однако, как отмечают некоторые российские и американские ученые, региональные территориальные проблемы являются наиболее важным дестабилизирующим фактором международных отношений в Северо-Восточной Азии¹⁰².

Таким образом, современную геополитическую ситуацию в Северо-Восточной Азии можно охарактеризовать как начальную стадию процесса формирования региона СВА как самодостаточной системы. При этом данный процесс детерминирован наличием определённого числа трудноразрешимых политических проблем. В силу этого рассмотрение межгосударственных политических и экономических отношений регионального уровня рациональнее осуществлять в контексте ситуации в СВА.

2.2. Особенности формирования внутрирегиональных политических отношений в Северо-Восточной Азии

В целом проблема процесса формирования особой системы отношений в рамках региона Северо-Восточная Азия рассмотрена отечественными и зарубежными авторами достаточно подробно¹⁰³. Поэтому рациональнее было бы обратить внимание на

¹⁰² См.: Арин О. Азиатско-Тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. М., 1997. С., 301-302; Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М., 1999. С. 184–185.

¹⁰³ См., напр.: Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М., 1997; Плешаков К. Гео-идеологическая парадигма (взаимодействие геополитики и идеологии на примере отношений между СССР, США и КНР в континентальной Восточной Азии 1949 – 1991 гг.) // Российский научный фонд. Научные доклады. Вып. 21. М., 1994; Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2003 / Отв. ред. А.Д. Богатуров. Т. 3. М., 2003; Хонг Ван Сук. Геостратегия России и Северо-Восточная Азия. М.: Научная книга, 1998.

ключевые аспекты данного процесса, имеющие значение в контексте исследуемой нами проблемы.

Начало процесса формирования современной конфигурации геополитического региона Северо-Восточная Азия следует отнести к моменту окончания второй мировой войны. Безусловно, данный глобальный конфликт кардинально изменил всю существующую ранее систему межгосударственных отношений. Поражение Японии поставило важнейший вопрос о будущей расстановке политических сил в регионе. И здесь следует согласиться с мнением российского политолога А.Д. Богатурова, который утверждает, что в СВА «после 1945 г. Советский Союз и западные державы решали прежде всего геополитическую задачу раздела Японской империи таким образом, чтобы будущее государство не смогло стать угрозой их безопасности»¹⁰⁴. Страны-победительницы, прежде всего СССР и США, действовали в регионе, исходя из своих национальных интересов, и на этом этапе идеологический признак определения союзников не срабатывал ни у советского, ни у американского руководства. Страны региона или только освободились от колониального господства, как Корея, или еще находились в состоянии гражданской войны, как Китай, и потому не могли ничего противопоставить. Это стало причиной формирования здесь модели отношений, которую можно определить как жесткая биполярная конфронтация.

Вместе с тем, и Советский Союз и Соединенные Штаты рассматривали СВА как второстепенный по отношению к европейскому фронт «холодной войны», а потому задачи антагонистических государств состояли в формировании буферных пространств, способных сдержать распространение влияния конкурента.

Такая ситуация не могла сохраняться сколько-нибудь длительный период, и уже конец 50-х – начало 60-х гг. XX в. характеризуется усилением роли Китая (в форме Китайской Народной Республики) в региональной политике. При этом Китай при определении своей внешней стратегии исходил из своих собственных национальных интересов, стремясь выйти из положения «ведомой» державы и избавиться от опеки со стороны СССР. Своего рода пробой сил стала попытка решения проблемы Тайваня во-

¹⁰⁴ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М., 1997. С. 72.

енными методами летом 1958 г., вызвавшая резкое обострение обстановки в тайваньском проливе и поставившая мир перед угрозой ядерного конфликта. В данном конфликте Китай явно противопоставил себя, с одной стороны, Соединенным Штатам Америки, а с другой – Советскому Союзу, не проинформировав его о готовящейся акции, что вызвало усиление взаимного недоверия.

Дальнейшее советско-китайское сотрудничество характеризовалось все большим нагнетанием напряженности. В 1959 г. происходит расторжение заключенного в 1957 г. советско-китайского соглашения о содействии в области ядерных исследований, что значительно осложнило дальнейшее осуществление китайской ядерной программы. Несмотря на это, в 1964 г. КНР проводит успешные испытания ядерной бомбы. В октябре 1962 г. во время пограничного китайско-индийского пограничного конфликта советское правительство занимает нейтральную позицию и обвиняет КНР в авантюризме. В ответ Пекин обвиняет Москву в капитулянтстве в ходе Карибского кризиса, разворачивающегося примерно в то же время.

Советско-китайскому сближению не помогает и смена политического руководства в СССР в 1964 г. Новое советское правительство продолжает линию на избежание войны с Соединенными Штатами, и китайская сторона в этих условиях идет на обострение отношений. В 1966 г. Коммунистическая партия Китая отказывается направить делегацию для участия в XXIII съезде КПСС, что означало формальный разрыв отношений между двумя компартиями. Это происходит на фоне заключения нового советско-монгольского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи (январь 1966 г.), на основании которого в следующем (1967) году, СССР размещает на территории Монголии войска и тяжелую технику.

Апогеем советско-китайского противостояния, безусловно, являются события марта 1969 г. на острове Даманский, на реке Уссури. Данный вооруженный конфликт сделал из недавних союзников непримиримых врагов.

Соединенные Штаты заняли в данной ситуации выжидательные позиции, дав возможность отношениям между СССР и КНР обостриться до предела. Однако подобная политика позволила Китаю стать в рамках региона Северо-Восточная Азия самостоятельным актором и проводить собственную политику.

Несмотря на то, что политика Пекина продолжала отличаться ярко выраженным антиамериканизмом, Вашингтон в целом сошелся с усилением региональной роли КНР, по сути возложив на него часть функций по сдерживанию СССР.

Китай, оказавшись в достаточно сложной экономической ситуации, порожденной политикой «большого скачка» и «культурной революции», нуждался в серьезной поддержке. После обострения отношений с Советским Союзом страны социалистического лагеря такую поддержку оказать не могли, а потому индустриальные страны Запада и Япония стали рассматриваться как наиболее привлекательные партнеры. На этом фундаменте начало строиться китайско-американское сближение.

Общие контуры нормализации отношений между США и КНР были определены в рамках подписанного в Шанхае 27 февраля 1972 г. коммюнике. Китай в целом дистанцировался от Москвы, а США подтверждали намерение поддерживать КНР в случае нарастания угрозы со стороны СССР.

Пятью месяцами ранее, в октябре 1971 г., Китайскую Народную Республику официально принимают в Организацию Объединенных Наций одновременно с добровольным выходом из нее Тайваня.

Вслед за Соединенными Штатами нормализуют отношения с КНР и Япония. Уже во второй половине 1972 г. Токио устанавливает полные дипломатические отношения с Пекином, разрывает официальные связи с Тайванем и признает правительство КНР «единственным законным правительством Китая», а Тайвань – «неотъемлемой частью КНР»¹⁰⁵.

Смена политического руководства Китая в 1976–1977 гг. и приход к власти прагматически мыслящих политиков, ориентированных на Дэн Сяопина, позволило еще в большей степени стимулировать японо-китайское сотрудничество, которое, в свою очередь, вылилось в подписание 12 августа 1978 г. Договора о мире и дружбе. Одно из положений Договора говорило о выступлении Японии и КНР против гегемонии третьих стран в регионе. В следующем, 1979, году произошло установление официальных отношений между КНР и США. Все это создало благоприятные условия для инициирования Китаем в начале 80-х гг. экономиче-

¹⁰⁵ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М., 1997. С. 164.

ских реформ, составивших в последующем основу «китайского экономического чуда».

Советский Союз, проводивший в Северо-Восточной Азии последовательную политику на противодействие Соединенным Штатам и нейтрализацию внешнеполитической активности Китая, с начала 70-х гг. начал терять инициативу. После же ввода войск в Афганистан в 1979 г. Москва окончательно потеряла возможность договориться с Китаем. СССР продолжал оставаться достаточно мощной военной силой и тем самым обеспечивал себе стабильное положение. Так, с 1975 г. до конца 80-х гг. численность советских войск на советско-китайской границе и территории Монголии увеличилась с 200 до 500 тыс. чел., значительно вырос Тихоокеанский флот, была усилена группировка на Курильских островах, с 1980 г. начали функционировать советские военные базы во Вьетнаме (Дананг и Камрань). Однако оказывать какое-либо серьезное влияние на расклад сил в СВА Москва уже не могла.

Констатацией данного факта и попыткой изменить сложившуюся ситуацию стала речь М.С. Горбачева во Владивостоке в июле 1986 г., в которой отмечалась необходимость сместить акцент с военного на экономическое присутствие СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе и ставилась цель – нормализовать отношения со всеми странами СВА – Китаем, Южной Кореей и Японией. Данное выступление отражало новый подход политического руководства СССР к проблемам международных отношений. Основой подхода должно было стать ослабление общей мировой напряженности между Москвой и Вашингтоном.

Глобальный компромисс между Советским Союзом и Соединенными Штатами во второй половине 80-х гг. XX в. изменил и ситуацию в Северо-Восточной Азии. США более не рассматривали Китай в качестве единственного стратегического партнера в регионе, полагаясь на нормализацию советско-американских отношений. События же на площади Тянаньмэнь в Пекине в июне 1989 г. изменили общий стиль китайско-американских отношений, переведя их из военно-политической в экономическую сферу.

Снижение военной активности Советского Союза на Дальнем Востоке во второй половине 80-х гг., которое не компенсировалось ни в экономической, ни в политической сферах, продемонстрировало понижение степени влияния Москвы на международ-

ные отношения в СВА. СССР больше не рассматривался КНР как потенциальный противник. Это открывало возможности нормализации советско-китайских отношений и обеспечения внутриполитической стабильности в Китае, столь необходимой для продолжения экономических реформ.

В то же время происходит усиление роли Японии в системе региональных отношений. Если до 80-х гг. японская внешнеполитическая линия строилась исключительно в русле американской политики в Северо-Восточной Азии, то с приходом к власти в Токио в ноябре 1982 г. Ясухиро Накасонэ была провозглашена цель приведения политического влияния Японии в соответствие с ее экономической мощью. Это вылилось, в частности, в увеличении расходов на военные нужды (естественно в рамках ресурсных ограничений) и усилении военно-политического сотрудничества с США.

Современная политическая ситуация в Северо-Восточной Азии начала складываться приблизительно с середины 80-х гг., когда наметились явные тенденции к улучшению российско-китайских отношений. Для региона СВА как самодостаточной системы развал Советского Союза не стал каким-либо серьезным потрясением. СССР всегда имел ярко выраженную атлантическую направленность своей внешней политики. Присутствие СССР в СВА имело ограниченный характер и определялось, главным образом, военным потенциалом на советском Дальнем Востоке. Изменение мирового статуса России лишь опосредованно задело Северо-Восточную Азию, проявившись в еще большей минимизации российского военного присутствия в регионе. Кроме того, внешняя политика России продолжает сохранять свою интеграционную направленность, нацеливающую Россию на вхождение в Европейское сообщество.

Во многом именно этим объясняется та легкость, с которой японские и американские аналитики исключают Россию из списка потенциальных угроз их национальным интересам в Азиатско-Тихоокеанском регионе вообще и в Северо-Восточной Азии в частности.

Особый интерес вызывает вопрос о роли и значении российской составляющей в региональной системе в современных условиях и, прежде всего, вопрос о статусе территорий российского Дальнего Востока. Вплоть до середины 80-х гг. основной набор

функций Дальневосточного региона Советского Союза включал в себя освоение имеющихся природных ресурсов и обеспечение военного присутствия. Общегосударственное значение Дальнего Востока заключалось скорее в его наличии, нежели в его развитии. Необходимость вкладывать огромные средства в его комплексное освоение, пытаясь создать хорошо функционирующую экономическую систему, способную максимально полно включить регион в общегосударственную систему хозяйствования, никогда не возникала. Достаточно было лишь поддерживать тот уровень жизнедеятельности региона, который позволял бы ему осуществлять возложенные на него немногочисленные функции.

Рассматривая современное геополитическое положение Дальнего Востока России вообще и Приморского края в частности российские аналитики в целом однозначно подходят к оценке их специфических особенностей: близость к странам Северо-Восточной Азии, благоприятные природно-климатические условия и относительно высокий уровень развития научно-производственного потенциала, а также важная роль региона в обеспечении безопасности страны.

Переориентация внимания России на сотрудничество со странами АТР и СВА или усиление роли этих государств во внешней российской политике является основой для сохранения Дальневосточным регионом своего геополитического значения в качестве плацдарма осуществления российских интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Благоприятное географическое положение Приморского края может сыграть позитивную роль в установлении нормальных экономических отношений с соседними государствами. Тем более, что китайские, японские и южнокорейские предприниматели высказывали заинтересованность в расширении экономического сотрудничества с дальневосточными партнерами¹⁰⁶.

Российские специалисты также отмечают возможность повышения роли Дальнего Востока в качестве базы дислокации и обслуживания военно-морских сил России после утраты части

¹⁰⁶ Павлятенко В. Российский Дальний Восток в системе отношений России со странами СВА // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 4. С. 12–13.

черноморских и балтийских портов и их производственно-ремонтных мощностей¹⁰⁷.

Однако процесс нормальной реализации функций региона сталкивается с рядом трудностей внешне- и внутривластного характера. Так, процесс расширения экономического сотрудничества сопровождается процессом ослабления властных отношений внутри России по линии центр – регион. Это привело к нарастанию тенденций экономического отторжения Дальнего Востока и особенно Приморского края от России. Причины данного отторжения кроются в разрыве производственно-технических связей региона с европейской Россией и их переориентация на географически более близкие страны США, а также в относительно более тяжёлой социально-экономической ситуации на Дальнем Востоке по сравнению с европейской частью страны.

Кроме того, снижение темпов экономического развития Дальнего Востока и Приморского края стали причиной нарастания тенденций, которые могут привести к утрате экономикой России потенциальных возможностей восточно-азиатского рынка. Уже сейчас требуются существенные финансовые, экономические и политические усилия для сохранения нынешних позиций России в этом регионе.

К числу внешних факторов, угрожающих российским интересам в регионе, можно отнести:

- опасность использования России странами Северо-Восточной Азии исключительно в качестве источника сырья и рынка для сбыта продукции низкого технологического уровня;
- демографическое давление со стороны многомиллионного Китая и прежде всего его северо-восточных провинций;
- усиление экономического давления на Россию со стороны Китая, который уже сейчас достаточно успешно наращивает свою экономическую мощь и имеет все возможности в ближайшее время, используя финансовый потенциал Гонконга, Сингапура и Тайваня, стать экономическим центром Восточной Азии¹⁰⁸.

¹⁰⁷ См.: Дальний Восток – возможности сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона // Экономист. 1996. № 6. С. 43.

¹⁰⁸ См.: Перспективы развития Приморского края в контексте геостратегических и экономических интересов России // Проблемы Дальнего Востока. 1995, № 1. С. 4–5.

Если по поводу оценки современного положения Дальнего Востока в регионально политической системе СВА существует проработанная и отвечающая требованиям сегодняшнего дня концепция, то относительно стратегии поведения России в среде отечественных экспертов и политиков нет целостного подхода. Современная внешняя политика России в Северо-Восточной Азии характеризуется некоторой разнонаправленностью, отсутствием общей концепции поведения. В этой связи роль дальневосточных окраин страны в системе внешней политики России будет определяться исходя из той модели, которая будет положена в основу этой политики.

На сегодняшний день рационально говорить о двух основных моделях вероятного внешнеполитического поведения России в регионе Северо-Восточная Азия.

Первая модель, получившая наименование «изоляционистской», подразумевает свертывание всех внешнеполитических отношений регионального уровня и последующее ограничение сотрудничества с иностранными партнерами. Это вполне реально осуществить путем ужесточения пограничного режима, повышения боеспособности российских вооруженных сил на этих территориях и размещения здесь тактических ядерных систем. Главная идея подобной политики заключается в том, чтобы законсервировать территорию и ресурсы до лучших времен, когда Россия сможет их освоить с пользой для себя. В этом случае Дальний Восток и Приморский край сохраняют характерный для них набор функций.

Вторая модель предлагает несколько иную систему поведения в СВА, основанную, прежде всего, на вовлечении России в геополитические процессы региона. Основой такой политики должно стать экономическое и демографическое усиление районов Дальнего Востока, что может создать достаточно прочный фундамент для включения в геополитические процессы в Северо-Восточной Азии. Укрепляя позиции у себя дома, России следовало бы одновременно усилить дипломатическую и, по возможности, экономическую активность в регионе. При этом Россия должна проводить достаточно гибкую политику не только в СВА, но и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе. Данная политика должна заключаться в наиболее полном использовании различных противоречий и конфликтов между тихоокеанскими госу-

дарствами, хитросплетений и традиционных сложностей региональной дипломатии. Россия должна стремиться стать важным фактором в отношении ведущих сил Азиатско-Тихоокеанского региона: США, Китая, Японии и, в вполне возможно, АСЕАН. Не следует при этом забывать своих партнеров по «социалистическому содружеству», которые могут оказаться более полезными, чем Китай, в деле сближения России с региональными и субрегиональными структурами АТР. Основой же политики проникновения России в число полноправных участников региональных процессов в СВА должны стать различные направления экономической деятельности, включая торговлю. В этой связи у российского Дальнего Востока и особенно его южных территорий края появился бы реальный шанс превратиться из восточных задворков государства в коридор, соединяющий Россию с Восточной Азией¹⁰⁹.

Следующей составляющей современного геополитического положения в Северо-Восточной Азии является усиление экономической и политической роли Китая. Экономические успехи китайских реформ; наращивание военного потенциала; усиление роли Китая в ряде международных организаций (АТЭС, региональный форум по безопасности в рамках АСЕАН); улучшение отношений с рядом стран – Вьетнамом, Индонезией, Южной Кореей, Индией; расширение экономических связей с АСЕАН сделали возможным повышение военно-политического статуса страны¹¹⁰.

Вместе с тем нельзя не отметить, что внешняя политика КНР нацелена прежде всего на обеспечение роста экономического, политического и военного могущества государства, а не на создание наиболее благоприятных условий для развития всех компонентов китайского общества, первоочередного достижения достойного уровня жизни, обеспечение прав китайских граждан.

В то же время Китай, как никто другой в этом регионе, заинтересован в сохранении региональной стабильности, которая является основой его экономических успехов. Именно поэтому КНР сознательно стремится не обострять политических противоречий со своими соседями по СВА. Однако, с другой стороны, сохранение образа внешнего врага в лице абстрактного или кон-

¹⁰⁹ См.: Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996. С. 107–110.

¹¹⁰ Хонг Ван Сук. Геостратегия России и Северо-Восточная Азия. М., 1998. С. 66–67.

кретного гегемониста либо возрождение концепций и подходов, присущих китайской политике 50–80-х гг., вводит элемент конфронтационности в китайскую внешнюю политику и делает её не вполне предсказуемой.

Кроме того, два основных фактора внутривнутриполитического положения Китая могут в ближайшем будущем сыграть дестабилизирующую роль в политической системе Северо-Восточной Азии. Прежде всего, это проблема перенаселённости Китая, которая уже сейчас определяется некоторыми китайскими и многими западными специалистами как демографический кризис. Рост численности населения стал причиной увеличения безработицы в китайских городах и появления избыточного сельского населения. Наиболее вероятные и простые пути решения данной проблемы – это эмиграция или сокращение численности населения в результате внешних или внутренних конфликтов, могущих стать угрозой для стабильности в СВА и АТР.

Другим фактором нестабильности КНР в региональной политической системе является экологический фактор. Ухудшение состояния окружающей среды в Китае подошло к опасной черте, за которой может начаться необратимая деградация основных биологических систем на обширных и густозаселённых территориях. Самыми тревожными проявлениями экологического кризиса в КНР являются: эрозия почв, сокращение площади лесов, недостаток и загрязненность водных ресурсов, загрязнение воздуха, кислотные дожди, нерациональное использование энергоресурсов¹¹¹.

Оценивая направленность внешней политики КНР в Северо-Восточной Азии, можно наблюдать, что Китай акцентирует своё внимание главным образом на двухсторонних отношениях. Возможности форсирования процессов экономической интеграции в регионе или создания системы коллективной безопасности в АТР оцениваются китайской стороной как преждевременные. Вместе с тем, исходя из своих геостратегических задач, КНР не намерена отказываться от участия в данных процессах, стараясь оказывать на них влияние в нужном для себя направлении и не допускать, чтобы эти процессы задевали национальные интересы Китая.

¹¹¹ Волохова А.А. КНР и проблемы обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии // Проблемы обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: Научная книга, 1999. С. 152.

Всё это позволяет сделать вывод о том, что Китай на современном этапе переживает переходный период от статуса региональной державы к положению мировой сверхдержавы.

Положение региона Северо-Восточная Азия характеризуется также усилением стремлений Японии укрепить свое политическое положение путём приведения политической роли страны в соответствие с её экономической мощью. В целом для Японии было характерно положение «экономического гиганта» и «политического карлика». Сейчас основная задача Японии состоит именно в преодолении данной ситуации. Ориентируясь именно на её реализацию, министерство иностранных дел Японии сформулировало приоритеты внешней политики страны на 90-е гг.: расширение международного сотрудничества, участие в деятельности ООН, в том числе в миротворческих операциях, расширение международного культурного обмена, участие в решении глобальных экологических проблем, поддержание системы свободной торговли.

Стратегия Японии в отношении СВА строится на основе принципа «уйти из Европы, вернуться в Азию», который был сформулирован в нач. 90-х гг. видным японским политиком С. Исихарой. Данный принцип подразумевает расширение сотрудничества с азиатскими соседями по АТР и СВА при одновременном превращении страны из «мировой мастерской» в «научную лабораторию мира». Данное превращение должно осуществиться благодаря смене моделей развития, в рамках которых предполагается вынести за пределы японских островов энерго- и материалоемкие производства, повысить роль наукоемких отраслей промышленности, провести политику интернационализации, одним из последствий которой является увеличение импорта в страну готовой продукции¹¹². Подразумевается, что Япония будет играть роль экономического двигателя региона, содействуя при этом укреплению безопасности через развитие экономики и политической стабильности, наделяя себя, наряду с США, «особой ответственностью» за урегулирование региональных проблем.

Кроме того, в политике Японии прослеживается ярко выраженное стремление стать крупной военной державой. Уже сейчас страна занимает третье место в мире по уровню военных расхо-

¹¹² См.: Родионов А.П. Перспективы создания экономической зоны Японского моря // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 1. С. 34.

дов, а вооружённые силы Японии по огневой мощи обычных вооружений, уровню технической оснащённости и другим параметрам превосходят большинство других азиатских государств. Не исключено также, что в определённых условиях правительство Японии может пойти на использование военной мощи для достижения политических целей.

Результатом такой стратегии должно стать расширение политической роли Японии. Закрепление же этой роли должно произойти вследствие получения ею места постоянного члена Совета Безопасности ООН¹¹³.

Рассматривая современную геополитическую ситуацию в Северо-Восточной Азии, нельзя не обратить внимание на такой элемент данной системы, как Соединенные Штаты Америки. Несмотря на то, что они территориально не представлены в данном регионе, наличие их интересов здесь прослеживается достаточно ярко. Основную задачу США видят в сохранении своего доминирующего положения в регионе и в поддержании традиционных союзнических связей. В то же время США не отрицают возможности многостороннего диалога по внутрирегиональным вопросам.

Однако на сегодняшний день Соединенным Штатам не удалось добиться абсолютного преобладания в США. США представляет собой скорее один из глобальных центров силы в регионе, которому приходится постоянно делить бремя первенства со своими конкурентами.

Остается до конца неопределенной политика сдерживания в регионе. Она скорее напоминает попытку найти новое применение старой системы оборонительных договоров, в которых США отводилось господствующее положение и надобность в которых в той или иной мере отпала с крушением Советского Союза. В данном случае лихорадочный поиск дестабилизирующего фактора в регионе можно рассматривать как попытку сохранить свое военное присутствие, которое во многом составляет основу политического влияния США в регионе.

Анализируя проблемы военного присутствия Соединенных Штатов в Северо-Восточной Азии, заместитель секретаря по проблемам Азиатско-Тихоокеанского региона внешнеполитического ведомства США Курт Кампбелл в интервью журналу «U.S. For-

¹¹³ См.: Мясников В.С. Положение в сфере безопасности в Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 5. С. 20–21.

eign Policy» указывает, в частности, на то, что военное присутствие США в АТР является «не любовью к Азии, а нашим интересом. Мы верим, что наши вооруженные силы в Азии позволяют нам устанавливать прочные и долгосрочные отношения с Японией. Они сдерживают агрессию на Корейском полуострове. Они служат в качестве механизма привлечения Китая. И наше военное присутствие – это напоминание всем странам региона, что США – это не преходящий или временный актер в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а что мы основополагающий участник, который имеет и будет иметь здесь свои интересы»¹¹⁴.

Слабым звеном позиции США в Северо-Восточной Азии является вопрос о внутрирегиональной интеграции. Специфика США заставляет страны региона уходить от политической сферы взаимодействия, концентрируя основное внимание, прежде всего, на экономической сфере, благо к тому есть необходимые предпосылки. В то же время Соединенные Штаты строят свой подход к проблемам межгосударственного сотрудничества, опираясь, главным образом, на политическую сферу. Это связано с тем, что экономически США уже не способны противостоять совокупной экономической мощи развитых государств США. Несостыковка подходов в перспективе может стать дестабилизирующим фактором региональной политики.

Таким образом, современные геополитические процессы, наметившиеся в Северо-Восточной Азии, детерминированы национальными интересами, в первую очередь, таких стран, как США, Китай и Япония. Каждая из этих стран заинтересована в расширении внутрирегиональных отношений. Это может стать основой для инициации складывания целостного геополитического пространства Северо-Восточной Азии.

Однако на благоприятные экономические условия для интеграции в регионе пока рассчитывать не приходится, так как политический контекст данных процессов остается крайне негативным. Так, мы можем наблюдать:

- продолжающееся сосуществование в США двух основных социально-политических систем – капитализма и социализма. Причем даже в рамках одной социально-политической системы можно выделить несколько экономических моделей;

¹¹⁴ Ensuring Security in the Asia-Pacific Region. // U.S. Foreign Policy. Vol. 3. № 1. 1998. January. P. 5.

- продолжающееся противостояние на Корейском полуострове, которое обостряется стремлением КНДР к разработке собственного ядерного оружия;
- обострение напряженности в китайско-тайваньских отношениях.
- не утихающие территориальные споры в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

Все это позволяет сделать вывод о том, что складывание международно-политического региона Северо-Восточная Азия только началось. Однако процесс установления политической взаимозависимости может дополниться процессом расширения экономического сотрудничества. Несмотря на то, что в настоящее время говорить о наличии интеграционных процессов в регионе было бы преждевременно, определенные тенденции в этом направлении все же имеют место. Можно предположить, что в силу различия степени экономического развития и степени политической активности у стран региона, усиление экономического и политического сотрудничества скорее будет представлено в форме процесса включения государств в орбиту некоего геополитического ядра, нежели в форме процесса формирования политических и экономических отношений между равноправными субъектами.

2.3. Концепции региональной интеграции

Наиболее наглядно интеграционные тенденции можно проследить на примере разработанных во второй половине 80-х гг. двух основных концепций экономической интеграции в регионе Северо-Восточная Азия. Это концепция «Кольца Жёлтого моря и Бохайского залива» и концепция «Кольца Японского моря». Все проекты внутрирегионального экономического сотрудничества были сформулированы в рамках именно этих двух концепций.

Первая концепция предполагает расширение экономического сотрудничества между прибрежными государствами Желтого моря и Бохайского залива – Японией, Республикой Корея, КНДР и частью Китая. Эта экономическая зона охватывает портовые города на побережье данных акваторий, имеющих хорошую промышленную базу, богатые природные ресурсы, высокоразвитую технологию и сравнительно высокий уровень квалификации ра-

бочей силы. Идеологами данной концепции стали китайские ученые, выдвигающие на первый план идею экономического развития прилегающих к Бохайскому заливу провинций страны путем привлечения иностранных капиталовложений, прежде всего соседних государств и территорий.

По мнению китайских ученых, географическое понятие «Кольцо Желтого моря и Бохайского залива» охватывает, в узком смысле, западное побережье республики Корея, Шаньдунский и Ляодунский полуострова в Китае и побережье японского острова Кюсю. В широком смысле в него включается также южный берег острова Хонсю, весь Корейский полуостров, а в Китае еще и провинция Цзянсу. Центром этой экономической зоны сотрудничества считается город Тяньцзинь.

В настоящее время в рамках данной концепции российские ученые выделяют три основные модели развития региона Жёлтого моря и Бохайского залива¹¹⁵. Первая модель («жемчужины») представляет собой цепь из 27 приморских городов Японии, Китая, Северной и Южной Кореи, в которых должны быть созданы зоны свободной торговли и зоны техноэкономического развития, а между ними развернута сеть морских и авиационных линий.

Вторая модель («маяки») предусматривает образование свободных экономических зон в девяти городах Японии, Северной и Южной Кореи и Китая.

Третья модель («коридор») представляет собой строительство единой железнодорожной магистрали, которая будет выступать в качестве своеобразного коридора между государствами, соединяющими СЭЗ и зоны свободной торговли.

Практическое осуществление данной концепции позволит преодолеть неравномерность в уровнях экономического развития регионов этой зоны, создать дополнительные рынки приложения японского и южнокорейского капиталов, расширить сеть коммуникаций в зоне Желтого моря и Бохайского залива.

Наиболее грандиозным проектом в рамках данной концепции является проект стимулирования экономического развития китайских территорий, прилегающих к Бохайскому заливу и объединённых в так называемую Экономическую зону Бохай. К числу территорий, составляющих данную зону, китайские учёные отно-

¹¹⁵ См.: Процесс экономической интеграции в Северо-Восточной Азии и их значение для развития Дальнего Востока. М., 1996. С. 16–17.

сят провинции Ляонин, Шандун и Хэбэй и города Пекин и Тяньцзинь. Данный район Китая имеет достаточно благоприятные условия для экономического роста, а именно: значительные запасы природных ресурсов, необходимых для развития чёрной металлургии, производства строительных материалов и выработки электроэнергии; благоприятные условия для развития сельского хозяйства; достаточно высокий уровень развития транспортной инфраструктуры; наличие сформированных промышленных комплексов; наличие необходимого уровня высококвалифицированных трудовых ресурсов; высокая концентрация научно-исследовательских учреждений; выполнение регионом функций политического, культурного и информационного центра страны. Однако в ходе реформ китайской экономики наметились ярко выраженные тенденции к отставанию уровня экономического развития данного региона страны от южной и восточной частей КНР. Причинами такого отставания стали высокая концентрация в регионе слабо восприимчивых к реформированию экономики крупных и средних государственных предприятий, географическая удалённость от потенциальных источников иностранных инвестиций (прежде всего, Тайваня и Гонконга), а также концентрация внимания центрального китайского руководства на развитие южных и восточных территорий страны путём предоставления им соответствующих экономических льгот и привилегий¹¹⁶.

Основной целью проекта создания экономической зоны Бохай является ускорение экономического развития территорий, входящих в данную зону. Проведённые исследования показали, что регион Бохайского залива будет третьим в Китае региональным устойчивым образованием с быстрым и стабильным экономическим ростом. В таких условиях реальной перспективой станет формирование так называемого «Золотого прибрежного Пояса» китайской экономики, в который помимо районов Южного и Восточного Китая войдут территории, окружающие Бохайский залив.

Концепция «Кольцо Японского моря» была сформулирована японскими учеными в середине 80-х гг. В понятие Япономорского кольца они включали территории российского Дальнего Вос-

¹¹⁶ См.: Ли Цзинь-Вэнь. Новое направление в экономическом развитии Китая – перспективы развития экономической зоны Бохай // Гуманитарные науки. 1996. № 1–2. С. 75–77.

тока, Северо-Восток Китая, западное побережье Японии, япономорские районы КНДР и Республики Корея¹¹⁷. В рамках данной концепции предполагалось, что зона экономического сотрудничества преимущественно будет формироваться не на межгосударственной базе, а на основе взаимодействия крупного и среднего капитала и органов местного самоуправления. Такая форма организации сотрудничества считается более гибкой, так как позволяет избежать всех тонкостей сложных и противоречивых политических отношений между странами региона.

В концепцию «Япономорское кольцо» были объединены проекты развития дельты реки Туманной (проект «Туманган»); формирования сельскохозяйственного района в долине Сяньцзяньпин; освоения и разработки якутского природного газа и ресурсов шельфа острова Сахалин; и четвертое генеральное соглашение по разработке лесных ресурсов Сибири и Дальнего Востока¹¹⁸. Однако этими проектами не исчерпывается весь комплекс предполагаемого регионального экономического сотрудничества. В представленной ниже таблице предпринята попытка обобщить информацию о тех экономических проектах, которые так или иначе привлекали внимание как российских, так и зарубежных ученых.

Обе концепции, в сущности, предполагают создание системы «полюсов роста», которые концентрируют наиболее передовые сферы промышленности и формы хозяйственной деятельности и выступают в отношении периферийных зон центрами притяжения капиталов и рабочей силы. Такая структура географической организации экономики страны предполагает формирование периферии, вся деятельность которой неразрывно связана с деятельностью центра.

¹¹⁷ Процесс экономической интеграции в Северо-Восточной Азии и их значение для развития Дальнего Востока. М., 1996. С. 11.

¹¹⁸ См.: Родионов А. Перспективы создания экономической зоны Японского моря. // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 1. С. 36–37.

Крупномасштабные проекты международного сотрудничества в рамках концепций интеграции «Кольцо Японского моря» и «Кольцо Жёлтого моря и Бохайского залива» (включая находящиеся в стадии разработки)¹¹⁹

Проект	Место реализации	Участники	Содержание
1	2	3	4
Развитие дельты реки Туманган	На границе Китая, КНДР и России	Россия, Китай, КНДР, Республика Корея, Япония	Хозяйственное развитие районов, прилегающих к устью реки Туманной
Развитие зоны морского порта Далянь	Китай, провинция Ляонин, г. Далянь	Китай – основной участник	Обустройство промышленной зоны и расширение мощностей морского порта Далянь. В 1984 г. начато строительство первой очереди зоны (20 км ²) для размещения предприятий около ста компаний, в 1990 г. начаты работы в рамках второй очереди для размещения 500 компаний. Наряду с развитием старого Даляньского порта в заливе Даяо идёт реконструкция гаваней пропускной мощностью 840 тыс. т груза в год и способностью принимать до 80 судов.

¹¹⁹ Сост. по: Ли Цзинь-Вэнь. Новые направления в экономическом развитии Китая – перспективы развития экономической зоны Бохай // Гуманитарные науки. 1996. № 1, 2. С. 73–75; Кадзио Огава. Перспективы развития экономического сотрудничества в зоне Японского моря // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 4. С. 3–7; Саначев И.Д., Безлюдная Н., Бурлаков В. Геополитические проекты на юге Приморского края. // Известия ВИМО. № 1. 1997. Апрель; Саначев И.Д., Голодинкина С.О. Северо-Восток Китая и российский Дальний Восток: «глобальные последствия региональной интеграции // Китай в мировой политике. М., 2001. С. 292–300. Родионов А. Перспективы создания экономической зоны Японского моря // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 1. С. 37–39; Костюнина Г.М. Азиатско-Тихоокеанская экономическая интеграция. М., 2002. С. 64–86.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
Развитие долины Саньцзяньпин	Китай, провинция Хэйлунцзян	Китай	В 1988 г. китайским руководством было принято решение о выделении территории площадью 103 тыс. км ² под общенациональный проект – зоны всеобщего развития сельского хозяйства. Объём инвестиций в данный проект до 2000 г. должен составить 3,4 млрд юаней. Зона должна стать базой выращивания преимущественно зерновых – риса, кукурузы и др.
Освоение ресурсов якутского природного газа	Россия, Республика Саха-Якутия	Россия, Япония, США	Разработка Лена-Вилуйского и Ботуобинского нефтегазоносных месторождений, которые, по результатам совместной геологической разведки, проводившейся Японией, США и Россией, содержат запасы 800 млрд м ³ природного газа.
Проект «Сахалин-1»	Россия, Сахалинская область	США, Россия, Япония, Индия	Предполагает освоение нефтеконденсатных месторождения на шельфе о-ва Сахалин: Чайво, Одопту и Аркутун-Даги.

1	2	3	4
Проект «Сахалин-2» ¹²⁰	Россия, Сахалинская область	Великобритания / Голландия, Япония ¹²¹	Предусматривает разработку Пилтун-Астохского и Луньского месторождений нефти и газа. Подтверждены запасы газа в месторождении Луньское – 350 млрд м ³ .
Четвёртое генеральное соглашение по разработке лесных ресурсов Сибири и Дальнего Востока	Россия, районы Сибири и Дальнего Востока	Россия, Япония	В течение пяти лет, начиная с 1992 г., Япония экспортирует машины и оборудование, в обмен на которые импортирует 6 млн м ³ круглого леса и 400 тыс. м ³ пиломатериалов.
Развитие экономической зоны Бохай	Китай (провинции: Ляонин, Хэбэй и Шаньдун, города Пекин и Тяньцзинь)	Китай	Выравнивание диспропорции в уровне экономического развития зоны Бохай, с одной стороны, и Южного и Восточного Китая – с другой. Предполагается, что ВВП зоны Бохая, составлявший 23,3% от ВВП страны в 1992 г., увеличится до 25% в 2000 г. и до 28 – 30% к 2010 г.

¹²⁰ Кроме указанных проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2» в рамках Сахалинской области реализуются проекты «Сахалин-3», «Сахалин-4», «Сахалин-5» и «Сахалин-6». Однако ключевую роль в них играют или Россия, или страны, не представленные в СВА, поэтому в строгом смысле идентифицировать эти проекты как региональные интеграционные нельзя.

¹²¹ 12 декабря 2006 г. газета «Коммерсантъ-дайли» сообщила о том, что англо-голландский концерн «Шелл» продал 30% акций из принадлежащей ему 55%-ной доли в фирме-операторе «Сахалин Энерджи Инвестмент Компани Лтд.» российскому акционерному обществу «Газпром». Еще 20% акций «Сахалин Энерджи Инвестмент Компани Лтд.» «Газпром» собирался приобрести у японских участников проекта – концернов «Мицуи» и «Мицубиси». Таким образом, «Газпром» аккумулирует 50% акций фирмы-оператора, что свидетельствует об усилении роли российской стороны в процессе реализации проекта «Сахалин-2».

Окончание табл. 1

1	2	3	4
Проект «Большой Владивосток»	Россия, г. Владивосток	Россия – основной участник	Создание во Владивостоке международной свободной экономической зоны, строительство международного аэропорта и реконструкция международного торгового порта
Проект китайской компании «ЛИ ФА»	Россия, г. Владивосток	Китай, Россия	Создание небольшой международной экономической зоны под Владивостоком (ок. 200 км ²) и транспортного узла, обслуживающего зону
Проект «Универсальный транспортный узел»	Россия, г. Владивосток	Республика Корея, Россия	Создание особой экономической зоны в пригороде Владивостока, строительство в этой зоне международного аэропорта и морского торгового порта, создание мощной транспортной инфраструктуры и железнодорожных линий, связывающих зону с системой железных дорог Китая
«Стратегический план развития Приморского края»	Юг Приморского края	Япония, Россия	Концептуальное объединение под одним контролем СЭЗ «Находка» и проектов «Туманган» и «Большой Владивосток»

Теоретическую основу обеих концепций составляет положение о возможности вертикального разделения труда в регионе. В системе внутрирегиональных отношений каждая из стран должна быть представлена теми специфическими особенностями, которые характерны для ее экономики: для Японии – это капитал и высокие технологии; для Южной Кореи – капитал и промежуточные технологии; для российского Дальнего Востока – богатые

природные ресурсы; для Северо-Востока Китая – рабочая сила и продукты сельского хозяйства и легкой промышленности; для Северной Кореи – рабочая сила и минеральные ресурсы¹²². Таким образом, изначально предполагается, что страны с достаточно высоким уровнем развития экономики окажутся в наиболее благоприятных условиях. Такая диспропорция делает возможной ситуацию экономического доминирования какой-либо державы в зоне экономического сотрудничества.

В дальнейшем обе концепции претерпели значительные изменения. Произошел отказ от грандиозных и дорогостоящих проектов. Ряд проектов был значительно переработан или отвергнут. Например, проект «Туманган» кардинально изменился и перерос, по сути, в идею двустороннего приграничного сотрудничества, а от проектов «Ли Фа», «Универсальный транспортный узел» или «Большой Владивосток» пришлось совершенно отказаться. Между тем данные интеграционные концепции не утратили своего значения. Отказ от ряда проектов не означал отказа от расширения регионального сотрудничества.

Основной особенностью данных концепций и выработанных в их рамках проектов стало то, что они в той или иной мере отвечали экономическим интересам большинства стран региона. Именно эти проекты стали проявлением экономической заинтересованности региональных акторов в сотрудничестве. При этом ни их форма, ни внутренняя структура не представляли какого-либо принципиального значения. Можно смело предположить, что их появление и последующая конкретизация стали отправной точкой региональных интеграционных процессов. Этим также определяется их жизнеспособность. Изменяя внутреннее содержание, постоянно подлаживаясь под конкретный момент, концепции сохраняют свою привлекательность.

Таким образом, в рамках положений прагматического детерминизма описанные концепции региональной интеграции можно рассматривать в качестве формализованного интереса, который проявляют страны Северо-Восточной Азии. Так как экономический интерес любого государства отличается высокой степенью устойчивости, можно предположить, что данные концепции будут сохранять свою привлекательность для большинства стран

¹²² См.: Кадзиро Огава. Перспектива развития экономического сотрудничества в зоне Японского моря // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 4. С. 5.

СВА и будут продолжать служить своего рода императивом внутрирегионального сотрудничества.

Наглядным подтверждением этому является идея Транскорейской магистрали с выходом на российскую и китайскую железнодорожные сети.

С 2000 г. широко обсуждались два основных варианта соединения Транскорейской магистрали с Транссибом. Северная Корея ратовала за то, чтобы выйти на Транссибирскую магистраль через российско-корейскую границу, а Южная Корея настаивала на так называемом «западном» варианте, предусматривающем выход магистрали на Транссиб через Китай в Читинской области.

Показательным является то, как стремительно развивались отношения вокруг данного проекта. В конце февраля 2001 г. во время визита в Республику Корея В.В. Путин высказался в поддержку строительства Транскорейской магистрали с выходом её на Транссиб. В марте того же года в Пхеньяне состоялись двусторонние российско-северокорейские переговоры, на которых обсуждались возможные варианты реализации данного проекта. 14 августа министр путей сообщения России и министр железных дорог КНДР подписали соглашение, декларирующее намерение строительства Транскорейской магистрали по транспортному коридору Сеул-Пхеньян-Вонсан-Гуманган-Хасан-Транссиб. Уже через месяц Северную Корею посетила группа специалистов МПС и ДВЖД, которая провела инспекцию железнодорожного хозяйства страны и оценила необходимый объем работ.

Параллельно шел процесс потепления межкорейских отношений. Стал возможным, например, первый с момента разделения Кореи на два государства визит президента Республики Корея Ким Дэ Чжуна в Пхеньян, встреча родственников, проживающих в разных корейских государствах. При этом вопрос о строительстве Транскорейской магистрали решался достаточно быстро, и уже весной 2002 г. была проведена торжественная церемония соединения железных дорог Северной и Южной Кореи в районе демаркационной линии.

Значительную активность в решении вопроса о строительстве магистрали проявил и глава КНДР Ким Чен Ир, который дважды в 2001 и 2002 гг. совершил визиты в Россию. При этом визит 2001 г. стал его первой зарубежной поездкой.

Процесс реализации проекта магистрали замедлился лишь с ужесточением позиции США по вопросам северокорейской ядерной программы. КНДР снова оказалась в дипломатической изоляции.

Столь стремительное улучшение отношений между корейскими государствами стало в какой-то мере неожиданностью. Обычно все попытки хоть как-то смягчить межкорейскую конфронтацию заканчивались полным провалом. Однако, если во главу угла ставить прагматический детерминизм, то данное сближение вокруг проекта Транскорейской магистрали вполне понятно. Создание этой транспортной артерии значительно облегчит сообщение как Южной Кореи, так и Японии со странами Европы. Будет создан трансконтинентальный коридор, в котором так сильно нуждаются страны Северо-Восточной Азии и прежде всего Японии. Разумная эксплуатация коридора способна принести многомиллионные прибыли. Северная Корея займет одно из ключевых мест в проекте, что, с одной стороны, принесёт ей значительные дивиденды, а с другой – поможет найти выход из политической изоляции и экономического тупика. Поэтому смягчение Корейской Народно-Демократической Республикой своих позиций в отношении Республики Корея представляется вполне логичным.

При исследовании проблем региональной интеграции в Северо-Восточной Азии нельзя обойти стороной еще один проект международного экономического сотрудничества – строительство нефтепровода Россия–Китай. Подробное рассмотрение данного проекта в общем выходит за рамки заданной проблемы, однако крайне необходимо для иллюстрации сохраняющихся тенденций развития внутрирегиональных отношений.

Данный проект с самого начала существовал в двух вариантах. Первый вариант проекта предполагал сооружение нефтепровода по маршруту Ангарск–Дацин общей протяженностью 2247 км, из которых 1452 км должны были пройти по территории России, а 795 км – Китая. Нефтепровод должен был пересечь российско-китайскую границу в районе Забайкальска. Основной целью сооружения нефтепровода было обеспечение поставок нефти Китаю из Лугинского и Юрубченско-Тохомского месторождений.

Разработка данного проекта шла достаточно успешно. В 1999 г. в рамках 6-й регулярной встречи правительств России и

Китая, прошедшей в Москве, был подписан пакет соглашений о сотрудничестве двух стран в области энергетики, в том числе и соглашение между ЮКОСом, ОАО «Транснефть» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией о разработке технико-экономических расчетах проекта строительства нефтепровода Россия–Китай. В январе 2000 г. результаты данных расчетов подтвердили эффективность проекта, и начались работы по разработке необходимой проектной документации. 27 мая 2003 г. в Москве по итогам переговоров президента России В.В. Путина и председателя КНР Ху Цзиньтао была подписана Совместная декларация, в которой признавалась важность сотрудничества в энергетической сфере, а основой укрепления этого сотрудничества должна была стать реализация крупных нефтегазовых проектов, в первую очередь, «Россия–Китай».

Вместе с тем выявились и негативные стороны проекта. В частности, к их числу следует отнести ярко выраженную ориентацию нефтепровода Ангарск–Дацин на Китай и достаточно серьезное влияние на процесс осуществления проекта российских внутренних политических процессов. Так, самым крупным лоббистом данного проекта с российской стороны всегда выступала компания ЮКОС, владевшая крупными месторождениями нефти в Томской области и Красноярском крае. Именно ЮКОС одной из первых российских нефтяных компаний осознал выгоды продажи нефти на быстро развивающемся китайском рынке. Однако после осуждения главы ЮКОСА М. Ходорковского, процесс реализации проекта Ангарск–Дацин резко пошел на спад, уступив место второму варианту экспорта нефти в страны Северо-Восточной Азии.

Идея второго варианта нефтепровода представляет собой логическое продолжение всестороннего процесса освоения российского Дальнего Востока и предполагает соединение транспортными артериями, в том числе и нефтепроводами, европейской и восточных частей страны. Активное лоббирование некоторыми российскими компаниями нефтепровода Ангарск–Дацин привело к тому, что данная идея была отложена в долгий ящик. Однако, начиная с 2001 г., представители японского бизнеса начали активно продвигать идею проекта осуществления транспортировки нефти по маршруту Ангарск–Находка. Предполагалось, что японская сторона, которая выказала свою крайнюю заинтересо-

ванность осуществлением проекта в данной форме, выделит России порядка 7 млрд долларов на обустройство Сибири и Дальнего Востока, а также льготный кредит на прокладку нефтепровода. Кроме того, подчеркивалось, что Россия получит независимый от китайских потребителей путь транспортировки нефти, а также сможет транспортировать нефть не только в Китай, но и в Японию и Республику Корея, а морским путем – в США и Австралию.

В результате снижения экономической активности компании ЮКОС и лоббистских усилий японских представителей бизнеса активнее начал обсуждаться альтернативный вариант. В 2004 г. ОАО АК «Транснефть» разрабатывает и проводит согласование ряда проектов нефтепровода, который должен пройти только по территории России. Согласно окончательному варианту начало трассы было перенесено из Ангарска в Тайшет, и она должна была пройти по территории Иркутской области, Бурятии, Читинской, Амурской и Еврейской автономной областей, Хабаровского и Приморского краев, заканчиваться нефтепровод должен был в бухте Перевозная (Приморский край). Проект предусматривал увеличение протяженности трассы (до 4386 км), увеличение мощности прокачки нефти (с 50 до 80 млн тонн в год) и, соответственно, увеличение стоимости (до 16 млрд долларов). Проект получил название «Восточная Сибирь – Тихий океан».

31 декабря 2004 г. председатель правительства Российской Федерации М. Фрадков подписал распоряжение о проектировании и строительстве трубопроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан». ОАО АК «Транснефть» выступила заказчиком проекта строительства.

История с реализацией проекта нефтепровода к берегам Тихого океана наглядно иллюстрирует усиление интеграционных тенденций в регионе Северо-Восточная Азия. Двусторонние контакты (вне зависимости от масштаба сотрудничества) следует уже признать неперспективными. Полноценное сотрудничество как в политической, так и в экономической сферах возможно только на многосторонней основе.

Между тем потенциальные возможности интеграционных процессов как в зоне Японского моря, так и в зоне Жёлтого моря и Бохайского залива следует оценивать сквозь призму особенностей, характерных для мировой системы экономических отношений вообще и региональной экономической системы в частности.

Прежде всего, необходимо учитывать, что по мере накопления какими-либо субъектами экономических отношений финансовых ресурсов будет прослеживаться тенденция к изменению направленности их экономических интересов. Так, на сегодняшний день Япония, обладающая достаточно высоким уровнем накопления финансовых ресурсов, всё меньше ориентируется на потребление сырья. В Японии происходит активная структурная перестройка экономики, которая заключается в перенесении энерго- и материалоёмких производств за пределы Японских островов, усилении наукоёмких отраслей промышленности и проведении политики интернационализации, следствием которой является увеличение импорта в страну готовой продукции. В силу этого значение сырьевой составляющей в японской экономике будет уменьшаться. Исключение составляют лишь энергетические ресурсы, по отношению к которым продолжает сохраняться устойчивый интерес и которые, вероятно, ещё продолжительное время будут играть существенную роль в экономике всех стран региона.

Другая важная особенность состоит в том, что формы экономической интеграции в Северо-Восточной Азии будут на данном этапе превалировать над политическими. Страны региона сознательно дистанцируются от решения политических проблем (в частности, проблема окончательного урегулирования на Корейском полуострове, Тайваньская проблема, территориальные споры между практически всеми странами СВА и т.д.), выставляя на первый план вопросы именно экономического сотрудничества. Учитывая, что процесс интеграции в регионе Северо-Восточная Азия находится на начальном этапе, превалирование экономических отношений можно назвать оправданным. Однако при дальнейшем развитии внутрирегиональных взаимосвязей игнорировать наличие политических проблем будет просто невозможно. К этой мысли нас подводит теория «перелива», принятая в ряде теоретических подходов к проблеме интеграции: решение одной проблемы поставит на повестку дня необходимость решить ещё ряд смежных проблем. В этих условиях загнанные вглубь политические болезни региона способны будут взорвать в недалёком будущем относительную стабильность Северо-Восточной Азии. Так, например, любое обострение противоречий вокруг ситуации в Северной Корее, связанное с её ядерными программами, и неудержимое желание Соединённых Штатов Америки покончить с

режимом Ким Чен Ира по иракскому варианту, способно, на наш взгляд, весь комплекс внутрорегиональных отношений отбросить на уровень середины 50-х гг. XX в. Или, иными словами, заставить государства региона начинать строить свои связи друг с другом с нуля. В этой связи принципиальный отказ от рассмотрения политических проблем нельзя считать адекватным решением. Возможным выходом из данного тупика может стать поэтапное разрешение проблем политического характера, но не на двустороннем, а региональном уровне с привлечением всех заинтересованных сторон. Если страны СВА окажутся в состоянии урегулировать наиболее важные противоречия самостоятельно, это ещё сильнее подхлестнёт процесс интеграции.

Наконец, учитывая большую значимость финансовых и технологических ресурсов для стимулирования экономического сотрудничества в рамках концепций региональной интеграции, можно вполне говорить о зависимости дальнейших шагов по формированию таких экономических зон, как зона Японского моря и зона Жёлтого моря и Бохайского залива от заинтересованности и организационных усилий, прежде всего, тех государств, которые в максимальной степени обладают этими ресурсами. Наиболее вероятным претендентом на роль экономического гегемона в процессе практической реализации интеграционных концепций является Япония. Изначально высокая экономическая мощь делает возможным привлечение в развитие намеченных районов необходимый уровень капиталов и ресурсов. Так, например, уставной капитал для развития зоны «Кольца Желтого моря и Бохайского залива» составляет 30 млрд американских долларов. По расчетам ученых доля инвестиций Японии в развитие зоны составит 2/3 этой суммы¹²³.

К сожалению, российской стороне в рамках данных концепций отводится крайне неблагоприятная роль. Принцип вертикального разделения труда внутри региона закрепляет за российскими территориями роль поставщика сырья и тем самым ставит его в подчиненное положение от сырьевых импортеров. Однако однозначного ответа на вопрос о необходимости интеграции России в Северо-Восточную Азию дать невозможно. Безусловно, нельзя отгораживаться от внешнего мира различными стенами и

¹²³ См.: Процесс экономической интеграции в Северо-Восточной Азии и их значение для развития Дальнего Востока. М., 1996. С. 18–19.

занавесами. Но с другой стороны, непродуманная политика интеграции российского Дальнего Востока в СВА может стать серьезной опасностью для целостности державы. В этой связи можно согласиться с Яковлевым Л.Г., который утверждает, что «нужно, прежде чем начать интегрироваться в мощный и динамичный организм экономики СВА и вообще в мировое рыночное хозяйство, обеспечить внутреннюю стабильность и подъем производства в стране, опираясь преимущественно на собственные силы...»¹²⁴.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно констатировать тот факт, что с целью нивелировать деструктивный характер политического сотрудничества, связанный с начальной стадией процесса превращения региона Северо-Восточная Азия в самодостаточную систему, страны, составляющие регион, сознательно пытаются перевести свои отношения из политической сферы в сферу экономическую. Предусмотренными концепциями проекты создания свободных экономических зон, в случае их реализации, могут стать первым шагом на пути складывания единого экономического пространства в СВА. Однако немаловажное значение получает тот факт, что функционирование таких зон, выступающих также в виде полюсов роста, может создать условия для установления со стороны экономически развитых стран СВА, прежде всего Японии, геополитического контроля над регионом.

¹²⁴ Яковлев А. Международно-политическая обстановка в Северо-Восточной Азии и положение России в регионе // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 2. С. 10.

Глава 3. ПРОЕКТ «ТУМАНГАН» КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

3.1. Становление геополитических интересов стран Северо-Восточной Азии в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. и роль свободно-экономической зоны «Туманган» в этом процессе

Рассматривая геополитические процессы в регионе Северо-Восточная Азия в 90-е гг. XX в., невозможно оставить без внимания такое явление, как проект «Туманган». Данным термином объединяется вся совокупность экономических и политических концепций и проектов, направленных на расширение сотрудничества между странами СВА в районе устья реки Туманной, на стыке границ трех государств: России, Китая и Северной Кореи. Такая трактовка проекта позволяет комплексно подойти к его анализу, рассмотреть не только экономическую, но и геополитическую составляющую «Тумангана».

Необходимость более детального рассмотрения такого явления, как проект «Туманган», вызвана рядом обстоятельств. Во-первых, проект не являлся достоянием какого-либо одного государства, он тем или иным образом затрагивал все страны региона. Этим проект приобретал общерегиональный статус, способный оказать существенное влияние на весь регион в целом. Во-вторых, проект не являлся исключительно экономическим явлением, он также напрямую затрагивал политическую сферу международных отношений. И, в-третьих, «Туманган», в случае своей реализации, мог бы качественно изменить всю систему внутререгиональных отношений, став самостоятельным элементом данной системы. Таким образом, проект «Туманган» можно рассматривать в качестве наиболее яркого примера, отражающего геополитические процессы в Северо-Восточной Азии в конце XX века.

Сегодня с полной уверенностью невозможно определить, кто был автором идеи проекта «Туманган». За последние пятнадцать лет, то есть с момента, когда проект стал широко обсуждаться, было высказано немало предположений о том, кто родоначальник

данной идеи. Анализ имеющихся материалов и источников дает основание утверждать, что идея создания некоей свободной экономической зоны в районе реки Туманной начала дискутироваться китайскими учеными примерно с 1988 г., когда экономисты КНР совместно со специалистами американской инженерно-строительной компании «Bechtel Group», специализирующейся на проектировании и строительстве гидросооружений, провели исследования в данном районе на предмет возможного углубления русла реки и строительства морского порта. Исследования показали, что при проведении определенных работ по углублению и выпрямлению фарватера реки до китайского селения Фанчуань, последнее возможно превратить в морской порт, способный принимать суда водоизмещением до двух тысяч тонн. Этот порт должен был стать основой для организации на территории провинции Цзилинь свободной экономической зоны, которая сыграла бы стимулирующую роль для развития Северо-Восточного Китая и экономического сотрудничества в приграничном районе. Именно поэтому провинциальное руководство стало наиболее активным и последовательным сторонником реализации проекта¹²⁵.

Необходимо отметить также то обстоятельство, что данные идеи органически вписывались в уже упомянутую выше концепцию Япономорской интеграции. Разрабатываемая японскими учеными с середины 1980-х гг. концепция строилась на том основании, что интеграционные процессы в регионе Япономорского кольца будут стимулироваться возникновением «полюсов роста», одним из которых могла стать свободная экономическая зона на реке Туманной. Во многом именно этим можно объяснить интерес к проекту со стороны японских ученых и предпринимателей. Однако японская сторона никогда не подходила к проекту односторонне, ибо никогда не придавала основного значения форме реализации проекта, заостряя свое внимание, главным образом, на содержании концепций экономического и политического сотрудничества в регионе.

Современная идея Туманганского проекта имеет определенную историческую основу. Так, сотрудники Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

¹²⁵ См.: Владивосток. 1992. 15 августа.

В.А. Гайкин¹²⁶ и Л.В. Забровская¹²⁷ и действительный член Приморского географического общества А. Буяков¹²⁸ указывают на то, что в начале XX в. предпринимались попытки развития и торгового сотрудничества в районе реки Туманной.

Однако, несмотря на то, что попытки реализации подобных проектов торговых китайско-японских отношений демонстрируют устойчивую функционально-географическую нагрузку территорий бассейна реки Туманной, их, безусловно, нельзя считать непосредственной прелюдией создания проекта «Туманган».

Широкую известность проект «Туманган» получил после прошедшей в июле 1990 г. международной конференции стран Северо-Восточной Азии в городе Чанчуне, административном центре провинции Цзилинь Китайской Народной Республики. На этой конференции, названной Первой Чанчуньской, идея расширенного международного сотрудничества в бассейне реки Туманной была официально сформулирована и принята в качестве руководства к действию. По официальной версии целью проекта «Туманган» должна была стать активизация международного сотрудничества в СВА и комплексное развитие экономики региона. С этой целью в проекте предусматривалось использование внешних факторов для того, чтобы стимулировать реконструкцию производственной базы и транспортной инфраструктуры региона. Для преодоления нехватки материальных и финансовых средств и предполагалось создать свободную экономическую зону, льготный для предпринимательской и коммерческой деятельности режим которой благоприятствовал бы как привлечению капитала в ссудной или кредитной и предпринимательской формах, так и расширению внешнеэкономических связей и стимулированию экономического роста.

Кроме того, сразу четыре сопредельных государства – Китай, Монголия, Северная и Южная Кореи – обратились в авторитетную международную организацию Программу развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), специализирующуюся на

¹²⁶ Гайкин В.А. Японский проект «Туманган» 1907–1909 гг. или «Черный ход на материк» // Вестник ДВО РАН. 1995. № 6. С. 26–34.

¹²⁷ Забровская Л. Проект «Туманган»: взгляд из Приморья // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 1. С. 30–31.

¹²⁸ Буяков А. Проект «Туманган». Кто и когда стоял у истоков // Красное знамя. 1992. 23 апреля.

координации и финансовом обеспечении технической помощи развивающимся странам, с просьбой объединить их интересы в данном районе. Программе развития ООН в данном проекте отводилась важная роль, которая заключалась в разработке программы сотрудничества, проведении прединвестиционных исследований и подготовке технико-экономического обоснования, содействию в мобилизации финансовых ресурсов, необходимых для воплощения проекта в жизнь. При отсутствии каких-либо межправительственных структур ПРООН должна была бы стать координатором усилий стран-участниц проекта для избежания повторения и ограничения нежелательной конкуренции между странами. ПРООН предложение приняла и энергично взялась за разработку этого проекта.

Привлечение к разработке и реализации проекта «Туманган» Программы развития ООН фактически изменило статус проекта. Первоначально идеи международного сотрудничества в районе бассейна реки Туманной, выдвинутые китайской стороной, носили ограниченный характер. Они не шли дальше устоявшейся системы экономических и политических отношений в Китае. Участие ПРООН позволило бы создать такую систему отношений в рамках проекта, которая в большей мере отвечала бы требованиям международного экономического сотрудничества¹²⁹.

Годом позже, 6–7 июля 1991 г., в Улан-Баторе в рамках подготовки субрегиональной программы технического содействия странам СВА Программа развития ООН провела встречу с участниками заинтересованных сторон. На данной встрече развитие района реки Туманной было определено в качестве приоритетной задачи и была организована специальная исследовательская группа, которой предстояло оценить перспективы регионального сотрудничества. Были также определены четыре основных направления сотрудничества в этом районе:

- 1) развитие дельты реки Туманной так называемого «золотого треугольника»;
- 2) разработка угольных месторождений;
- 3) расширение посевов зерновых культур;

¹²⁹ См.: Александров А.В., Саначёв И.Д. «Проект Туманган»: национальные интересы России и роль Приморского края: Тезисы. Владивосток, 1993.

4) сотрудничество в разработках в области новых и возобновляемых источников энергии¹³⁰.

На этой встрече большинство голосов получил проект, названный «Туманган».

Большое значение для дальнейшей реализации проекта имела Вторая Чанчуньская конференция, прошедшая в августе-сентябре 1991 г. На этой конференции представители стран СВА одобрили проект. Также было принято решение о превращении подобных конференций в ежегодные, с тем чтобы они стали научным полигоном по изучению возможных путей расширения международного сотрудничества в Северо-Восточной Азии и форм взаимодействия в рамках Туманганского проекта. Вместе с тем конференция стимулировала работы по разработке проекта и продвижению его в жизнь.

Уже в сентябре 1991 г. специалисты ПРООН совершили поездку для ознакомления с ситуацией в районе дельты реки Туманной и посетили Приморский край. В результате поездки было признано наличие благоприятных предпосылок для превращения этой территории в крупный транспортно-перевалочный центр, узел мирового значения.

16–18 октября в Пхеньяне состоялась новая встреча, прошедшая под эгидой Программы развития ООН и посвященная вопросам международного сотрудничества в рамках проекта «Туманган». К числу стран-участниц проекта (Китай, Монголия, Северная и Южная Кореи) в интересах повышения эффективности сотрудничества и более полного использования потенциальных возможностей региона в качестве наблюдателей были привлечены представители Японии и Советского Союза. С 13 ноября последний стал полноправным участником проекта «Туманган».

На Пхеньянской конференции были одобрены предварительные исследования, проведенные экспертами ПРООН, а также был принят ряд документов, раскрывающих стратегию и цели проекта «Туманган». Наиболее важным из числа принятых документов стал так называемый «План действия Программы».

¹³⁰ Александров А.В. Перспективы регионального (прибрежного, приграничного) сотрудничества Дальней России и Японии: регионализм и азиатско-тихоокеанская интеграция в японской внешней политике: Тезисы. Владивосток, 1992.

Согласно этому плану на ближайшие 18 месяцев предполагалось при содействии ПРООН провести ряд исследовательских мероприятий, направленных на разработку возможных вариантов сотрудничества в регионе и выявление потенциальных возможностей и путей активизации региональной торговли. Также предложены формы совместного управления зонами, план финансовых мероприятий и меры по привлечению иностранного предпринимательского капитала. В соответствии с провозглашёнными целями проекта план прединвестиционных исследований был разделён на следующие четыре фазы:

1 – (январь–июнь 1992 г.) – анализ исходных условий и существующих потенциальных возможностей для сотрудничества;

2 – (июль–декабрь 1992 г.) – подготовка и оценка наиболее вероятных вариантов развития регионального сотрудничества;

3 – (январь–декабрь 1992 г.) – предоставление подготовительного сводного плана и предварительного технико-экономического обоснования проекта;

4 – (июль–сентябрь 1993 г.) – подготовка комплектов окончательных документов и основного доклада¹³¹.

Органом, направляющим работу Программы, должен был стать Комитет по управлению Программой (КУП) и его руководитель, управляющий Программой (УП). В Комитет делегировались по три представителя от страны, а в его рамках создавались три рабочие группы:

1) по организационным, юридическим и финансовым вопросам;

2) по вопросам использования природных ресурсов, развития промышленности и защиты окружающей среды;

3) по техническим вопросам и инфраструктуре.

Согласно принятым документам КУП становился межправительственным органом, действующим под эгидой ПРООН и учитывающим интересы всех стран-участниц. Основной функцией КУП было осуществление взаимодействия и разрешение всех вопросов по сотрудничеству между национальными рабочими группами и между местными властями¹³².

¹³¹ См.: Туманган. // Золотой рог. 1993, №38. 6 октября.

¹³² Александров А.В., Дементьев А.Ю. «Программа развития района реки Туманган»: цели, структура, история развития, перспективы. Информационно-аналитическая справка. Владивосток: ДВГУ, Восточно-Российский аналитический центр «Тихоокеанская эра», 1993. С. 2.

По итогам встречи разрабатываемый уже более года проект получил официальное наименование – Программа развития района реки Туманной (Tumen River Area Development Program – TRADP).

Первое официальное заседание Комитета по управлению Программой состоялось 27-28 февраля 1992 г. в Сеуле. На нем обсуждались юридические, организационные и финансовые вопросы, а также вопросы создания инфраструктуры и подготовки технико-экономического обоснования Туманганского проекта.

К этому времени проект «Туманган» уже начал приобретать широкую известность, и вскоре у него находится еще один сторонник и покровитель помимо ПРООН. В марте 1992 г. в Токио в рамках Федерации экономических организаций Японии (Кэйданрэн) был создан Комитет по экономическому развитию в Северо-Восточной Азии. Комитет был создан известными бизнесменами, которые возглавляли серьезные компании. В него, в частности, вошли контролирующая часть японского рынка ценных бумаг «Комура секьюритиз», одна из влиятельных в Японии компаний по импорту продовольствия «Токио маруичи седзи», мощные торговые корпорации «Марубени» и «Иточу», «Бэнк оф Токио», тесно связанный с японским центральным банком, и компания «Комацу».

Основными целями Комитета стало изучение проекта «Туманган» и поиск возможностей его финансирования японским правительственным фондом или частным капиталом. О внешне-экономической направленности Комитета говорит участие в нем первых лиц из полуправительственной японо-китайской ассоциации по развитию Северо-Восточного Китая, японо-китайской ассоциации экономики и торговли, японской федерации экономических организаций, японо-корейской торговой ассоциации, ассоциации японо-российской торговли, японской ассоциации торговли с Россией и Центральной и Восточной Европой, японской ассоциации развития международной торговли.

Через месяц после создания этого комитета, 28–30 апреля в Пекине, прошло совещание экспертов ПРООН и представителей стран-участниц проекта «Туманган», которое было посвящено согласованию базовых документов. В частности, было определено местонахождение главного офиса Программы и назначен первый её управляющий, которым стал канадец Джон Дж. Уэйлен.

Через полгода, а именно в октябре 1992 г., в китайской столице состоялось второе заседание Комитета по управлению Программой, на котором был подведён определённый итог первой фазе международного сотрудничества в рамках проекта «Туманган». В первое полугодие 1992 г. руководством Программы намечалось провести ряд исследовательских мероприятий, направленных на выявление благоприятных условий и потенциальных возможностей для сотрудничества.

В рамках данных исследований эксперты ПРООН совершили несколько поездок по территориям, прилегающим к реке Туманной. Так, в июле 1992 г. в Хасанский район прибыла миссия NRADP по изучению проблем, связанных с осуществлением проекта «Туманган». Изучив природные ресурсы, демографическое и социальное положение, производственную и транспортную инфраструктуру, возможности использования портов, а также познакомившись с концепцией курортно-рекреационного развития района, комиссия сделала однозначный вывод о возможности создания свободной экономической зоны в Хасанском районе с целью расширения внешнеэкономических связей стран Азиатско-Тихоокеанского региона через Хасанский порт в бухте Троицы.

Кроме того, 24–28 августа во Владивостоке состоялась встреча ученых и представителей стран Северо-Восточной Азии. И хотя она была посвящена главным образом проблемам экономического развития и делового сотрудничества представленных стран, но на ней обсуждались вопросы проекта «Туманган», в частности, имела место идея включения в территорию проекта и города Владивосток.

В результате проведённых экспертами ПРООН консультаций и исследований в качестве возможных вариантов были предложены три основные формы реализации Туманганского проекта:

1) несколько несоприкасающихся экономических зон: каждая из стран создает на своей территории одну или несколько зон с особым статусом в области внешнеполитических связей, не граничащих между собой и отдельно управляемых специальными национальными органами;

2) отдельно управляемые граничащие экономические зоны: страны выделяют район экономического развития, состоящий из трех граничащих друг с другом зон с отдельным национальным управлением;

3) объединенная экономическая зона: страны определяют размер свободной зоны, составленной из трех национальных секторов, и создают совместный орган управления этой зоной¹³³.

Каждому из предложенных вариантов реализации проекта были свойственны как положительные, так и отрицательные характеристики. Так, в случае создания трёх отдельных зон на повестку дня не ставился вопрос о суверенитете государств над своими территориями, облегчались проблемы юридического оформления деятельности каждой из этих зон и все СЭЗ полностью управлялись бы своими правительствами. Но, с другой стороны, такому варианту сотрудничества были бы свойственны низкие темпы развития, сложности с определением позиций на международном рынке и отсутствие единых правил и законов управления, что стало бы серьёзным препятствием для привлечения иностранных инвестиций. Вариант единой экономической зоны был бы лишён недостатков, свойственных самостоятельным зонам, но в свою очередь порождал бы новые проблемы, связанные со сложностью применения политических, экономических и управленческих позиций всех участников проекта¹³⁴.

На Пекинском заседании Комитета по управлению Программой основные дебаты развернулись именно по вопросу о возможной форме реализации проекта¹³⁵. Дело в том, что к октябрю практически все стороны определили степень своего участия в проекте и те формы, которые в наибольшей мере отвечали бы их интересам. Наибольшую активность и заинтересованность в реализации проекта проявила китайская сторона. Её делегация указала на то, что наилучшим вариантом для реализации Программы развития района реки Туманной должно стать создание единой свободной экономической зоны под международным управлением. Китайскую делегацию активно поддержала монгольская сторона.

¹³³ См.: Александров А.В., Саначёв И.Д. «Проект Туманган»: национальные интересы России и роль Приморского края: Тезисы. Владивосток, 1993.

¹³⁴ См.: Второе заседание Комитета по управлению Программой (РМС II). Организационные структуры и финансы / Китайская Народная Республика. Пекин. 1992. Октябрь. С. 19–21.

¹³⁵ См.: Протоколы. Программа развития региона Туманган. Второе заседание Комитета по управлению Программой / КНР. Пекин. 1992. 9–11 октября. С. 5–10.

Делегация Корейской Народно-Демократической Республики заявила, что их правительство заинтересовано в первоначальной концентрации усилий на развитии сравнительно небольшого района на стыке границ трёх государств в районе реки Туманной с последующим расширением территории экономического сотрудничества. При этом северокорейская сторона указала на то, что каждая сторона должна осуществлять свои собственные планы развития свободных зон.

Южная Корея воздержалась от однозначного ответа на вопрос о предпочтительной форме реализации Туманганского проекта, но в целом солидаризировалась с позицией КНДР.

На момент проведения второго заседания КУП у российской стороны не было комплексной позиции относительно формы реализации проекта. Наиболее привлекательным считалось создание отдельных зон на сопредельных территориях. Однако не отрицалась возможность реализации концепции как трех отдельных зон, так и одной единой международной зоны¹³⁶.

В ходе работы заседания в Пекине Комитет по управлению Программой смог примерить позиции стран-участниц проекта и выработать общую концепцию реализации Программы развития района реки Туманной. Данная концепция стала тем фундаментом, на основе которого строилось всё последующее сотрудничество.

В основу концепции была положена идея дифференцированного подхода к проблеме экономического развития региона Туманган. Непосредственно на стыке границ России, Китая и Северной Кореи в районе реки Туманной в целях стимулирования сотрудничества этих государств в развитии инфраструктуры и промышленности предполагалось создать международную экономическую зону. Данная зона площадью около 3000 кв. км должна была располагаться в географическом треугольнике, образованном городами Посьет (Россия), Хуньчунь (Китай) и Раджин (Северная Корея). Предполагалось, что Экономическая зона реки Туманная (Tumen River Economic Zone – TREZ), именно так была названа данная зона, составит ядро всей будущей системы экономического сотрудничества в регионе.

¹³⁶ См.: Протоколы. Программа развития региона Туманган. Второе заседание Комитета по управлению Программой / КНР. Пекин. 1992. 9–11 октября. С. 5–10.

Непосредственно к Экономической зоне реки Туманной примыкает Область экономического развития реки Туманная (Tumen River Economic Development Area – TREDA). Территория TREDA определялась, исходя из ряда факторов, прежде всего, из наличия устойчивых связей данных территорий с районами TREZ и существующих административных границ. В России Область экономического развития реки Туманная концептуально могла включать практически весь юг Приморского края вплоть до порта Восточный. Предполагалось, что на территории Китая в районе TREDA будут включены четыре города корейского национального района Яньбянь (провинция Цзилинь). Со стороны КНДР в состав области должны были войти порт Чхонджин и зона железной дороги, связывающая порты Сонбон, Раджин и Чхонджин с Китаем. В пределах определённых выше границ общая площадь Области экономического развития должна была составить примерно 111871 кв. км.

С целью определения географических рамок какого-либо соглашения о сотрудничестве в области транзитных перевозок, транспорта и связи, а также для упорядочивания сбора данных о сырьевом и промышленном потенциале региона была выделена Область регионального развития Северо-Восточной Азии (North-East Region Development Area – NEARDA). В данный регион были включены полностью территории Республики Корея, Корейской Народно-Демократической Республики, Монголии, а также северо-восток Китая (провинции Хэйлуцзян, Цзилинь, Ляонин и четыре самых северных округа автономного района Внутренняя Монголия) и весь Дальний Восток России.

В соответствии с выделенными районами Программы развития района реки Туманной дифференцировались и её основные цели. Предполагалось, во-первых, создать необходимые условия для международного сотрудничества в развитии инфраструктуры и промышленности в регионе TREZ, во-вторых, стимулировать экономическую кооперацию на территориях, тяготеющих к Экономической зоне реки Туманной, и, в-третьих, облегчить отношения между прибрежными государствами Северо-Восточной Азии в области торговли, транспорта и связи путём снижения торговых барьеров, стандартизации торговых документов, обме-

на информацией, скоординированного развития транспортной сети и линий связи и т.д.¹³⁷

Учитывая экономогеографическую специфику региона, основными сферами сотрудничества в рамках Программы должны были стать сфера торговли и транспортных услуг, добыча и переработка природных ресурсов, промышленное развитие региона и стимулирование туризма.

Таким образом, в рассматриваемой на втором заседании КУП в Пекине концепции развития бассейна реки Туманной удалось примерить два основных подхода к проблеме сотрудничества в рамках проекта «Туманган». Было принято решение рассматривать вариант функционирования национальных свободных экономических зон как первый этап реализации Программы TRADP. Конечной же целью признавалась необходимость создания единой международной экономической зоны на стыке границ трёх государств в районе дельты реки Туманной. Данное положение в определённой мере устраняло имеющиеся на тот момент концептуальные противоречия между участниками проекта.

В целях упорядочивания управления процесса реализации планов Туманганского проекта в ходе заседания также было предложено организовать Корпорацию развития района реки Туманной, возложив на неё все управленческие функции, связанные с деятельностью Экономической зоны реки Туманной. В то же время Комитет по управлению Программой сохранял бы за собой роль межгосударственного координирующего центра.

В целом можно констатировать, что второе заседание Комитета по управлению Программой явилось своеобразной отправной точкой в процессе формирования отношений в рамках Туманганского проекта. После этого совещания дальнейшие действия по реализации проекта начали приобретать практический характер.

В феврале-марте 1993 г. прошли совещания рабочих групп, на которых детализировались решения Пекинского заседания Комитета по управлению Программой. Рабочие группы обсуждали конкретные вопросы, связанные с развитием сотрудничества в районе реки Туманной. Так, на прошедшем в начале февраля 1993 г. в Сеуле заседании Рабочей группы КУП по техническим

¹³⁷ См.: Второе заседание Комитета по управлению Программой (РМС II). Организационные структуры и финансы / КНР. Пекин. 1992. Октябрь. С. 52–56.

вопросам и инфраструктуре обсуждался проект прокладки по дну Тихого океана оптико-волоконного кабеля между странами США с целью модернизации линий связи между странами-участницами проекта «Туманган».

На совещании Рабочей группы по организационным, юридическим и финансовым вопросам, прошедшем в Нью-Йорке с 22 по 24 февраля, обсуждался ряд вопросов, связанных с финансированием проекта «Туманган», определением общей стратегии его развития, защитой окружающей среды в рамках проекта, обеспечением единообразной законодательной базы его функционирования, формированием организационных структур проекта и т.д.

Больше всего дискуссий вызвал вопрос о формировании организационных структур. Специфика данного вопроса состоит в том, что дельта реки Туманной географически объединяет только троих участников проекта (Россию, Китай и Северную Корею), тогда как концепция TRADP подразумевает расширение сотрудничества между пятью странами Северо-Восточной Азии. Кроме того, ряд государств, официально не участвующих в Программе, проявили заинтересованность в возможности её осуществления. В этой связи было предложено сформировать две межгосударственные структуры: Комитет, объединяющий страны, чьи границы примыкают к реке Туманной, так называемые «прибрежные страны», и Комиссию, объединяющую всех официальных участников проекта. Однако в ходе совещания остался нерешённым вопрос о функциональной нагрузке каждой из этих структур. Неясным осталось то, каким образом данные структуры будут взаимодействовать между собой и с Корпорацией развития района реки Туманной, вопрос об организации которой также поднимался в ходе данного совещания¹³⁸.

Определённый интерес вызывает совещание Рабочей группы КУП по вопросам использования природных ресурсов, развития промышленности и защиты окружающей среды, прошедшее в Хельсинки (Финляндия) с 16 по 19 марта и продемонстрировавшее всё возрастающее внимание к проекту «Туманган» со стороны европейских предпринимательских кругов. В ходе совещания обсуждались вопросы о местоположении, конфигурации и специализации буду-

¹³⁸ См.: Протоколы. Юридическая и финансовая рабочая встреча. 22–24 февраля 1993 г. Нью-Йорк. С. 15–18.

щих свободных экономических зон, организация которых планировалась в рамках Туманганского проекта, а также меры по обеспечению защиты окружающей среды в сфере его функционирования.

Кроме того, две финские фирмы: «Jaako Роугу», специализирующаяся на инженеренговой и консалтинговой деятельности в области лесного хозяйства и лесопереработки, и «Promesa consulting», работающая на рынке технологий по обогащению полиметаллических руд, выступили с проектами исследования лесных, минеральных водных ресурсов, а также экологической обстановки в районе проекта «Туманган». Частичное финансирование этих проектов взяло на себя правительство Финляндии, выделившее на эти цели пять миллионов финских марок (около 830 тыс. американских долларов)¹³⁹.

Помимо серии совещаний рабочих групп Комитета по управлению Программой в рамках подготовки окончательного варианта концепции развития экономического сотрудничества в районе дельты реки Туманной с 12 по 14 ноября 1992 г. в Гонконге Центр Азиатско-Тихоокеанских исследований Линнаньского колледжа провёл научную конференцию, посвященную проблемам реализации проекта «Туманган». В ходе работы конференции учёные из России, Китая, Республики Корея, КНДР, Австралии, Канады, Монголии и США заострили своё внимание на имеющихся препятствиях на пути реализации проекта. Так, отмечалось, что ещё не снята с повестки дня задача обоснования необходимости осуществления проекта, так как на данный момент не удастся привести убедительных аргументов, доказывающих конкурентоспособность «Тумангана» на фоне альтернативных вариантов вложения капитала. До конца ещё неясен перечень возможных источников финансирования проекта. Южнокорейская сторона однозначно заявила, что в одиночестве она не справится с функциями инвестора проекта. Между тем главный потенциальный инвестор – Япония, несмотря на участие в реализации некоторых проектов внутри «Тумангана», в целом продолжает сохранять сдержанное отношение к TRADP. Было отмечено также, что существенной проблемой продолжает оставаться недостаточная проработка вопроса о пространственной конфигурации будущей экономической зоны в районе реки Туманной. Всё это за-

¹³⁹ См.: Бутаков В.А., Загумённых А.Г. Отчёт о командировке в г. Хельсинки (Финляндия) делегации Приморского края.

ставило учёных сделать вывод о необходимости дальнейшей работы по разработке концептуальных вопросов проекта «Туманган» и согласованию разнонаправленных интересов его участников¹⁴⁰.

Кроме обсуждения вопросов, связанных с реализацией Программы развития района реки Туманной, начало 1993 г. ознаменовалось позитивными подвижками в деле практического осуществления положений проекта. Так, в ходе развития транспортной инфраструктуры в Экономической зоне реки Туманной китайской стороной был предложен ряд проектов. Первоначально предлагалось создать судоходный канал по российской и китайской территории на протяжении до 45 км с целью превратить город Хуньчунь в порт, способный принимать морские суда. Другой идеей стало предложение углубить русло реки на отрезке 40–60 км, от ее устья до поселения Фанчуань, расположенного недалеко от Хуньчуна. В этих условиях специально созданный порт смог бы принимать морские суда водоизмещением до 10 тыс. тонн. При этом проводилась идея свободного судоходства по реке Туманной. Кроме того, на месте поселения Фанчуань предполагалось создать современный город с населением от 300 тысяч до 1 млн человек. Управление городом должна была осуществлять Программа развития ООН. Все это поставило бы провинцию Цзилинь в независимое положение от России или Кореи.

Однако в силу того, что оба варианта развития инфраструктуры в дельте реки Туманной отвечали интересам главным образом китайской стороны, они не нашли поддержки у России и Северной Кореи как с точки зрения экономических выгод, так и с точки зрения международного права. К тому же воплощение подобных проектов в жизнь потребовало бы гигантских капиталовложений. Кроме того, идея строительства крупного международного порта в китайском селении Фанчуань не нашла поддержки в Секретариате TRADP и была признана нерентабельной¹⁴¹.

После того как предложенные китайской стороной варианты развития транспортной инфраструктуры были отвергнуты, основой сотрудничества в Экономической зоне реки Туманная в об-

¹⁴⁰ См.: Портяков В.Я. Информация о конференции «Проект развития дельты р. Тумэнь»: проблемы и роли сотрудничества». Гонконг, 1992.12–14 ноября.

¹⁴¹ См.: Оценка возможностей развития порта Фанчуань, провинции Цзилинь, КНР. Информационно-аналитическая справка. Представительство ПРООН в КНР. Пекин, 1997.

ласти транзитной торговли стала реконструкция и более широкое совместное использование имеющихся портов, железнодорожных и автомобильных магистралей. Условием успешного функционирования этих коммуникационных линий должно было стать их слияние в единую транспортную систему.

В соответствии со стратегией развития Экономической зоны в дельте реки Туманной, принятой на втором заседании КУП, в качестве практических мер по реализации достигнутых договорённостей предполагалось создать транспортный коридор, связывающий порты в посёлках Зарубино и Краскино с сетью китайских дорог. С этой целью намечалось строительство железнодорожной линии и автомагистрали, проходящих от посёлка Краскино до города Хуньчунь в Китае. Кроме того, северокорейская сторона намечала коренную реконструкцию имеющихся железнодорожных путей с целью включить в транзитно-транспортный узел свои порты Раджин и Сонбон. В перспективе планировалась реконструкция путей, связывающих южнокорейские города с Экономической зоной реки Туманная. Задача обеспечения морских перевозок возлагалась на порты юга Хасанского района, в частности на порт в посёлке Зарубино, и северные порты КНДР. С этой целью предполагалось провести крупномасштабную модернизацию этих портов, позволившую бы им повысить пропускную способность и давшую бы возможность принимать крупнотоннажные суда.

В феврале 1993 г. вице-губернатор Приморского края Г. Гордеев, глава администрации Хасанского района А. Мельниченко и генеральный директор акционерной компании «Хасанский морской коммерческий порт» (пос. Зарубино) А. Михайлов провели в Хуньчуне, Зарубино, Уссурийске и Владивостоке переговоры с представителями провинции Цзилинь, в ходе которых выяснилось, что государственные и коммерческие компании Северного Китая готовы принять участие в модернизации порта в Зарубино, строительстве железной дороги Краскино – Хуньчунь и обустройстве соответствующей социальной и производственной инфраструктуры.

Некоторые действия в этом направлении начали осуществляться практически сразу после достижения предварительных договорённостей. Так были созданы два совместных российско-китайских предприятия: «Китайско-российская совместная компания» – для

строительства железнодорожной линии и «Российско-азиатская портовая служба» – для модернизации портового хозяйства.

Учитывая, что реконструкция портов выступает в качестве первого этапа осуществления Туманганского проекта, японская сторона также выразила готовность в активизации своего участия в создании транспортной инфраструктуры в рамках Экономической зоны реки Туманная. Наибольшую заинтересованность в этом проявил Комитет по экономическому развитию Северо-Восточной Азии, который выступает в качестве основного проводника интересов Японии в Программе развития района реки Туманной.

Целью японских коммерческих структур стало создание сети совместных японо-российских и японо-китайских предприятий, осуществляющих весь процесс строительства железной дороги и реконструкции морских портов, с тем, чтобы добиться возможности контролировать экономическую деятельность внутри Экономической зоны реки Туманная. Так, японская компания «Токио маруичи седзи», которая является соучредителем Комитета по экономическому развитию СВА и организатором 26 СП в Китае и нескольких во Владивостоке, совместно с департаментом транспорта китайской провинции Цзилинь создаёт совместное предприятие «Комитет по обслуживанию Программы развития района реки Туманган». В феврале 1993 г. тот же департамент создает уже вместе с российской стороной СП «Российско-Азиатский сервис». На это предприятие совместно с такими коммерческими структурами, как СП «Золотое звено» и АО «Хасанский морской коммерческий порт» возлагается задача связать порт в посёлке Зарубино и китайский город Хуньчунь комбинированной железной дорогой, а также значительно расширить возможности самого порта в бухте Троицы¹⁴².

Однако активность японской компании «Токио маруичи седзи» не ограничилась установлением контактов с китайской стороной. Уже в конце февраля в Приморье побывали её представители с предложениями о создании совместного предприятия с акционерным обществом «Хасанский морской коммерческий порт». А 5 марта край посетила представительная делегация са-

¹⁴² См.: Александров А.В., Дементьев А.Ю. «Программа развития района реки Туманган»: цели, структура, история развития, перспективы. Информационно-аналитическая справка. Владивосток: ДВГУ. Восточно-Российский аналитический центр «Тихоокеанская эра», 1993. С. 8.

мого Комитета по экономическому развитию СВА. Результатом этого визита стало то, что японцы выразили готовность участвовать в реконструкции порта Зарубино¹⁴³.

Китайская сторона первой приступила к прокладке железнодорожных путей и строительству железнодорожного моста на своей территории. Вскоре были достигнуты договоренности и для строительства автоперехода.

Скорее всего, именно активизация деятельности японской стороны стала причиной того, то предложенная концепция проекта «Туманган» подверглась сомнению. В начале 1993 г., когда рабочая группа ПРООН должна была предоставить вводный план и предварительное технико-экономическое обоснование проекта, становиться ясно, что «Туманган» приобретает ярко выраженную прокитайскую направленность, тогда как интересы других заинтересованных сторон, в частности Японии, являющейся в определенной мере инициатором проекта, учитывались слабо. Иллюстрацией этому может служить хотя бы заявление представителя ПРООН в Пекине Артура Холькомба, сделанное на пресс-конференции для китайских и иностранных журналистов, в котором явно с подачи китайской стороны говорилось о том, что при создании свободной экономической зоны на реке Туманной страны-участницы проекта будут опираться, прежде всего, на богатый опыт, накопленный Китаем в СЭЗ Шэньчжень¹⁴⁴.

Определённый интерес вызывает также деловой визит представителей Института экономики Северо-Восточной Азии из Ниигаты (Япония) во Владивосток, который состоялся в марте 1993 г. и остался практически незамеченным приморской прессой. Однако этому визиту суждено было сыграть определенную роль в судьбе проекта «Туманган». Так, российские и японские ученые сошлись на той точке зрения, что проект учитывает выгоду лишь китайской стороны. Поэтому было предложено объединить усилия в проведении экономической оценки возможных последствий осуществления проекта, а также достигнута договоренность о совместных исследованиях перспектив развития района реки Туманной. Скорее всего, именно после этого визита наметились пути к критическому пересмотру концепций TRADP.

¹⁴³ См.: Владивосток. 1993. 8 апреля.

¹⁴⁴ См.: Тихоокеанский курьер. 1993. 3--9 июня.

Наиболее существенно противоречия между участниками проекта проявились на третьем заседании Комитета по управлению Программой, прошедшем 9–11 мая 1993 г. в Пхеньяне. Именно здесь Россия и Корейская Народно-Демократическая Республика выразили свое несогласие с китайским вариантом проекта «Туманган». В частности, российская делегация указала на неприемлемость включения в сферу действия Туманганского проекта в Область регионального развития Северо-Восточной Азии (NEARDA) территории российского Дальнего Востока. Также было отмечено, что концепция создания международной экономической зоны в дельте реки Туманной имеет некоторые недостатки. Вследствие чего, наряду с проработкой вопроса о создании TREZ, целесообразно было бы подготовить концепцию сотрудничества между национальными СЭЗами, создаваемыми на территории трёх сопредельных государств. Основное внимание при этом следовало бы обратить на Область экономического развития реки Туманная (TREDA).

Последнее положение нашло поддержку у делегации КНДР, которая заявила о неприемлемости для неё идеи создания единой TREZ на основе сдаваемых в аренду соседними государствами сопредельных территорий.

По итогам заседания было решено отказаться от понятия NEARDA, а также привести в соответствие с позициями всех участников проекта окончательный вариант концепции развития района реки Туманной¹⁴⁵.

Вторым важным вопросом заседания КУП стало обсуждение подготовленных группой экспертов Программы проектов соглашений: «Об образовании Корпорации по развитию бассейна реки Туманган и о создании межправительственной координационно-консультационной комиссии» и «О сдаче в аренду Корпорации по развитию бассейна реки Туманган участков земли и о создании Координационного комитета». Эти соглашения базировались на принципах экономического и технологического сотрудничества, взаимовыгодных контактов, основанных на добрососедстве, уважении суверенитета государств и реализации норм международного права, достижения максимально благоприятных условий

¹⁴⁵ См.: Моргачёв О., Бутаков В., Кошевой Ю. Отчёт делегации России об участии в совещании Рабочей группы и Комитета по управлению Программой проекта ПРООН по развитию бассейна реки Туманган. КНДР. Пхеньян. 1993. 5–10 мая.

для инвестиций торговли и коммерции и полной независимости деятельности Корпорации.

Иными словами, Корпорация объявлялась независимым экономическим субъектом и получила возможность привлекать кредиты международных компаний, банков и продавать акции. Управление Корпорацией предполагалось возложить на акционеров, которые могли бы осуществлять свои полномочия через совет директоров. С целью урегулирования политических и экономических вопросов, которые могли бы возникнуть в результате деятельности Корпорации между различными государствами, предлагалось создать Координационно-консультационную комиссию (ККК), в которую вошли бы представители стран-основателей Корпорации и другие международные организации и правительства в качестве наблюдателей. Основная цель ККК заключалась бы в том, чтобы выявлять «общие интересы, потребности и возможности для сотрудничества и длительного развития, кроме всего прочего транспорта, телекоммуникаций, коммерческой деятельности и международной торговли, энергетики, охраны окружающей среды, метеорологии, финансов и банковского дела»¹⁴⁶.

Соглашением «О сдаче... в аренду участков земли» предполагалась передача в аренду Корпорации земли, зданий и сооружений «для целей развития и эксплуатации инфраструктуры, коммерческой деятельности и создания промышленности, международных предпринимательских служб, жилищного строительства и создания соответствующей базы социальных услуг»¹⁴⁷. В целом оба соглашения нашли одобрение со стороны всех участников заседания.

Однако, несмотря на достигнутые на третьем заседании КУП договорённости, консенсуса между странами-участницами Туманганского проекта по вопросу о его реализации найдено не было. Данное положение осложнялось также наличием неоднозначного отношения к проекту со стороны России. С момента инициации проекта руководство Приморского края, поддерживая линию на необходимость участия в его осуществлении, фактиче-

¹⁴⁶ Александров А.В., Дементьев А.Ю. «Программа развития района реки Туманган»: цели, структура, история развития, перспективы. Информационно-аналитическая справка. Владивосток: ДВГУ, Восточно-Российский аналитический центр «Тихоокеанская эра». 1993.

¹⁴⁷ Там же.

ски выступало в виде единственной движущей силы российской части TRADP. В силу этого смена руководства края весной 1993 г. не могла не отразиться на общем отношении к проекту. Показателен в этой связи визит представительной делегации из китайской провинции Цзилинь во Владивосток, состоявшийся в начале сентября 1993 г. Целью визита было стремление китайской стороны изложить свои взгляды на проект. Однако делегация не нашла должного приема в администрации Приморского края. Встреча состоялась только в Комитете по науке и технике: за краевые власти пришлось работать приморским ученым. Именно они объяснили, что новая администрация придерживается курса на сотрудничество, основанное на взаимовыгодных началах. При этом она за реализацию проекта, но очень осторожную и постепенную, поскольку при его форсировании может возникнуть масса социальных, демографических, международно-правовых и геополитических противоречий, чреватых осложнениями для обеих сторон.

Действительно, отказа от участия в Туманганском проекте со стороны новой краевой администрации не произошло. Свидетельством тому может служить хотя бы то обстоятельство, что в то же время в краевой администрации работало совещание по телекоммуникациям и связи в рамках подготовки технико-экономического обоснования проекта. Однако явно наметились тенденции к пересмотру концепции участия российской стороны и главным образом Приморского края в его реализации.

Масла в огонь неопределённости, связанной с проблемой согласования разнонаправленных интересов участников проекта «Туманган», подлила позиция японской стороны. Наиболее, пожалуй, сенсационным стало заявление заместителя главного директора Института развития Японии Сеичи Кобаяси, который в конце октября посетил Владивосток. По его мнению, «нашумевший проект «Туманган», предложенный некоторыми специалистами ООН, не учитывает интересы Российской Федерации в АТР, и у него нет будущего»¹⁴⁸. Он также сообщил, что японская сторона готова предложить более приемлемый проект, который позволит превратить Владивосток в полюс интеграции России в регион Северо-Восточная Азия.

¹⁴⁸ См.: Утро России. 1993. 23 октября.

Тогда же были сделаны и первые шаги в этом направлении. По поручению министерства внешней торговли Японии, которое выразило готовность профинансировать некоторые исследования, во Владивосток прибыла группа ведущих экспертов японской ассоциации инженерно-консалтинговых фирм. Также в рамках программы было предложено провести совместные исследования с привлечением японских и приморских экспертов.

Соичи Кобаяси выразил то, о чем уже неоднократно заявляли некоторые представители российской стороны. Поэтому следующее событие можно рассматривать в контексте замечаний, высказанных японской стороной.

18 ноября в Министерстве внешнеэкономических связей Российской Федерации прошло совещание межведомственной группы экспертов по участию России в региональной программе ПРООН проекте «Туманган». Целью совещания, на котором интересы Приморского края представлял Вл. Стегний, была выработка самостоятельной российской концепции перспектив развития района реки Туманной. Собственная позиция руководства края заключалась в том, что юг Приморья следует развивать как международный транспортный узел с современной инфраструктурой, теле-, радиокоммуникациями, туризмом. В результате дискуссии участники совещания решили: просить администрацию Приморского края подготовить замечания и предложения к мастер-планам с учетом экономического развития края и технико-экономическое обоснование развития отдельных объектов края, входящих в сферу действия проекта «Туманган».

Подобная позиция российского министерства по сути дела развязала руки Приморской администрации в выработке концепции участия Приморского края в проекте и в выборе основных партнеров по его реализации. И хотя российские воззрения находились еще на стадии общих предложений, это придало приморской стороне уверенности в ходе заседания рабочей группы ООН по перспективам развития СЭЗ в районе дельты реки Туманной, прошедшей в Сеуле в ноябре месяце. В конференции приняли участие делегации Северной и Южной Корей, Монголии, Китая и России. При этом все страны-участницы разработки проблемы, кроме России, выдвинули свои конкретные предложения о направлениях инвестиций.

В противовес китайской и отчасти российской стороне КНДР заявила о выдвижении своего варианта проекта. Предложение оказалось настолько интересным, что ему было посвящено очередное заседание комиссии по проблемам развития бассейна реки Туманной, прошедшей в Пхеньяне в начале декабря. В заседании приняли участие делегации ПРООН, КНДР, Китая, Монголии, Финляндии, Европейско-Азиатской акционерной компании по вопросам предпринимательства Южной Кореи и представители Японии. Пхеньян энергично проводил идею о включении в проект «Туманган» своей свободной торгово-экономической зоны Раджин-Сонбон, выставляя на первый план все ее достоинства. И в этом они смогли добиться определенного успеха.

С вероятным включением корейской СТЭЗ Раджин-Сонбон в проект «Туманган» назрела возможность общего расширения сферы деятельности проекта. В этой связи определенную важность стала приобретать глубокая проработка концепции участия Приморского края в реализации проекта «Туманган». Следует сказать, что к этому моменту приморские ученые уже выработали подобную концепцию. В её основу были положены исследования Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук. В данных исследованиях были сформулированы основные принципы участия Приморского края в процессе реализации Программы развития района реки Туманной¹⁴⁹.

Изначально приморские ученые отталкивались от того, что Россия должна, прежде всего, четко определить свои интересы в этой Программе и реализовать тот вариант проекта, который в максимальной степени отвечает ее интересам. Объективная предпосылка реализации проекта – это заинтересованность стран Северо-Восточной Азии и, прежде всего, Китая в более активном использовании альтернативных Транссибирской магистрали трансконтинентальных путей. Проект «Туманган» в этой связи выступает в виде одного из возможных вариантов формирования таких путей, а, следовательно, его реализация в меньшей степени зависит от способности и желания российской стороны в нём участвовать.

По мнению дальневосточных учёных, в интересах России было получить на своей территории начало нового мощного транс-

¹⁴⁹ См.: Бакланов П., Каракин В. Проект «Туманган»: гипотезы и реалии // Красное знамя. 1993. 18 ноября.

портного коридора СВА – Европа. Однако любое участие в этом проекте приемлемо для России вообще и Приморского края и Хансанского района в частности, только в той части, которая не требует резкого увеличения населения, а самое главное не является экологически проблемной.

Учитывая эти эколого-ресурсные ограничения в реализации проекта на российской территории, приморские ученые сформулировали следующие предложения:

- в качестве первоначальной территории реализации Программы в российской части можно рассматривать лишь район к югу от Сухановского перевала и полуострова Гамова. В пределах данного района следует отказаться от вариантов хозяйственного использования территории южнее Краскино между рекой Туманной и Посъетским заливом. Причиной этого являются ограничения экологического характера;

- основное хозяйственное освоение следует сосредоточить в ряде локальных хозяйственных центров и связывающих их транспортных полимагистралей, чтобы не затрагивать остальную часть территорий.

Только при этих условиях Россия может пойти на создание на своей территории мощного транспортно-перегрузочного комплекса, который, учитывая жесткие экологические ограничения, должен быть локализован в треугольнике Краскино-Посъет-Зарубино, а также ориентирован на контейнерные и генеральные грузы.

Создание технопарков, обрабатывающих комплексов и торговых центров было признано малопривлекательным для юга Приморья. Формирование крупных промышленных зон может оказать вредное экологическое воздействие на уникальную природу района и потребует привлечения в российский сектор зоны «Туманган» рабочей силы из Китая и Кореи. Поэтому наиболее целесообразно стимулировать привлечение сюда российского населения с учетом экологических ограничений.

Следует сказать, что данные положения в целом нашли своё отражение в исследованиях по научному обоснованию российской части Туманганского проекта, сделанных по заказу краевой администрации.

К данному моменту проект «Туманган» уже активно обсуждался среди российских, прежде всего, дальневосточных ученых.

Специфика дебатов состояла в том, что проект «Туманган» не был единственным проектом широкого международного сотрудничества в рамках региона Северо-Восточная Азия. Как видно из таблицы, представленной в предыдущей главе, в начале 90-х гг. широкую известность и поддержку получил также проект «Большой Владивосток». При чем на определенном этапе речь даже шла о возможности конкуренции между двумя этими проектами.

Проект «Большой Владивосток» начал разрабатываться с конца 1991 г. японской Ассоциацией инженерно-консалтинговых фирм при поддержке Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (UNIDO). В рамках данного проекта предполагалось создать на юге Приморского края свободную экономическую зону импорто-экспортной ориентации с исполнением функций свободного порта и базы обслуживания. СЭЗ должна была иметь территорию от границ с Северной Кореей и Китаем на западе до порта Восточный включительно на востоке.

Для более успешной деятельности свободной экономической зоны предполагалось разделить ее на три субзоны, четко определив задачи и функции каждой из них. Первая субзона (Владивосток), сконцентрировавшая научный потенциал и сферу технического обслуживания, должна была стать центром управления зоной. Вторая субзона (Находка и Партизанский район) могла бы специализироваться на интенсивном земледелии. И третья субзона (Хасанский район) концентрировала легкую и пищевую промышленности и рыболовство¹⁵⁰.

В условиях начавшихся экономических преобразований в России идея создания свободной экономической зоны на юге Приморского края казалась достаточно привлекательной. Тем более, что в Находке уже функционировала СЭЗ «Находка», имевшая некоторые экономические преференции. Основываясь на японских предложениях и разработках, Владивостокский городской Совет народных депутатов в конце 1992 г. предлагает для обсуждения свой вариант проекта «Большой Владивосток».

Основная цель проекта была сформулирована следующим образом: «Интенсивное социально-экономическое развитие сис-

¹⁵⁰ См.: Shoichi Kobayashi, Deputy Chairman. Free Economic Zones in the North-East Asia Region: Материалы к докладу на конференции. Владивосток, 1992.

темы взаимодополняющих портово-промышленных узлов и комплексов юга Приморья на основе имеющегося внутреннего потенциала экономических центров побережья и привлечения внешних инвестиций, обеспечивая надежное взаимодействие рыночных экономических структур различных регионов СНГ, России, Дальнего Востока и стран АТР»¹⁵¹. Иными словами, югу края отводилась роль соединительного звена между Россией и странами Северо-Восточной Азии, за счет чего предполагалось стимулировать социально-экономическое развитие региона.

В мае 1994 г. уже упомянутая Ассоциация инженерно-консалтинговых фирм предлагает расширенный план экономического развития Приморского края, получивший название «Стратегический план развития Приморского края» («The Strategic Plan for Economic Growth in Primorsky Krai»). В основу плана была положена та же транспортная специализация региона. В частности, предлагалось выделить две оси экономического развития Приморского края: ось Восток-Запад, включающая портово-промышленный комплекс южного побережья края и связывающую его систему коммуникаций; и ось Север-Юг, охватывающую промышленный комплекс, расположенный вдоль Транссибирской магистрали. Центром пересечения осей и своего рода стягивающим звеном должен был бы стать Владивосток с прилегающими территориями («Большой Владивосток»)¹⁵².

Необходимо сказать, что такая переориентация с городского уровня на краевую была продиктована скорее политическими соображениями, нежели экономической целесообразностью. В октябре 1993 г. почил в бозе Владивостокский городской Совет народных депутатов, который выступал основным двигателем проекта «Большой Владивосток», усиливающего значение городских органов власти. Естественно, краевая администрация не стремилась наделять новые городские власти какими-либо особыми полномочиями. В этом случае расширение масштабов проекта до уровня всего Приморского края низводило положение Владивостока в рамках проекта до значения одной из составных его частей.

¹⁵¹ Большой Владивосток. Концепция экономического развития Южного Приморья (проект). Владивосток, 1993. С. 19.

¹⁵² The Strategic Plan for Economic Growth in Primorsky Krai. Engineering consulting firms association. Japan, 1994.

Для осуществления плана развития юга Приморского края был предложен двухфазовый повременной график. На первой фазе (1994–2000 гг.) предполагалось создание необходимой экономической базы для внедрения новых современных технологий или, иными словами, переход на свободную рыночную форму хозяйствования комплексного управления. На второй фазе (2001–2010 гг.) должно было произойти внедрение передовых технологий для стимулирования экономического развития края. Новые технологии должны были обеспечить повышение уровня предоставления услуг в сфере транспортировки всех видов товаров.

Осуществление только первой фазы проекта, по оценкам японских специалистов, могло обойтись в 8,5 млрд долларов США. Собрать такие деньги в России в тот период времени не представлялось возможным, а потому основная нагрузка по финансированию проекта должна была лечь на иностранных инвесторов и международные инвестиционные банки и организации¹⁵³.

Как не трудно заметить, что все кратко описанные варианты концепции «Большой Владивосток» по сути ничем друг от друга не отличались, видоизменяясь лишь в деталях. Транспортная функция Приморского края признавалась определяющей в процессе его экономического развития. Это изначально ставило регион в подчиненное и даже зависимое положение от иностранных инвесторов и потребителей услуг.

Вместе с тем формирование альтернативного по отношению к «Тумангану» проекта вызвало серьезную критику Туманганского проекта. Указывалось, в частности, что последний при всей его привлекательности низводит значение России и Приморского края до уровня сырьевого придатка и закрепляет отсталое положение региона в Северо-Восточной Азии. Сторонники Туманганского проекта указывали, что «Большой Владивосток» – проект нереалистичный, ни один крупный иностранный инвестор не будет вкладывать деньги в то, чтобы создать себе конкурента.

Определенный интерес в этой связи вызывают работы приморских ученых из ВРАЦ «Тихоокеанская эра» – И.Д. Саначева, И.В. Бойко, С.В. Бойко, А.В. Александрова, А.Ю. Деменьева и др., одними из первых обративших внимание на дискриминационный характер обоих проектов. Так, специалист центра И.Д. Са-

¹⁵³ The Strategic Plan for Economic Growth in Primorsky Krai. Engineering consulting firms association. Japan, 1994. P. 61.

начёв подверг достаточно серьезной критике как проект «Большой Владивосток», так и проект «Туманган»¹⁵⁴.

Кроме того, специалисты центра предложили свой вариант проекта «Большой Владивосток». В разработанной ими «Концепции экономического развития юга Приморья» проводилась идея ориентации на наукоемкие технологии, развитие научного потенциала региона на базе системы высших учебных заведений и, особенно, системы институтов Дальневосточного отделения Российской академии наук и создание импортоориентированной экономики края¹⁵⁵.

Вместе с тем проект «Большой Владивосток» не нашел большого отклика в среде российских и приморских деловых кругов. Свою роль здесь сыграл ряд факторов. Прежде всего, это изменение политической ситуации в России и крае (в частности, роспуск Владивостокского городского Совета народных депутатов), кардинальное изменение экономического состояния Приморья (в условиях начавшейся приватизации большинству приморских предпринимателей было не до проектов), а также снижение и без того незначительного влияния японской стороны на российское руководство (японская сторона перестала ориентироваться на какой-то один проект и все пристальнее стала присматриваться к проекту «Туманган»). Все это привело к тому, что уже к 1994 году проект «Большой Владивосток» утратил свою привлекательность и перестал широко обсуждаться, полностью уступив место проекту «Туманган».

В начале марта 1994 г. Владивосток посетили японские специалисты Института экономических исследований в США, которые предложили объединить свои усилия в деле проведения дополнительных исследований перспектив развития «Тумангана», мотивировав это тем, что практические исследования были проведены только китайской стороной, а потому не могут претендовать на объективность. Со своей стороны японские специалисты

¹⁵⁴ См.: Саначев И.Д. Куда идешь Владивосток? Заметки об одной из моделей развития нашего города // Тихоокеанский курьер. 1993. 26 августа; Саначев И.Д., Александров А.В. Проект «Туманган»: национальные интересы России и роль Приморского края (тезисы). Владивосток, 1993.

¹⁵⁵ Бойко И.В., Бойко С.В., Саначёв И.Д. Концепция экономического развития юга Приморья. Владивосток, 1992.

обещали информационную поддержку предстоящим исследованиям.

Следует заметить, что составной частью Института экономических исследований в США выступала упомянутая выше Ассоциация инженерно-консалтинговых фирм, которая, в свою очередь, разрабатывала «Стратегический план развития Приморского края». Это могло свидетельствовать только о повышении внимания японских деловых кругов к Туманганскому проекту.

Целью подобных исследований, скорее всего, было стремление включить также и юг Приморского края в сферу действия проекта «Туманган». Иначе сложно объяснить приезд во Владивосток двух групп экспертов ПРООН. В ходе визита речь шла именно о том, чтобы расширить пространственную составляющую проекта «Туманган», включив в сферу его действия внутренние области сопредельных государств. Основная идея состоит в том, чтобы создать благоприятный экономический климат, который позволил бы привлечь инвесторов многих стран. Предполагалось, что новые границы проекта протянутся до порта Восточный, включив в свой состав Владивосток и Находку.

Стремление северокорейской и российской сторон внести в первоначальную концепцию проекта «Туманган» некоторые изменения, включив в проект свои территории, заставило заинтересованные стороны договориться об окончательной форме реализации проекта. Именно этому была посвящена серия совещаний Рабочих групп Комитета по управлению Программой, прошедших осенью 1993 г. в Сеуле и Пекине. Кроме того, в соответствии с ранее утверждённым планом прединвестиционных исследований на сентябрь 1993 г. приходилось окончание подготовительного этапа реализации Программы развития района реки Туманной и переход к практическим действиям по воплощению в жизнь намеченных проектов. В силу этого данные совещания должны были также предоставить окончательные варианты концепций сотрудничества в рамках проекта «Туманган» и обозначить общие направления практической деятельности.

Результатом данных совещаний стала поддержанная в дальнейшем линия на пересмотр концепции Туманганского проекта в сторону отказа от создания на стыке границ в районе реки Туманной свободной экономической зоны. Доминирующим аспектом регионального сотрудничества намечалась территория, обо-

значенная ранее как Область экономического развития реки Туманной (TREDA).

В конце апреля Приморский край посетила делегация экспертов ООН. В ее состав входили специалисты из Австралии, Канады и Южной Кореи. Основным стремлением гостей было ознакомиться с деятельностью свободной экономической зоны «Находка». Цели визита однозначно сформулировал эксперт Рэй Баттлер, который заявил, что делегацией изучались «возможности вхождения в известный и уже достаточно популярный проект «Туманган». И сейчас можно сделать вывод о том, что СЭЗ «Находка» с ее уникальным географическим положением, мощным транспортным узлом удачно вписывается в проект «Туманган». Для успешной жизнедеятельности в рамках проекта у «Находки» есть все возможности»¹⁵⁶.

Однако именно состоявшееся в Москве 4 июля 1994 г. четвертое заседание Комитета по управлению Программой фактически завершило стадию предварительной теоретической разработки основных принципов экономического и политического сотрудничества в рамках проекта «Туманган». Если первоначальные сомнения относительно реальности осуществления Туманганского проекта в форме свободной экономической зоны в дельте реки Туманной начали наиболее ярко прослеживаться со времени пхеньянского заседания КУП, а скрытое недовольство прослеживалось еще ранее, то в ходе июльского заседания в Москве было принято решение окончательно отказаться от первоначальной концепции «Тумангана».

Новая стадия проекта, стадия его практической реализации охарактеризовалась победой новой идеи, которая уже витала в воздухе. Но рождение этой идеи правильное все-таки было бы отнести на период четвертого заседания КУП, потому что именно здесь она была наиболее полно сформулирована и, что очень важно, нашла поддержку в среде участников Туманганского проекта. Экспертам ООН было доказано, что выход трансконтинентальной связи из Монголии и Северо-Восточного Китая втягивает в свою орбиту не только юг Хасанского района с портами Зарубино и Посыет, но и мощный транспортный узел юга Приморья от Пограничного и Уссурийска до Владивостока, Находки и порта

¹⁵⁶ См.: Царева О. «Туманген» – опасность для «Находки». Золотая долина. 1994. 20 апреля.

Восточный. Поэтому суть идеи состояла в том, чтобы расширить границы проекта «Туманган», включив в его состав территории, ограниченные треугольником, образованным городами Хунчунь (КНР), Чхонджин (КНДР) и порт Восточный (Россия). Цели нового проекта были определены довольно широко – от устранения пограничных барьеров и содействия воздушному сообщению до привлечения инвестиций и прокладки телефонных линий.

На заседании рабочих групп экспертов рассматривались также проекты межправительственных соглашений о создании органов реализации Программы. Были достигнуты договорённости о создании трёх органов: комиссии из пяти стран-участниц (КНР, КНДР, Республики Корея, Монголии и России), комитета из трех стран-участниц, на чьих территориях будет осуществляться Программа, и корпорации, которая как хозяйствующий субъект осуществляла бы инвестирование проектов и их реализацию¹⁵⁷.

Хотя в ходе заседания достигнуть окончательных соглашений не удалось, так как северокорейская делегация из-за смерти Ким Ир Сена не смогла принять участие в переговорах, но именно середину июля следует считать переломным моментом в жизни «Тумангана», ибо тогда была переоценена первоначальная идея проекта и прозвучали убедительные доводы в необходимости перехода к стадии его практической реализации. Все последующие события лишь дополняли и уточняли достигнутые в Москве предварительные договорённости.

Позже северокорейская сторона в целом согласилась с достигнутыми на четвёртом заседании КУП договорённостями.

Своеобразным символом процесса переориентации проекта с теоретического его обоснования на путь практической реализации стал перенос в ноябре 1994 г. главного офиса по управлению Программой из Нью-Йорка в Пекин. Это было сделано с целью приблизить руководящие структуры Туманганского проекта к территории его осуществления.

Таким образом, проект «Туманган» в своей первооснове прекратил свое существование. Но он не решил ни одной возложенной на него задачи. Следствием этого явилось то, что его место занял другой проект, на который возлагалось решение тех же самых проблем, лишь формы их решения имели некоторое отличие.

¹⁵⁷ См.: Развеется ли туман над Туманганом? Владивосток. 1994. 18 августа.

Поэтому вполне справедливо говорить об определенной преемственности проектов, не забывая при этом, что они все-таки имеют различия.

Итак, подводя итог первому этапу развития сотрудничества в рамках Программы развития района реки Туманной, необходимо сделать вывод, что логика формирования проекта «Туманган» в полной мере укладывалась в рамки концепции ключевых геостратегических точек. Во-первых, изначально району дельты реки Туманной, то есть области, отведённой под проект, была присуща такая важная характеристика, как выгодное географическое положение относительно: государственных границ (река Туманная является точкой, к которой сходятся границы трёх государств – России, Китая и Северной Кореи); важнейших коммуникационных линий регионального и мирового значения (хотя транспортная инфраструктура района не имеет должного развития, незначительное его удаление от сети железнодорожных и автомобильных магистралей трёх сопредельных государств позволяет включить его в транспортную систему любой страны с наименьшими финансовыми затратами); и месторождений полезных ископаемых, которые вполне могут составить природно-ресурсный потенциал развития района.

Во-вторых, концепция проекта «Туманган» подразумевала наделение особого, с точки зрения географического положения района, набора специфических особенностей, а именно создание в дельте реки международной свободной экономической зоны, имеющей надгосударственный статус. Воплощение в жизнь подобных предложений превратило бы район Тумангана в независимое в политическом отношении образование, поставив его тем самым в привилегированное положение. Недаром в этой связи широкое распространение получило сравнение будущей Экономической зоны в районе реки Туманной с сингапурской моделью организации политической и экономической жизнедеятельности.

И, в-третьих, в случае осуществления намеченных планов и программ, функционирование Туманганской зоны имело бы для Северо-Восточной Азии общерегиональное значение. В ходе предварительных консультаций и теоретических исследований все страны СВА тем или иным образом выразили своё отношение к Программе развития района реки Туманной. Более того, ряд европейских и тихоокеанских государств также высказали своё

положительное отношение к возможности осуществления проекта. Всё это свидетельствует о том, что в случае реализации «Туманган» превратился бы в дополнительный фактор внутрорегиональной системы экономических и политических отношений.

3.2. Развитие проекта «Туманган» в 90-е гг. XX в.

Четвёртое заседание Комитета по управлению Программой фактически подвело черту под многотрудным процессом согласования интересов и позиций стран-участниц Программы развития района реки Туманной. Период времени, прошедший с момента окончания заседания до момента перенесения офиса TRADP в Пекин, стал периодом, когда новая концепция проекта «Туманган» получила свое признание и поддержку среди всех заинтересованных сторон.

Особенностью новой концепции, как уже отмечалось выше, стала переориентация внимания с идеи формирования единой международной свободной экономической зоны в дельте реки Туманной на идею экономического развития, прежде всего, национальных свободных зон, примыкающих к данному району. В данных условиях на органы, осуществляющие управление Программой, возлагались функции координации экономического развития региона. В сущности, от прежнего проекта «Туманган» осталось только название.

Переход Программы развития района реки Туманной из плоскости теории в плоскость практики стал основной особенностью нового этапа её реализации. Именно отказ от глобальных планов сотрудничества в регионе позволил сконцентрировать внимание участников проекта на вопросах практической его реализации. При этом каждое из трёх сопредельных государств самостоятельно определяло приоритетные направления хозяйственной деятельности для своей части проекта.

Для российской стороны приоритетными стали проекты модернизации Хасанского морского коммерческого порта в посёлке Зарубино, строительства железнодорожной и автомобильной магистралей, которые должны были связать Зарубино с китайским городом Хуньчунем, и создания соответствующей системы пограничных российско-китайских переходов. Целью данных про-

ектов должно было стать обеспечение возможности транзита главным образом китайских товаров через российские порты.

Со своей стороны Китай также ориентировался на строительство сети автомобильных и железных дорог, которая позволила бы связать Хуньчунь с российскими или северокорейскими портами. За достаточно короткий промежуток времени китайской стороной от Хуньчуна до российской границы была построена железнодорожная ветка, а также шоссе до границы с КНДР. Китайская компания «Дунбэй» подписала Соглашение о строительстве железнодорожной линии Хуньчунь – Сэбель. Сэбель – город в Северной Корее, расположенный близ китайской границы. Такая система коммуникаций сделала бы возможным полнее использовать экономический потенциал китайских провинций Цзилинь и Хэйлуцзян, имеющих единственный выход к морю через порт Далянь в провинции Ляонин.

Для Корейской Народно-Демократической Республики новая концепция Туманганского проекта позволила сконцентрировать своё внимание на проблемах свободной торгово-экономической зоны Раджин-Сонбон. Данная зона планировалась, прежде всего, как транзитно-транспортный узел, специализирующийся на переработке грузов из Китая и России. Кроме того, предусматривалось формирование в рамках зоны, ориентированной на экспорт промышленной базы, причём упор предполагалось сделать на развитие тяжёлой индустрии. С этой целью в сентябре 1994 г. первоначальная территория свободной зоны Раджин-Сонбон была расширена до 746 км² путём включения в её состав порта Чхонджин.

Между тем такая переориентация внимания стран-участниц проекта существенно усилила разнонаправленность их позиций. Страны, чьи границы вплотную подходят к району бассейна реки Туманной, то есть Россия, Китай и Северная Корея, сфокусировались на реализации планов развития исключительно своих частей Туманганского проекта. В силу этого руководство TRADP столкнулось с проблемой ослабления интереса со стороны участников Программы к формам экономического сотрудничества регионального уровня. Так как бюджет проекта «Туманган» в 3,5 млн американских долларов, выделенный Программой развития ООН для проведения предварительных исследований, был израсходован на переговоры и консультации, и ни одна из стран

региона не предложила новых финансовых средств для поддержания проекта, ПРООН была вынуждена пойти на снижение своего участия в процессе реализации «Тумангана». Так, руководитель Программы Джон Уэйлен заявил, что «Программа развития ООН снижает своё участие и ожидает, что другие страны возьмутся за это дело»¹⁵¹. Предполагалось, что основной функцией отделения Программы в Пекине станет стимулирование развития отношений в рамках TRADP до тех пор, пока не будут подписаны какие-либо международные соглашения.

Опасения относительно замедления темпов реализации проекта «Туманган» нашли своё отражение и на прошедшем в феврале 1995 г. в Ниигате 5-м Международном форуме по проблемам экономического развития Северо-Восточной Азии. В частности, констатировалось, что с начала периода практических действий ситуация осложнилась. Главной проблемой стало то, что страны-участницы проекта оказались не в состоянии официально договориться о создании рабочих органов, отвечающих за реализацию Программы.

В целом Форум был посвящен перспективам реализации Туманганского проекта и его можно считать определённой вехой в истории «Тумангана». Но он носил научно-практический характер, а потому ни о каком подписании конкретных соглашений речи не было.

В этой связи наиболее важное значение приобретает пятое заседание Комитета по управлению Программой, прошедшее в мае 1995 г. в Пекине. Дело в том, что основная цель заседания заключалась в парафировании соглашений о создании Консультативной комиссии и Координационного комитета по развитию района реки Туманной и меморандума взаимопонимания о принципах контроля за окружающей средой. Остановившись подробнее на рассмотрении этих документов, парафирование которых состоялось 30 мая, следует заметить, что, начиная, пожалуй, с 1991 г., они стали наиболее важными соглашениями подобного уровня. Их заключение позволило окончательно перевести Туманганский проект из стадии теоретических разработок в стадию практического воплощения.

¹⁵¹ Владивостокское время. 1995. 14 февраля.

В соответствии с соглашением «О создании Консультативной комиссии по развитию района экономического развития бассейна реки Туманной и Северо-Восточной Азии» правительства России, Китая, Монголии, КНДР и Южной Кореи договорились о создании специальной Консультативной комиссии, основная задача которой была определена в том, чтобы «содействовать проведению консультаций, развитию взаимопонимания и взаимовыгодного технического и экономического сотрудничества, а также сотрудничества в области охраны окружающей среды и народами региона Северо-Восточной Азии, и в особенности района экономического развития бассейна реки Туманной». «Комиссия будет определять сферу взаимных интересов и возможностей для сотрудничества и устойчивого развития экономики государств Договаривающихся Сторон»¹⁵⁹.

Правительства стран, территории которых непосредственно прилегают к реке Туманной, то есть Россия, Китая и Северная Корея, заключили также соглашение «О создании Координационного комитета по развитию района экономического развития бассейна реки Туманной». В нем, в частности, указывалось, что «Комитет будет обеспечивать координацию и проведение консультаций по вопросам экономического развития района, экономического развития бассейна реки Туманной, особенно по вопросам содействия торговли и инвестиций»¹⁶⁰.

В Комитет и Комиссию должны входить по одному представителю в ранге заместителя министра и по три других должностных лица от каждой договаривающейся стороны.

Кроме двух данных соглашений пять стран, участвующих в реализации «Тумангана», парафировали Меморандум «О взаимопонимании по руководящим принципам охраны окружающей среды в районе экономического развития бассейна реки Туманной и Северо-Восточной Азии». Стороны подтвердили свое стремление «осуществлять сотрудничество и координировать свои усилия в деле защиты окружающей среды и улучшения эко-

¹⁵⁹ О создании Консультативной комиссии по развитию района экономического развития бассейна реки Туманной и Северо-Восточной Азии: Соглашение, 6 декабря 1995 г. Нью-Йорк.

¹⁶⁰ О создании Координационного комитета по развитию района экономического развития бассейна реки Туманной: Соглашение, 6 декабря 1995 г. Нью-Йорк.

логических условий в регионе, а также развитие его экономики таким образом, чтобы не нанести вреда окружающей среде на территории страны какой-либо Договаривающейся Стороны, равно как и на территории других стран и в пространствах, выходящих за рамки национальных юрисдикций»¹⁶¹.

Настоящими соглашениями также была определена территория, получившая наименование «Район экономического развития бассейна реки Туманной», куда были включены: свободная торгово-экономическая зона «Раджин-Сонбон» в Корейской Народно-Демократической Республике; Корейский автономный район Яньбянь в Китайской Народной Республике, включающий особые экономические зоны «Янцзы» и «Хуньчунь»; город Владивосток и свободная экономическая зона «Находка» в Российской Федерации, включая порт Восточный, города и порты Приморья, расположенные к югу от указанных городов.

Сразу же после окончания международной встречи в Пекине в администрации Приморского края было высказано свое отношение к проекту «Туманган», который был назван «предательским ударом в спину», способным задушить экономику Дальнего Востока и Сибири, а достигнутые соглашения выгодны лишь Российскому Министерству иностранных дел и идут вразрез с позицией краевой администрации¹⁶².

Однако в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. оба соглашения и меморандум были утверждены, став тем самым основополагающими документами, регулирующими участие России в реализации Туманганского проекта. Окончательное же подписание настоящих соглашений состоялось на шестом заседании Комитета по управлению Программой, прошедшем в Нью-Йорке в штаб-квартире ООН 6 декабря 1995 г. Официальная же ратификация документов приходится на 16 февраля 1996 г.

Но еще в конце сентября во исполнение постановления правительства краевой администрацией был создан координационный совет во главе с губернатором и рабочая группа специалистов. Их основная цель была определена как разработка концеп-

¹⁶¹ О взаимопонимании по руководящим принципам охраны окружающей среды в районе экономического развития бассейна реки Туманной в Северо-Восточной Азии: Меморандум, 6 декабря 1995 г. Нью-Йорк.

¹⁶² См.: Владивосток. 1995. 3 июня.

ции участия края в Программе «Туманган» и технико-экономическое обоснование создания транзитно-транспортного узла на базе Хасанского морского коммерческого порта в поселке Зарубино.

Помимо принятия двух данных соглашений и меморандума на пекинской встрече были определены приоритетные направления экономического сотрудничества в регионе, а именно: создание благоприятных условий для привлечения инвестиций в развитие инфраструктуры, расширение торговли и защита окружающей среды¹⁶³. При этом основной формой сотрудничества должна была стать координация усилий стран в области взаимодействия при реализации программы «Туманган».

Однако, несмотря на достигнутые в ходе пекинской встречи договоренности, во время визита губернатора Приморского края в Китай во второй половине июня 1995 г. речь шла главным образом о конкретных сроках окончания строительства железной дороги Краскино-Хуньчунь. По итогам визита 17 июня Е.И. Наздратенко подписал в Харбине соглашение «Об установлении торгово-экономических и культурных связей» с провинцией Хэйлунцзян, а два дня спустя в Чанчуне – с провинцией Цзилинь. Он также обещал завершить строительство к сентябрю 1995 г.¹⁶⁴ Забегая вперед, следует сказать, что это обещание осталось невыполненным. Слабым утешением при этом стало открытие 29 июня пограничного перехода у поселка Краскино.

Как бы в продолжение пекинской встречи с 14 по 18 августа 1995 г. состоялся визит во Владивосток нового управляющего Программой «Туманган» М. Андердауна, который сменил на этом посту Дж. Уэйлена. Еще до пятого заседания Комитета по управлению Программой он провел ряд переговоров с представителями заинтересованных стран, выезжал на места реализации будущих проектов. Вместе с Андердауном во Владивосток прибыли также директор отдела UNIDO в Китае Ян Дэвис и консультанты UNIDO Станислав Пигон и Питер Гаскелл.

В ходе визита 15 августа в краевой администрации был проведен «круглый стол», на котором её представители смогли встретиться с представителями Организации Объединенных На-

¹⁶³ См.: Забровская Л.В. Россия и республика Корея: от конфронтации к сотрудничеству. Владивосток, 1996. С. 85–86.

¹⁶⁴ См.: Утро России. 1995. 13 июля.

ций. На встрече было подчеркнуто, что позиция российской стороны на федеральном и краевом уровнях не допускает какие-либо соглашения и обязательства в рамках программы «Туманган», влекущие за собой нарушение территориальной целостности, хоть малейшей утраты суверенитета и контроля над процессами на российской территории или негативное влияние на экологическую обстановку. Также были категорически отвергнуты идеи создания интернационального города. Предложения же российской стороны сводились лишь к созданию на юге края транзитно-транспортного узла, который дал бы северо-восточным провинциям Китая и Восточной Монголии возможность осуществлять проход к Японскому морю¹⁶⁵. В целом М. Андердаун поддержал позиции российской стороны, подчеркнув при этом, что «второго Гонконга не будет». Однако на заключительной пресс-конференции по итогам визита он отметил, что разработка российской части Программы существенно отстает от того, что сделано Китаем. Из-за продолжительного негативного отношения России к проекту его реализация на территории края по-серьезному еще не начиналась и предстоит наверстать упущенное.

В то же самое время в районе бассейна реки Туманной работала группа специалистов UNIDO. В задачу данной группы входило изучение проблем рыбодобывающей и рыбоперерабатывающей отраслей промышленности в российском и северокорейском секторах проекта «Туманган»; вопросов строительства и ремонта морских судов и конверсии оборонных предприятий в Приморье; общих направлений развития фармакологической и пищевой отраслей промышленности в Корейском автономном районе Яньбянь (КНР) и на территории корейской СЭЗ Раджин-Сонбон.

Вопрос финансирования всегда оставался наиболее важным. Еще во время пребывания М. Андердауна во Владивостоке перед ним был поставлен вопрос о средствах, на которые предполагается осуществить проект. Ответ управляющего Программы заключался в том, что «финансирование будет в большей степени зависеть от благоприятного инвестиционного климата в странах-участницах и условий для бизнесменов. И еще это будет зависеть

¹⁶⁵ См.: Завтра России. 1995. 1–8 сентября.

от того, насколько удачно удастся продать проект потенциальным потребителям»¹⁶⁶.

Скорее всего, именно для того, чтобы «удачно продать проект», и был в середине октября 1995 г. в Корейском автономном районе Яньбянь в Китае созван широкомасштабный международный форум. Основная проблема, которая на нем обсуждалась, была проблема инвестиций в реализацию проекта «Туманган». На этот форум, который проводился под эгидой UNIDO, прибыли представители стран, заинтересованные в осуществлении проекта, а также японские представители, банкиры и бизнесмены Запада и Дальнего Востока.

В рамках знакомства участников форума с территориями, которые задействованы в реализации Туманганской программы, состоялась поездка в поселок Зарубино, где бизнесменам была предоставлена возможность ознакомиться с ходом строительства Хасанского коммерческого порта и сооружения железной дороги и автомобильной магистрали между Китаем и Приморьем. Аналогичная поездка была совершена и в северокорейский порт Раджин.

Однако вряд ли можно предполагать, что результатом этого форума стало увеличение инвестиционного потока в «Туманган». Так, приморская сторона из-за дефицита финансовых средств не смогла завершить строительство железнодорожного полотна по линии Краскино-Хуньчунь к сентябрю, как это было обещано во время визита губернатора Приморского края в Китай. Поэтому возникла необходимость в установлении новых сроков завершения строительства, которые бы соответствовали реальным финансовым возможностям края. С этой целью в поселке Славянка в конце ноября 1995 г. прошла встреча смешанных рабочих групп провинции Цзилинь и Приморского края. Согласно достигнутым в результате встречи договоренностям, туристическое сообщение через автодорожный переход Хуньчунь-Краскино должно было открыться в третьей декаде декабря 1995 г. Затем в марте следующего 1996 г. должно было быть пущено пробное рабочее движение, а немного позднее – начаться регулярная перевозка грузов с севера Китая через Хуньчунь (провинция Цзилинь) и порты Приморья – Хасанский коммерческий (поселок Зарубино), Владивостокский морской, Восточный порты и Находку.

¹⁶⁶ Завтра России. 1995. 1–8 сентября.

Подписанный на встрече документ стал продолжением договоренностей, достигнутых в ходе июньской встречи первых руководителей сопредельных территорий, когда была намечена программа развития торгово-экономических отношений, во многом основанная на решении проблем дорожно-транспортного комплекса. Однако вскоре потребовалась новая корректировка сроков ввода в эксплуатацию железнодорожной линии Хуньчунь-Краскино. Именно с этой целью отправилась в Китай делегация Приморья, возглавляемая вице-губернатором края Игорем Бельчуком, который 29 февраля 1996 г. подписал протокол переговоров с российской стороны. С китайской стороны протокол был подписан вице-губернатором провинции Цзилинь Цюань Чжечжу. В данном протоколе, в частности, предусматривалось открыть пассажирское движение через автопереход Краскино-Хуньчунь 15 апреля 1996 г., а рабочее движение начать не позднее октября того же года.

В то же время начало 1996 г. ознаменовалось для участников реализации программы «Туманган» новым событием. С 6 по 9 февраля в Ниигате Институтом экономических исследований в Северо-Восточной Азии (Economik Research Institute for Northeast Asia – ERINA) и японской федерацией экономических организаций (Кендайрэн) была проведена конференция по вопросам сотрудничества в СВА. Со стороны Приморья в конференции приняла участие представительная делегация, возглавляемая губернатором края.

Существенным событием конференции стал доклад Е.И. Наздратенко «Об участии Приморья в международной программе развития реки Туманной». В нем, в частности, отмечалось: «Приморский край в наибольшей степени заинтересован в развитии международного сотрудничества в рамках Программы развития бассейна реки Туманной, поскольку наши предложения о расширении границ зоны TREDА с включением в него не только части Хасанского района, как намечалось ранее, но и Владивостокской агломерации, свободной экономической зоны «Находка» и других территорий нашло понимание и поддержку как со стороны UNDP, так и со стороны стран, участвующих в Программе». Губернатор Приморья также сообщил участникам конференции о том, что в администрации края создан Координационный совет по реализации Программы и рабочая группа из специалистов ве-

дущих подразделений администрации и начаты работы по подготовке технико-экономического обоснования создания транзитного узла на базе Хасанского порта в поселке Зарубино и транспортных подходов к нему от российско-китайской границы¹⁶⁷. Таким образом, настоящим докладом завершилась эволюция взглядов Приморской администрации на вопрос реализации Программы «Туманган». Эволюция прошла путь от полного неприятия достигнутых в Пекине в мае 1995 г. договоренностей до стремления активно участвовать в реализации Программы.

В ходе визита в Японию Е.И. Наздратенко также встретился с первым заместителем министра иностранных дел Японии Надзиме Огавой, губернатором префектуры Ниигата Икоу Хирояма и председателем Кендайрэн Цзиро Коваки.

По итогам конференции страны-участницы договорились приложить максимум усилий для гармоничного развития района бассейна реки Туманной путем совершенствования транспорта, инфраструктуры, торговли, промышленности, туризма, организационных и законодательных форм, в том числе по руководящим принципам охраны окружающей среды.

В этой связи интерес вызывают позиции других стран, принявших участие в конференции. Продолжая рассматривать Туманганский проект как составную часть процесса интеграции в Северо-Восточной Азии, Япония настороженно отнеслась к возможности реализации новой формы Программы¹⁶⁸. В этой связи «Туманган» прежде всего должен способствовать экономическому развитию западных, япономорских префектур страны, что было предусмотрено еще в 1987 г. во Всестороннем национальном плане развития. По мнению японских специалистов, сокращение транзитного пути из Северо-Восточного Китая в Японию должно стать основой этого развития. Поэтому Туманганский проект должен быть направлен на развитие транзитно-транспортных функций. Однако в то же время Япония предпочитает воздерживать

¹⁶⁷ Evgenii I. Nazdratenko. Participation of the Primorsky Territory in the Tumen River Area Development Project // Материалы конференции по проекту на реке Туманной стран-участниц проекта. Ниигата, 1996. 7–9 февраля. С. 1-2-3–1-2-4.

¹⁶⁸ См.: Kazuo Naruna. Future of Economic Development in the Japan Sea Rim (Northeast Asia) // Материалы конференции по проекту на реке Туманной стран-участниц проекта. Ниигата, 1996. 7–9 февраля. С. 2–5 – 2–6.

ваться от инвестирования в развитие северокаорейских или российских портов, через которые и должен пойти основной поток грузов. Но если японо-северокаорейское сотрудничество осложняется отсутствием между этими странами дипломатических отношений и военными и атомными амбициями КНДР, то боязнь вкладывать деньги в российскую часть «Тумангана» сложно объяснить одними лишь противоречиями в вопросе Курильских островов. Ведь ничто не мешает Японии инвестировать такие российско-японские проекты, как разработка сахалинского шельфа или лесных ресурсов Сибири.

В отличие от Японии, Южная Корея была готова предоставить необходимые капиталовложения и к тому же она согласилась быть полноправным членом пятисторонней Консультативной комиссии стран, участвующих в реализации программы «Туманган». Но Сеулу намного труднее, чем Японии, делать значительные инвестиции. Новый вариант Туманганского проекта позволил бы южным корейцам напрямую использовать северокаорейские порты Раджин и Чхонджин, в чем они очень заинтересованы, и что привело бы к расширению сотрудничества как непосредственно с КНДР, так и с другими странами СВА. В этой связи в любом случае следует учитывать, что южнокорейский капитал пойдет главным образом в территории, населенные этническими корейцами¹⁶⁹.

Северная Корея упорно продвигала свою свободную торгово-экономическую зону Раджин-Сонбон в качестве составной части Туманганского проекта, предполагая, что именно через нее пройдет основной транзитный путь из Северо-Восточного Китая. Но страна на тот момент не имела средств для самостоятельного развития этой территории. Руководство КНДР поставило перед собой сложную задачу: как, принципиально не меняя политического курса, создать максимально привлекательные условия для иностранных инвестиций¹⁷⁰.

Последовательным сторонником программы «Туманган» оставалась и Монголия. Полностью полагаясь на волю других

¹⁶⁹ См.: Lee Youn-Ho. Tumen River Area Special Economic Zone – Competition and Cooperation. // Материалы конференции по проекту на реке Туманной стран-участниц проекта. Ниингата, 1996. 7–9 февраля. С. II-4-3 – II-4-5.

¹⁷⁰ См.: Hwang Jong Nam. Practical Methods of Tumen River Area Development // Там же. С. I-3-3 – I-3-4.

стран-участниц, монгольская сторона надеялась, что через ее территорию пойдет поток газа и нефти из Сибири, к тому же страна получала бы выход к морю.

Относительно же Китая можно сказать, что это единственная страна, которая продолжала занимать твердую позицию в отношении необходимости осуществления проекта «Туманган» в любой форме. Китайская сторона считала свою часть проекта, зону приграничного экономического сотрудничества в городе Хуньчунь стержнем Туманганского проекта, центром, вокруг которого вращаются все экономические отношения в Северо-Восточной Азии. Поэтому китайская сторона уделяла наибольшее внимание его развитию, развернув широкое строительство в этой зоне. Интересно отметить также, что, по утверждению вице-секретаря Коммунистической партии Китая в Яньбяньском автономном районе Гуан Шуо были достигнуты соглашения об инвестициях в Хуньчунь более чем 3 млрд юаней. Причём, в инвестициях лидирующее место заняли фирмы Гонконга и Республики Корея¹⁷¹.

Таким образом, конференция в Ниигате стала важно вехой на пути реализации Туманганского проекта. Произошла фактическая поддержка подписанных недавно многосторонних соглашений относительно Программы, и наметились практические пути ее осуществления.

Одновременно с конференцией в Ниигате в Гонолулу, штате Гавайи (Соединенные Штаты Америки) проходил шестой ежегодный Форум экономистов Северо-Восточной Азии, ключевым вопросом которого также был проект «Туманган». На нём, в частности, обсуждались основные зоны приложения иностранных инвестиций в рамках Программы развития района реки Туманной. Были выделены три акцентные адреса инвестиций на территории каждой из трех стран-участниц. Для Северной Кореи это свободная торгово-экономическая зона Раджин-Сонбон. На китайской территории таким адресом стала свободная экономическая зона Хуньчунь в провинции Цзилинь. На российской территории – Хасанский район, где главное внимание уделялось сооружению железнодорожной ветки Краскино-Хуньчунь и развитию Хасанского морского коммерческого порта в поселке Зарубино.

¹⁷¹ Huang Shuo. The Present Situation and Prospects of Hunchun Development // Там же. С. II-1-3.

С 18 по 20 апреля 1996 г. в Пекине проводилась межправительственная встреча стран-участниц программы «Туманган». Она была посвящена официальному началу деятельности Консультативной комиссии этого проекта. В соответствии с заключенными ранее соглашениями ранг представителей стран был повышен. Так, на заседании присутствовали вице-председатель северокорейской государственной комиссии по внешнеэкономическим делам, заместитель министра финансов и экономики Южной Кореи, а также заместители министров из России, Монголии и Китая. В ходе встречи были отмечены основные направления деятельности сопредельных государств. Россия и Северная Корея на данном этапе направили свои основные усилия на переоборудование в экспортные базы свои порты на Японском море и строительство международных коммуникаций, в то время как китайская сторона основной упор сделала на наращивание промышленного развития в районе, прилегающем к реке Туманной.

В середине июня в поселок Зарубино прибыли сотрудники института ERINA и федерации Кендайрэн. Еще в ходе конференции в Ниигате в феврале 1996 г. была достигнута договоренность, что эти организации будут содействовать в разработке технико-экономического обоснования транзитно-транспортного узла на базе порта в поселке Зарубино. Поэтому целью визита стало изучение практических возможностей осуществления проекта модернизации Хасанского порта. Ее результатом должен был стать специальный доклад, содержащий прогнозы о грузопотоке, проект новой железной дороги, анализ вопросов управления, расчет рентабельности и т.д. Планировалось, что данный доклад будет представлен правительству России с целью его одобрения и получения инвестиционных гарантий в отношении проекта развития порта Зарубино. Но сразу же было отмечено, что в реализации этого проекта возможны трудности на этапе привлечения финансовых средств.

Действительно, в декабре 1996 г. сотрудники института ERINA представили заключительный доклад, который стал результатом проведенной ими работы. Согласно докладу необходимые инвестиции для модернизации порта Зарубино были оценены японскими специалистами в 218,3 млн американских долларов.

В то же время следует отметить, что позиция Японии в отношении северокорейской части программы «Туманган» осталась без изменений. Так, побывавшая в Токио в конце июля по приглашению частных японских организаций и экспертов ООН северокорейская делегация во главе с вице-председателем государственной комиссии по внешнеэкономическим делам (который также является членом Консультативной комиссии по реализации программы «Туманган»), заявила, что японские фирмы неохотно идут на инвестиции, поскольку неясной остается внутривнутриполитическая ситуация в Северной Корее, а также мешает почти полное отсутствие инфраструктуры.

С 20 по 21 октября 1996 г. в Пекине состоялось плановое заседание секретариата Программы развития района реки Туманной. В списке обсуждаемых вопросов, наряду с такими, как рассмотрение бюджета 1997 г. и отчета о проделанной работе, на этот раз стоял также вопрос об участии в межправительственном органе региональных представителей от Находки. Следует сказать, что данный вопрос имел принципиальное значение вследствие того, что свободная экономическая зона «Находка» была включена в программу «Туманган». Именно поэтому находкинские представители на заседании предложили не создавать новый транзитно-транспортный узел на практически пустом месте, а обратить основное внимание на развитие уже действующих портов – Владивосток и Находку, создав при них необходимую инфраструктуру. Сложно оценить, каково было отношение руководства «Тумангана» к данной идее, но вследствие расширения территории проекта все-таки ему придется обратить внимание на Находку и Владивосток. Однако, с другой стороны, выдвигание подобных идей можно расценивать как отсутствие у российской стороны комплексной программы участия края в реализации «Тумангана», которая бы вычленяла основные сферы приложения иностранных инвестиций. Доказательством этого утверждения может стать хотя бы то обстоятельство, что данное предложение осталось практически незамеченным.

Так, в середине ноября в Японии состоялась встреча губернаторов северных префектур этой страны и руководителей некоторых территорий Российского Дальнего Востока. В ходе ее приморская делегация проводила мысль о необходимости реконструкции Хасанского порта, имеющего благоприятные географиче-

ские и климатические условия. В то же время вопрос о возможности задействовать Находку в транзите китайских грузов даже не поднимался.

Дело в том, что, несмотря на все достоинства Находки или Владивостока, Хасанский порт оставался на тот момент наиболее удобным местом для создания транзитно-транспортного узла, ибо он является ближайшим к Китаю портом. Поэтому сложно предполагать, сколько бы времени отняло, например, обустройство транзитного перехода между Хуньчунем и Находкой.

Однако железнодорожное полотно по линии Хуньчунь-Краскино соединить всё-таки удалось. Это произошло в ноябре и стало в определенной мере гарантией скорого открытия рабочего движения через российско-китайскую границу в самой южной части Приморья. В преддверии этого в Хуньчуне с 13 по 16 декабря состоялось совещание представителей стран-участниц программы «Туманган», на котором рассматривались вопросы совместной эксплуатации Краскинского железнодорожного перехода. Окончательное же открытие международного сообщения по линии Краскино-Хуньчунь состоялось в июле 1999 г.

Итак, данные события свидетельствуют о том, что практическая реализация проекта «Туманган» вступила в свою первоначальную фазу. В этой связи важнейшей задачей стала необходимость формулирования комплексного подхода российской стороны к проблеме своего участия в проекте.

Основной же особенностью российского сектора Программы развития района реки Туманной стало отсутствие полномасштабной и всеохватывающей концепции участия Российской Федерации и Приморского края в реализации проекта. Можно было говорить о наличии концептуальных предложений и разработок некоторых приморских, московских и японских ученых, о разработке технико-экономических обоснований нескольких конкретных проектов, находящихся в рамках Туманганского проекта, а также о желании администрации Приморского края участвовать в осуществлении Программы. Но российской стороной не был создан документ, который раскрывал бы пути, цели и задачи участия России в реализации программы «Туманган» и который был бы принят в качестве основополагающего как Правительством Российской Федерации, так и администрацией Приморского края.

Это серьезно осложняло положение России и Приморья в Программе.

В этой связи следует отметить, что такими странами, как Китай и Корейская Народно-Демократическая Республика, являющимися соседями России по реке Туманной и партнерами по TRADP, были созданы свои национальные программы участия стран в проекте «Туманган». Причем они нашли свое официальное закрепление как на местном, так и на государственном уровне. Для их осуществления созданы специальные административные органы: в Китае – это Администрация по развитию TREDA в составе правительства провинции Цзилинь, а в КНДР – Комитет содействия внешнеэкономическому сотрудничеству.

Однако, если официально признанной национальной концепции участия России в проекте «Туманган» не было, то комплексные разработки приморских ученых все-таки присутствовали. В этой связи особое внимание заслуживает Концепция российской части Программы развития бассейна реки Туманная (Программы TRADP UNIDO), составленная учеными Дальневосточного института морского флота и Тихоокеанским институтом географии ДВО РАН при участии администрации Приморского края.

Отталкиваясь от того положения, что за прошедшие годы на федеральном уровне даже не предпринималось попыток определить стратегию и тактику участия России и Приморья в программе «Туманган», не начата разработка российской части Программы, не созданы организационные структуры по ее сопровождению, а в Федеральной целевой программе экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 гг., утвержденной Постановлением Правительства России от 15 апреля 1996 г. и возведенной указом президента России от 23 апреля в статус президентской, в ее подпрограмме «Вовлечение Дальнего Востока и Забайкалья в мировое хозяйство через экономическое сотрудничество со странами АТР», не нашла своего отражения ни Программа развития района реки Туманной, ни идея создания транзитно-транспортного узла на базе морского порта Зарубино. Приморские ученые целью настоящей концепции поставили выработку стратегии и направлений участия России и Приморского края в Программе TRADP, являющейся един-

ственной программой серьезного многостороннего сотрудничества в Северо-Восточной Азии¹⁷².

Важно отметить, что эксперты Программы развития ООН в целом положительно оценивали роль и значение Приморья в развитии зоны бассейна реки Туманной. Близость к японскому, корейскому и китайскому рынкам; наличие железных дорог и незамерзающих портов; выход транспортной инфраструктуры на транссибирскую магистраль; наличие разносторонних экономических связей с городами и провинциями Японии, США, Республики Корея и Китая; наиболее высокий в СВА образовательный уровень населения и специальной подготовки рабочих и инженерно-технического персонала; развитая судостроительная и судоремонтная промышленность; высокий потенциал рыбодобывающей и рыбообрабатывающей индустрии; большие запасы деловой древесины; существенные запасы уникального растительного и животного сырья для фармацевтической промышленности; значительные запасы полезных ископаемых; высокий рекреационно-туристический потенциал делают край привлекательным для развития и инвестиций. Однако, по мнению специалистов ПРООН, основным направлением развития Приморья должен был стать транспортный транзит и использование сырьевых и частично переработанных ресурсов. Так, в Рекомендациях ПРООН по приоритетам инвестирования в промышленность района бассейна реки Туманной были выделены следующие сферы приложения капитала:

- судоремонт и судостроение (Владивосток, Находка, Славянка);
- конверсия оборонных предприятий (преимущественно Владивосток);
- развитие рыбообрабатывающих производств (Находка, Владивосток, Зарубино).

Следует сказать, что наиболее привлекательной для развития была названа СЭЗ «Находка», обладающая двумя крупными морскими портовыми комплексами и несколькими современными терминалами, которые могли бы стать перспективной базой для развития транзитного транспорта.

¹⁷² См.: Концепция российской части программы развития бассейна реки Туманной (Программа TRADP UNIDO). Владивосток, 1996. С. 12–13.

Второй район, вызывающий интерес ПРООН и стран-участниц программы «Туманган», был Хасанский район с портами Посьет и Зарубино. Причем соединение последнего автомобильной и железной дорогами с китайским городом Хуньчунь должны были сделать его весьма привлекательным для стран, заинтересованных в реализации Туманганского проекта.

Большое значение для развития Программы, по мнению специалистов ПРООН, имел также и порт Владивосток, открытый ныне для иностранных судов.

Рассматривая перспективы участия России и Приморья в программе «Туманган», важно отметить, что ее преимущества могли заключаться в следующих аспектах:

- развитие международного сотрудничества со странами АТР при поддержке ООН и с её определенными гарантиями;
- возможность интенсификации таких важных для края внутренних программ, как развитие Владивостокской агломерации, СЭЗ «Находка», транзитно-транспортного узла на базе порта Зарубино и подходов к нему от границы с КНР;
- наличие реальных перспектив для привлечения части грузопотоков из Хуньчуна, Тумынь-Яньцзы, Харбина, Чанчуна и Монголии и направление их на порты юга Приморья;
- координация природоохранных мероприятий в районе бассейна реки Туманной между приграничными странами-участницами.

В то же время следовало учитывать ограничения, которые должны предотвратить неприемлемый или неблагоприятный для России и Приморья ход реализации Программы:

- исключение из рассмотрения всех частных соглашений и обязательств в рамках программы «Туманган», которые могут привести к нарушению территориальной целостности и всеобъемлющего суверенитета Российской Федерации над собственными территориями этой зоны;
- недопущение каких-либо соглашений, обязательств или действий в районе бассейна реки Туманной, которые могли бы уменьшить возможности правового, территориального, политического и экономического контроля федеральных и краевых властей над российской частью территории Туманганского проекта;
- исключение любых действий, соглашений, предложений или обязательств, которые могли бы привести к неблагоприят-

ным экологическим последствиям как в районе бассейна реки Туманной, так и на прилегающих к ней территориях, что связано с наличием на российской территории Программы ценнейших ландшафтов, биологических формаций, памятников природы и культурно-исторических объектов;

- соблюдение жестких экологических ограничений на производственную деятельность в районе Программы с небольшой концентрацией промышленных предприятий.

Исходя из представленных особенностей положения Приморья концепция участия края в Программе развития бассейна реки Туманной предлагала следующие основные приоритеты экономического развития юга Приморья:

1. Опережающее комплексное развитие транспортной инфраструктуры края, позволяющей обеспечить нарастающие потоки грузов и пассажиров в рамках экономического, культурного и политического сотрудничества стран Северо-Восточной Азии.

2. Развитие топливно-энергетического комплекса как важной отрасли, обеспечивающей функционирование всего хозяйственного комплекса и социальной инфраструктуры края и района бассейна реки Туманной.

3. Развитие гражданских производств на основе конверсии оборонных предприятий.

4. Использование высокого потенциала академической, прикладной и вузовской науки Владивостока для создания наукоемкой высокотехнологической продукции на базе конверсируемых и вновь создаваемых предприятий, в том числе с участием иностранных партнеров.

5. Дальнейшее развитие рыбодобывающего комплекса на базе использования новых технологий для производства высококачественной экспортной продукции.

6. Развитие индустрии иностранного туризма на базе использования природно-рекреационных комплексов края и Дальнего Востока.

7. Создание современной инфраструктуры для международного экономического, культурного и политического сотрудничества России на Дальнем Востоке.

8. Развитие и модернизация систем телекоммуникационных связей.

9. Подготовка специалистов в области менеджмента, бизнеса и обслуживания с учетом современного передового опыта мировой науки и практики.

10. Либерализация и гармонизация налогового, таможенного и иммиграционного правового регулирования деятельности иностранных инвесторов и компаний на территории края и его отдельных зон.

11. Создание и развитие системы международных и национальных финансовых институтов с целью привлечения и использования мировых денежных средств¹⁷³.

Для того чтобы в полном масштабе осуществить реализацию приоритетных направлений развития экономики Приморья, необходимо было точно определить ту роль, которую край должен был сыграть в процессе осуществления Программы развития района реки Туманной.

В соответствии с имеющимися у края потенциальными возможностями развития можно было выделить несколько основных направлений участия Приморья в программе «Туманган».

Особое значение должна была иметь горнорудная и горнохимическая промышленность края. Разработка месторождений борного сырья, плавикового шпата и висмута могли бы стать основой экспорта в страны АТР сырья и полуфабрикатов, добываемых и производимых на территории Приморья.

Край является также одним из наиболее развитых в научно-техническом отношении восточных регионов России. Здесь сосредоточены крупные научно-исследовательские и опытно-конструкторские организации фундаментальных и прикладных направлений, высшие и средние специальные учебные заведения, готовящие кадры высшей квалификации для основных направлений экономики и социальной сферы региона, предприятия и производства высоких технологий в области машиностроения и освоения Мирового океана. Этот научно-технический потенциал края признан в АТР и мог бы стать одним из факторов развития международного сотрудничества России со странами АТР.

Ключевое территориально-географическое положение Приморья как контактной зоны с рынками АТР определяет его в качестве потенциального центра концентрации здесь материальных

¹⁷³ Концепция российской части программы развития бассейна реки Туманной (Программа TRADP UNIDO). Владивосток, 1996. С. 17–18.

и финансовых ресурсов, государственного стимулирования различной предпринимательской деятельности, включая создание предприятий с иностранным капиталом, на тех перспективных направлениях, которые ведут к структурной перестройке хозяйства и повышению конкурентоспособности продукции края, созданию новых рабочих мест и освоению передовых норм организации производства.

Принципиальное значение имело расширение и углубление международных экономических связей края со странами СВА, поскольку основные долгосрочные перспективы экономического развития Приморья, достижение устойчивой стабилизации производства будет определяться именно масштабами и интенсивностью его торгово-экономического сотрудничества со странами Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Однако основная специализация Приморского края была предопределена его исключительно выгодным геостратегическим положением на стыке сухопутных и морских связей России со странами АТР и основана на том, что край является одним из узлов трансконтинентальной связи Европа—страны АТР через евразийский континент. Именно такое положение края определяет одну из его важнейших функций в мирохозяйственных связях АТР – «стыковочного узла» сухопутных и морских транзитно-транспортных связей двух мировых полюсов экономики – Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона. Кроме того, в своей южной оконечности край совместно с территориями КНДР является основным барьером на пути Северо-Восточного Китая к морю.

Эти условия определили важную роль южной части Приморского края в качестве транзитно-транспортного коридора, связывающего указанные районы Китая со странами побережья Японского моря¹⁷⁴.

Таким образом, можно констатировать, что потенциальные возможности Приморья и его выгодное географическое положение создавали благоприятные условия для его активного участия в экономическом сотрудничестве со странами АТР и интеграции в мирохозяйственный комплекс этого региона по отдельным направлениям специализации и кооперации. Однако для более успешного участия края в реализации программы «Туманган» и

¹⁷⁴ См.: Концепция российской части программы развития бассейна реки Туманной (Программа TRADP UNIDO). Владивосток, 1996. С. 19.

расширения его внешнеэкономических связей необходимо было бы выполнить условия, подразумевающие адекватное развитие всех видов инфраструктуры, включая транспорт, портовое хозяйство, телекоммуникационную связь, финансовое, таможенное и инфраструктурное обслуживание, бытовой сервис.

В этой связи особо важным должна была стать модернизация приморских портов, которые приобрели бы значение транзитно-транспортной базы и основного пути для расширения внешнеэкономических связей. Причём, главное внимание было обращено на Хасанский порт в поселке Зарубино, который, как и северокорейский Раджин, непосредственно примыкает к району бассейна реки Туманной и к тому же менее всех других приморских портов удален от Китая.

Так, в рамках модернизации Хасанского порта было предложено до 1998 г. провести основные ремонтные работы: реконструировать железнодорожную станцию Сухановка и 11 км подъездных путей, которые соединяют Хасанский порт с Транссибом; забетонировать всю территорию порта для перехода на новые технологии; внедрить в технический процесс пневмоавтоматические механизмы. Это позволило бы увеличить мощности порта до 1,77 млн тонн груза в год, что примерно на полмиллиона тонн больше, чем сейчас, и снизить себестоимость грузообработки на 25–30%¹⁷⁵. Необходимые средства на реконструкцию на данном этапе должны были составить 28,4 млн американских долларов.

В дальнейшем было предложено перейти к реализации рассчитанной до 2005 г. краткосрочной программы модернизации порта, в рамках которой предполагалось полностью завершить работы по ремонту и модернизации его существенных основных сооружений. Заключительным же этапом проекта должно стать строительство в Зарубино новых элементов портовой инфраструктуры, что планировалось завершить к 2010 г. Результатом последних двух этапов модернизации должно было стать увеличение мощности порта еще в 2 раза, но это, в свою очередь, потребовало бы дополнительных инвестиций в размере 189,9 млн американских долларов. Таким образом, совокупные инвестиции

¹⁷⁵ См.: Забровская Л.В. Россия и республика Корея: от конфронтации к сотрудничеству. Владивосток, 1996. С. 90.

в модернизацию порта Зарубино должны были составить 218,3 млн американских долларов¹⁷⁶.

Однако участие России в программе «Туманган» не должно было ограничиваться только Хасанским портом. Было предложено провести реконструкцию Владивостокского и Находкинского морских портов, а также порта Восточный, построить новые портовые комплексы в бухтах Суходол (близ Большого Камня), Чажма (близ поселка Дунай) и Нарва (близ поселка Безверхово), провести необходимые исследования на предмет создания новых портовых комплексов в бухтах Диомид, Улисс, в Амурском и Уссурийском заливах Владивостока, а также в бухте Славянка¹⁷⁷.

В ходе дальнейшего развития инфраструктуры юга Приморья предполагалось также строительство железнодорожной ветки Хуньчунь-Зарубино (1477 км), автомобильной платной дороги Зарубино-Краскино-Хуньчунь (автострада РОДОК), жилого массива и социальной бытовой сферы на 10 тыс. человек. Особенно было отмечено значение железнодорожной сети, которая в настоящее время может стать наиболее эффективным видом сухопутного транспорта. В этой связи следует подробнее остановиться на рассмотрении проекта строительства железной дороги по линии Краскино-Хуньчунь. На российской территории строительство железнодорожного пути вела акционерная компания «Золотое звено». Предполагалось, что эта дорога будет иметь композитную колею, то есть колею, где две различные ширины железнодорожной колеи монтируются одна в другую в пределах одного полотна железной дороги, а на дороге от порта Зарубино до станции Сухановка на линии Барановский-Хасан использовать российскую ширину колеи (1524 мм)¹⁷⁸. Но и на сегодняшний день на российской территории проложена лишь российская колея и, несмотря на то, что железная дорога Краскино-Хуньчунь все-таки соединена, эксплуатироваться она может с некоторыми ограничениями.

¹⁷⁶ См.: Прозорова А. Рыльсы ведут в Китай. Завтра России. 1996. 19–26 декабря.

¹⁷⁷ См.: Концепция российской части Программы развития бассейна реки Туманной (Программа TRADP UNIDO). Владивосток, 1996. С. 36.

¹⁷⁸ См.: Концепция российской части Программы развития бассейна реки Туманной (Программа TRADP UNIDO). Владивосток, 1996. С. 42.

Вследствие отсутствия официальной концепции участия России и Приморского края в проекте «Туманган» российская сторона не спешила делать необходимые финансовые вложения в свою часть Программы, что сильно замедляло темпы реализации проектов, намеченных в рамках TRADP. В этой связи основной упор приходилось делать, прежде всего, на иностранных инвесторов. Так, разработчики Концепции российской части Программы развития реки Туманной отмечают, что «механизм стимулирования инвестиционной активности иностранных предпринимателей должен включать меры государственной поддержки:

- предоставление государственных гарантий и льгот инвесторам в различных формах, предусмотренных законодательством;
- предоставление федеральной и муниципальной собственности в аренду на льготных условиях»¹⁷⁹.

Важно также, что привлечение иностранного капитала требует обеспечения в крае льготных условий и упрощения процедур начала хозяйственной деятельности. К таким можно отнести право администрации края самостоятельно регистрировать предприятия с иностранными инвестициями и возможность формирования регионального залогового фонда с использованием части природных богатств края для обеспечения гарантий вложенных инвестиций.

Кроме того, необходимо было бы способствовать обеспечению благоприятных условий для иностранных инвесторов в области налогообложения, экспортно-импортных тарифов, валютного регулирования, защиты инвестиций и установления льготного режима хозяйственной деятельности в локальных свободных экономических зонах на территории края.

Таким образом, рассмотрев основные направления участия российской стороны в реализации Программы развития района реки Туманной, можно сделать вывод о том, что Россия задействовала свои силы лишь в осуществлении некоторых небольших проектов, которые, хотя и входят в общую Концепцию программы «Туманган», но не являются доминирующими. Причина этого состояла в отсутствии у российской стороны комплексной и полномасштабной концепции участия в «Тумангане», которая была бы одобрена администрацией Приморского края и принята федеральным прави-

¹⁷⁹ См.: Концепция российской части Программы развития бассейна реки Туманной (Программа TRADP UNIDO). Владивосток, 1996. С. 20.

тельством. Однако нельзя говорить об абсолютном отсутствии такой концепции, ибо приморским ученым все-таки удалось сформулировать основные положения участия России и Приморского края в Туманганском проекте. Реализация данных положений была невозможна из-за отсутствия официальной оценки значимости для России и Приморья Программы развития района реки Туманной и нет определенных основных направлений участия в ней.

Тем не менее, дальнейшее сотрудничество в рамках проекта «Туманган» можно охарактеризовать как благоприятное. Несмотря на отсутствие четко сформулированных и официально оформленных соглашений, в районе реки Туманной только за 1997 г. был осуществлён ряд международных проектов, направленных на формирование в районе необходимого уровня инфраструктуры, которая в свою очередь была призвана стать базой для развития его транзитно-транспортной и индустриальной специализации:

- февраль 1997 г. – открытие для пассажирских перевозок моста Вончжон, расположенного на китайско-северокорейской границе;
- апрель – май 1997 г. – начало транспортировки древесной щепы из Китая в Японию через порты Зарубино и Раджин;
- июль 1997 г. – открытие приграничной торговли на китайско-северокорейской границе, введение местной валюты, обменного курса и мер, стимулирующих развитие торговли, предпринимательства и делового сотрудничества;
- ноябрь 1997 г. – достижение соглашений между Россией и Китаем о формировании транзитного коридора между китайской провинцией Хэйлунцзян и портом Находка, который будет функционировать на основе низких транспортных тарифов и гарантий свободного транзита китайских грузов по российской территории, предоставленных российской таможенной. Также намечалось заключить подобное соглашение между провинцией Цзилинь и портом Зарубино.

Кроме того, в рамках сотрудничества в сфере осуществления Программы развития района реки Туманной был проведён ряд мероприятий, направленных на согласование разнонаправленных позиций участников проекта «Туманган». К таковым следует отнести, прежде всего:

- 15–21 января 1997 г. – состоялся семинар специалистов TRADP по вопросам транспорта, в ходе которого обсуждались вопросы гарантии иностранных инвестиций.

- 14–17 мая 1997 г. – во Владивостоке состоялось первое заседание Рабочей группы TRADP по вопросам защиты окружающей среды.

- 20–25 июня 1997 г. – в Яньцзы прошёл семинар по вопросам развития туризма в районе реки Туманной.

- 13–14 ноября 1997 г. – в Пекине прошло заседание Рабочей группы TRADP по вопросам транспорта. На нём, в частности, обсуждалась возможность открытия международного транспортного коридора, призванного связать южнокорейский порт Сокчхо с приграничной свободной торгово-экономической зоной Хуньчунь через порт Раджин.

- 16–18 ноября 1997 г. – в Пекине прошла третья межправительственная встреча в рамках Программы развития района реки Туманной. Участники встречи подписали документ, регулирующий развития проекта «Туманган» на период 1997–1999 гг. Кроме того, Республика Корея выделила один миллион американских долларов Трастовому фонду Программы для проведения дополнительных исследований в рамках проекта.

- 21–27 января 1998 г. – на семинаре в Пхеньяне обсуждались вопросы урегулирования налогового законодательства стран-участниц проекта «Туманган»;

- 22–24 июля 1998 г. – в Яньцзы состоялась заседание Рабочей группы Программы по вопросам туризма, на котором обсуждался план развития туризма в районе реки Туманной;

- 21–23 сентября 1998 г. – в Хуньчуне прошёл Международный инвестиционный форум по проблемам развития района реки Туманной.

В ходе сотрудничества в рамках Программы определённый интерес с точки зрения формулирования позиций её участников вызывает ряд встреч и конференций. Так, например, прошедший с 27 по 30 мая 1998 г. под эгидой администрации Приморского края, Организации по промышленному развитию при ООН (ЮНИДО) и ПРООН Международный инвестиционный форум носил достаточно представительный характер. В его работе приняли участие представители пятнадцати государств. Однако, несмотря на то, что форум проводился в процессе осуществления Туманганского проекта, основной его целью стало содействие российским предпринимателям со стороны исполнительной вла-

сти края в выходе со своими инвестиционными предложениями на мировой рынок.

В силу этого на форуме лишь опосредованно были затронуты проблемы «Тумангана». В частности, обсуждались проекты инвестирования реконструкции портов Восточный, Находка, Зарубино и Посыет, модернизация международного аэропорта Владивосток, развития железнодорожной сети юга Приморья и строительство новых пограничных переходов на российско-китайской границе.

По утверждению первого вице-губернатора Приморского края Н. Садомского, результаты работы форума можно было охарактеризовать как положительные. Однако данное утверждение справедливо только в той её части, которая не затрагивает Туманганские инициативы. Ибо в ходе работы форума иностранные инвесторы продемонстрировали сдержанное отношение к проекту «Туманган». Это наиболее наглядно проявилось в ходе состоявшейся после окончания работы форума поездки его участников в Находку. В целом иностранные предприниматели остались равнодушны к проектам организации транзита через порты Находки.

Другими важными событиями стали конференция по экономическому сотрудничеству в Северо-Восточной Азии и последовавшая за ней очередная межправительственная встреча. Обе состоялись в июле 1999 г. в Улан-Баторе. Основной темой, которая обсуждалась на данных совещаниях, стала проблема стимулирования процессов экономической внутрирегиональной интеграции в СВА путём усиления сотрудничества в рамках проекта «Туманган», который был призван сыграть роль фундамента для развития экономических и политических отношений между странами региона.

В ходе работы конференции и межправительственной встречи наиболее подробно обсуждалась проблема формулирования основных концептуальных направлений экономического сотрудничества в рамках Программы TRADP. В результате к числу таковых были отнесены: концентрация внимания на осуществлении проектов местного значения; улучшение отношений с основными инвесторами Программы, в том числе с крупными частными предпринимателями и международными финансовыми институтами; и признание важности развития региона Северо-Восточная Азия в контексте Программы развития района реки Туманной.

Кроме того, в рамках Туманганского проекта было предложено создать Инвестиционную корпорацию региона Северо-Восточная Азия / Тумангана (Northeast Asia/Tumen Investment Corporation (NEATIC)), основной целью которой должна была стать мобилизация фондов международного финансового рынка для инвестирования их в развитие инфраструктуры Туманганского региона.

Формулирование новых направлений развития межгосударственных отношений в районе Тумангана, по мнению участников данных совещаний, способствовало бы более успешным действиям в процессе осуществления приграничной торговли, формирования транзитно-транспортных коридоров и координации усилий, направленных на защиту окружающей среды¹⁸⁰.

Однако если концептуально страны-участницы проекта «Туманган» достигли определённого компромисса в вопросе практической реализации проекта, основываясь, прежде всего, на необходимости формирования транзитно-транспортного узла на территориях Северной Кореи и Приморского края, примыкающих к реке Туманной, то в сфере конкретных действий прослеживается некоторая несогласованность и разнонаправленность интересов. Наиболее чётко такая несогласованность проявилась в вопросе развития российского сектора TRADP и, прежде всего, порта в посёлке Зарубино.

Так, Китай, который считается страной, в наибольшей степени заинтересованной в получении транзитного коридора в районе реки Туманной, и который связывает развитие своих северо-восточных провинций с необходимостью получения выхода к морю, вовсе не спешит отправлять свои грузы через Зарубино. При создании в 1992 г. акционерного общества «Хасанский морской коммерческий порт» ориентировались главным образом на грузопотоки из развивающихся северокитайских провинций. По прогнозам только провинция Цзилинь могла бы дать Зарубино более 7,8 млн тонн груза в год. Транзит груза из Китая в Японию при этом осуществлялся бы в три раза быстрее.

Однако никакого прорыва китайских грузов через Хасанский порт не произошло. Все грузы, проходившие через него, оставались в своем большинстве российскими экспортными полуфаб-

¹⁸⁰ См.: Tumen Consultative Commission Meeting, June 1999. Доступно online <http://www.nautilus.org/aprenet/library/tumen/tumen.htm>

рикатами. И уже через три года после начала деятельности АО стало ясно, что китайских грузов порт не увидит еще долго¹⁸¹.

С тех пор назывались разные цифры планируемого грузопотока из Северо-Восточного Китая. Только на конференции в Ниингате в феврале 1996 г. китайская сторона впервые четко и ясно заявила о размере грузопотока и номенклатуре грузов, которые будут идти через порт в поселке Зарубино. На перспективу этот грузопоток должен был составить 7–8 млн тонн, в том числе зерна – до 3 млн тонн, щепы – до 0,5 млн тонн, угля – до 3 млн тонн, а также товары народного потребления и продукты питания¹⁸².

Однако следует учитывать тот факт, что китайское зерно не пользуется популярностью в странах Азиатско-Тихоокеанского региона в силу своего низкого качества. Эти и другие обстоятельства позволили приморским экспертам сделать вывод о том, что в ближайшие годы объем перевозок Северо-Восточного Китая не превысит 1–2 млн тонн в год¹⁸³.

В силу этого напрашивается вывод об отсутствии у китайской стороны системы каких-либо долговременных интересов в сфере развития морского порта в посёлке Зарубино (или какого-либо другого порта Южного Приморья).

Интерес вызывает также отношение Японии к южноприморским портам вообще к Хасанскому морскому коммерческому порту в поселке Зарубино, в частности.

Прежде всего, бросается в глаза то обстоятельство, что Японии попросту экономически невыгодно участвовать в развитии Хасанского порта. Так, в случае реализации идеи создания в районе поселка Зарубино мощного транспортного узла на пути из Монголии и Северо-Восточного Китая к Японскому морю, порт в заливе Посъет смог бы давать пополнения в казну не более 55 млн американских долларов. Но следует учитывать, что данная цифра является определенным идеалом, ибо получена, как заявил генеральный директор АО «Хасанский морской коммер-

¹⁸¹ См.: Пушкарев А. Хасанский порт еще кивнет «туманными» перспективами. Золотой рог. 1995. 22 августа.

¹⁸² См.: Huang Shuo. The Present Situation and Prospects of Hunchun Development // Материалы конференции по проекту на реке Туманной стран-участниц проекта. Ниингата, 1996. 7–9 февраля. Р., II-1-3 – II-1-4.

¹⁸³ Забровская Л.В. Россия и республика Корея: от конфронтации к сотрудничеству. Владивосток, 1996. С. 91.

ческий порт» А. Мельников, простым умножением планируемых 11 млн тонн груза (!) из Китая на действующие таможенные и налоговые тарифы¹⁸⁴. Реально же уровень прибыли, получение которых планируется в результате эксплуатации транзита из Китая и Монголии, будет гораздо ниже.

Между тем только реконструкция Хасанского порта с целью увеличения его мощностей до 3 млн тонн потребовала, как это уже указывалось выше, около 218,3 млн американских долларов. Причем инвестиции пришлось бы предоставлять в течение 10 лет до окончания срока модернизации порта в поселке Зарубино.

Однако даже если пренебречь подобными выкладками, нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что японская сторона не только не стремилась участвовать в развитии Хасанского порта, но и прилагала определенные усилия к недопущению этого. Так, авторы Концепции российской части Программы развития бассейна реки Туманной отмечают: «Нетрудно увидеть, что потенциальное развитие порта Зарубино как глубоководного представляется для Японии как потеря части международного трансокеанского грузопотока за счет исключения перегрузки на фидерные суда в глубоководных портах Японии. Таким образом, японский капитал будет не стимулировать развитие Хасанского порта, а заполнять вакуум с целью недопущения других инвесторов. Уже в имеющихся экономических расчетах японских специалистов умалется потенциальный грузопоток для порта Зарубино»¹⁸⁵.

Иллюстрацией этому утверждению может служить хотя бы тот факт, что руководство АО «Хасанский морской коммерческий порт» предлагало японскому институту ERINA разработать проект модернизации порта с целью увеличения грузопереработки до 14 млн тонн в год. Однако японская сторона в своих планах ограничила рост мощности порта 3 млн тонн в год. А в разработанном в 1996 г. по результатам исследований «Технико-экономическом обосновании проекта развития порта Зарубино» специалистами института ERINA прямо делается вывод в сторону политики сдерживания развития порта.

¹⁸⁴ См.: Утро России. 1996. 7 февраля.

¹⁸⁵ Концепция российской части программы развития бассейна реки Туманной (Программа TRADP UNIDO). Владивосток, 1996. С. 23.

Таким образом, и в отношении Японии можно сказать, что она не проявила заинтересованности в развитии Хасанского порта, видя в нем потенциальную угрозу своему контролю над международными транстихоокеанскими грузоперевозками.

Но если ни Китай, ни Япония не заинтересованы в развитии порта в поселке Зарубино, то логично предположить, что основное внимание с их стороны будет уделяться северокорейским портам, прилегающим к бассейну реки Туманной, и прежде всего, Раджину и Чхонджину.

Действительно, китайская сторона начала частично использовать северные порты КНДР. Так, стала функционировать автомобильная дорога, соединяющая Раджин и Хуньчунь. В 1995 г. по «большому контейнерному пути», как китайцы окрестили эту дорогу, были перевезены первые 20 тыс. контейнеров в 1996 г. Эта цифра составила 210 тыс. контейнеров¹⁸⁶.

Но назвать данные перевозки прорывом китайских грузов в сторону КНДР, по нашему мнению, все-таки нельзя. Причиной этому может служить хотя бы то обстоятельство, что порты Раджин и Чхонджин имеют слабое техническое оснащение. Так, обладающий хорошими глубинами Раджин имеет старое крановое оборудование, неважные подъездные пути, не оснащен хорошей связью, а также у него нет хорошего комплекса для переработки контейнерных грузов и угля. В то же время модернизация северокорейских портов потребовала бы гораздо больше инвестиций, чем модернизация южноприморских портов. В этой связи можно предположить, что порты Раджин и Чхонджин не смогут справиться с возлагаемыми на них функциями транзитного коридора. Поэтому они всегда рассматривались китайской стороной скорее в качестве запасного, по отношению к основному Хасанскому, варианта.

Отношение же Японии к Корейской Народно-Демократической Республике вообще и к ее портам в частности более чем определено. На конференции в Ниигате, проходившей с 6 по 9 февраля 1996 г., представитель японского министерства по международной торговле и промышленности Еичи Хасегава однозначно заявил, что японское правительство будет сотрудничать со всеми странами Северо-Восточной Азии, кроме КНДР. При-

¹⁸⁶ См.: Кудинов В. «Туманган» становится козырем Северной Кореи. Золотой рог. 1997. 21 января.

чина этого заключается в том, что у Японии с ней нет дипломатических отношений¹⁸⁷.

Таким образом, можно предположить, что и порты Северной Кореи, входящие в регион Программы развития района реки Туманной, также не планировались китайской и японской сторонами в качестве основных транзитно-транспортных узлов, которые должны были бы соединить Северо-Восточный Китай с Японским морем.

В этой связи возникает вопрос о форме, в которой должна быть реализована основная цель новой концепции проекта «Туманган» – создание транзитного коридора в районе реки Туманной на стыке границ России, Китая и Северной Кореи, что стало бы основой для развития экономических отношений в рамках данного региона.

Китайская сторона, согласившись на новую редакцию Туманганского проекта, поставившую своей основной задачей развитие, прежде всего, сопредельных территорий в районе бассейна реки Туманной, а не создание единой международной свободной экономической зоны в дельте реки, не отказалась от своих стремлений создать в данном районе свой собственный морской порт. Так, китайские политологи, оценивая ситуацию с процессом осуществления проекта «Туманган», указывают на то, что «огромным потенциалом обладает конгломерат портов в районе. Поэтому большое внимание необходимо уделить развитию порта Фанчуань в устье Тумангана (18 км до выхода в море)», который, по их мнению, имеет «исключительно удачное расположение, природное и стратегическое»¹⁸⁸. В силу этого основные устремления китайской стороны направлены, прежде всего, на создание в рамках проекта «Туманган» таких условий, которые бы в наибольшей степени отвечали её интересам.

В свою очередь, японская сторона всегда сохраняла сдержанное отношение к Туманганскому проекту. Её участие ограничивалось главным образом локальными проектами. При этом Япония, оставаясь главным инвестором Программы развития района реки Туманной, строго придерживалась заданной схемы

¹⁸⁷ Материалы конференции по проекту на реке Туманной стран-участниц проекта. Ниингата, 1996. 7–9 февраля. С. V-7-3.

¹⁸⁸ Китайские политологи о положении в России и о российско-китайских отношениях // Экспресс-информация ИДВ РАН. 1996. № 2. С. 98.

поведения, которая определялась набором её экономических и политических интересов. Концептуальную основу данной схемы составила идея Япономорской интеграции, базирующаяся на принципах вертикального разделения труда. Это значит, что изначально японская сторона в проекте «Туманган» ориентировалась не на создание какого-либо транзитно-транспортного узла, а на формирование промышленного центра, специализирующегося на переработке наличествующих в регионе природных ресурсов.

Итак, в 1994 г. концепция Программы развития района реки Туманной претерпела определённые изменения, суть которых заключалась в переориентации с создания международной свободной экономической зоны в устье реки на развитие сопредельных территорий. Такая концептуальная переоценка детерминировала не только количественные, но и качественные изменения в проекте. Так, если первоначально основной упор делался на промышленное развитие бассейна реки Туманной, то во втором случае основное внимание уделялось внутрирегиональному сотрудничеству на основе транзитной торговли.

Между тем функциональное наполнение района дельты реки Туманной не претерпело никаких изменений. Если оценивать данный регион с точки зрения геополитических параметров, то необходимо заметить, что он сохранил свое ключевое значение. Конечно, лишившись своего структурного ядра, на роль которого первоначально претендовала Экономическая зона реки Туманной, регион приобрёл неопределённый и размытый характер. Но в то же время регион сохранил все особенности, делающие его ключевой геостратегической точкой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошедшие 90-е гг. XX века были сопряжены с серьезными подвижками как в системе политических отношений Российской Федерации, так и в мировой системе межгосударственных отношений. В этот период происходило формулирование новых подходов к проблеме отношений между ведущими державами мира, переосмысление сложившихся ценностей и ориентиров, отказ от однозначного толкования внешнеполитических устремлений. Естественно, что глобальные процессы не могли не затронуть и такого региона, как Северо-Восточная Азия. Регион с целым комплексом внутренних противоречий, регион, во многом насильственно разделенный на противоборствующие группировки, в конце ушедшего века получил как бы второе дыхание. Страны, его составляющие, стали в большей степени ориентироваться на отношения друг с другом, рассматривать друг друга не в качестве вероятных противников, а в качестве соседей, с которыми необходимо строить дружеские отношения вне зависимости от их идеологических и политических пристрастий, потому что от этого зависит безопасность региона.

90-е гг. демонстрируют нам с одной стороны увеличение экономического и политического сотрудничества между странами Северо-Восточной Азии. Здесь и установление дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея, и целый комплекс мероприятий (не доведенных, правда, до логического конца) по сближению между государствами Корейского полуострова, снижение конфронтационного противостояния России с Китаем и России с Соединенными Штатами Америки. Однако, с другой стороны, мы наблюдаем увеличение степени нестабильности в регионе, которая вполне может вылиться в какой-либо конфликт по Иракскому типу.

Наиболее наглядным примером развития отношений между странами Северо-Восточной Азии в 90-е гг. XX в. является, пожалуй, проект «Туманган». Изначально он представлял собой совершенно новую форму межгосударственного сотрудничества. Еще бы, трудно отыскать на карте мира трансграничный экономический регион, совокупная мощь которого равнялась бы Гонконгу или Сингапуру. Сложно представить себе, как сопредельные страны такие разные по сути смогли бы договориться о

формировании такого региона. Как ведущие страны СВА смогли поддержать финансово и политически такой регион? Тогда в начале 90-х это считалось возможным.

Однако объективные геополитические закономерности, диктующие логику поведения государств на мировой арене, четко указали на весь комплекс внутрирегиональных противоречий. Проект «Туманган», как лакмусовая бумажка, проявил геополитические устремления всех стран, составляющих СВА, и показал, в каком направлении развиваются и будут развиваться их национальные интересы.

В этом ключе изучение отношений между странами региона Северо-Восточная Азия в рамках проекта «Туманган» представляется крайне важным.

Изучив весь комплекс современных геополитических теорий, господствующих как в системе российской политологии, так и в сфере зарубежной политической науки, проведя основанное на теоретических и методологических моделях геополитики исследование геополитической ситуации в таком регионе земного шара, как Северо-Восточная Азия, рассмотрев и проанализировав всю совокупность имеющегося фактологического материала, затрагивающего такой важный внутрирегиональный процесс, как процесс реализации Программы развития района реки Туманной, можно сделать ряд выводов.

1. Значение геополитической теории в современной политической науке и, особенно, в сфере международно-политического анализа увеличивается. Это связано, прежде всего, с теми качественными изменениями, которые стали реальностью в современный период развития геополитики. В системе геополитических знаний произошёл отказ от ориентации на те концепции, которые, объясняя ситуацию в современной мировой политической системе, отталкивались от идеологических детерминант. Начала проследиваться тенденция к построению анализа политической ситуации, опираясь, прежде всего, на какие-либо объективные закономерности. Результатом стало формирование специфической сферы политологии, которая не просто описывала политическую ситуацию с точки зрения доминирующих в каком-либо научном сообществе идеологем, а пыталась на основе имеющейся теоретической базы объяснить происходящие политические процессы.

В этой связи геополитика на современном этапе представляет собой сложившуюся сферу научных знаний, обладающую своей специфической методологической базой, и направленную на изучение зависимости происходящих международно-политических процессов от определённой совокупности географических, прежде всего, пространственных характеристик.

2. Теоретический и методологический фундамент геополитики был заложен в XIX в. Основываясь на нём, современная геополитическая наука строит свои воззрения. Данное утверждение во многом справедливо и для такой сферы геополитической теории, как прикладной геополитический анализ, который направлен на рассмотрение международно-политических процессов не глобального, а регионального уровня. Специфика данной сферы геополитики состоит в том, чтобы вычленив основные закономерности формирования системы отношений между государствами или отдельными частями государств в рамках ограниченного географического пространства, а также проследить особенности складывания такого геополитического феномена, как геополитический регион. В этой связи геополитический анализ можно рассматривать как самостоятельное направление геополитической теории, которое опирается на теоретические и методологические основы геополитики и стремится к объективному изучению действительности.

3. Применение комплексных моделей геополитического анализа к исследованию системы международных отношений в конкретном географическом регионе имеет значительные преимущества перед анализом экономического и политического характера, ибо даёт возможность не только рассмотреть все сферы внутрирегиональных отношений, но и вычленив имеющиеся взаимосвязи между этими сферами. В частности, геополитический анализ системы отношений в таком регионе, как Северо-Восточная Азия, позволяет поднять комплексность исследований с уровня изучения направленности внешней политики государств, составляющих данный регион, до уровня рассмотрения всей системы отношений в рамках региона, учитывая также ряд детерминант географического и цивилизационного характера. В результате всестороннего изучения геополитической ситуации в СВА можно сделать вывод о том, что данный регион переживает первоначальный этап складывания той системы отношений, которая ха-

рактерна для процесса формирования геополитического региона. Данный процесс проявляется:

- в усилении зависимости между политическими позициями стран СВА и такими проблемами регионального характера, как вопрос по урегулированию отношений на Корейском полуострове и тайваньская проблема, которые выступают в качестве наиболее важных внутрирегиональных проблем и детерминируют протекание всех политических процессов в Северо-Восточной Азии;

- в переориентации вектора геополитических интересов стран СВА с внерегионального на внутрирегиональное направление. Это значит, что во внешней политике большинства стран региона контакты с соседними по СВА государствами играют всё более важную роль;

- в расширении сферы контактов между странами региона. Необходимо заметить, что расширение внутрирегиональных контактов особенно на современном этапе наблюдается даже между такими старыми антагонистами, как Корейская Народно-Демократическая Республика и Республика Корея;

- в появлении целого комплекса научных концепций, обосновывающих необходимость углублению внутрирегиональной интеграции. Значимость данной характеристики состоит в том, что появление данных концепций формирует идеологическую среду, в которой происходит процесс налаживания отношений между странами СВА. Для исследуемого региона наиболее значимыми интеграционными концепциями являются концепция «Кольцо Жёлтого моря и Бохайского залива» и концепция «Кольцо Японского моря».

4. Единственной формой практической реализации концепций региональной интеграции остается проект многостороннего сотрудничества – Программа развития района реки Туманной (проект «Туманган»), которая подразумевает необходимость формирования некоего «полюса роста» в районе, географически охватывающим пространства, примыкающие к бассейну реки Туманной.

Внимание к району бассейна реки Туманной связано с его уникальным геополитическим положением. Данный район является географическим центром Северо-Восточной Азии, кроме того, он выступает в качестве прибрежного района, где на не-

большой территории сходятся границы трёх государств – России, Китая и Северной Кореи. В силу его геополитической значимости бассейн реки Туманной будет оставаться объектом геополитических интересов большинства стран СВА и, следовательно, ещё продолжительное время будет выступать в качестве предмета их внешней политики. Таким образом, этот район можно рассматривать как точку пересечения интересов стран региона.

В этой связи геополитическое значение проекта «Туманган» определяется тем, что он выступает в качестве институционализирующего элемента. Это значит, что проект был направлен на то, чтобы в максимально полной степени использовать уникальное геополитическое положение района бассейна реки Туманной для стимулирования внутрирегиональных интеграционных процессов. Сочетание географических достоинств региона с системой политических и экономических отношений, стимулированных благоприятным набором условий внутрирегионального сотрудничества, является основной для формирования некоего экономического района, который призван стать региональной детерминантой, определяющей и направляющей всю совокупность отношений между государствами СВА. Иными словами, проект «Туманган» был попыткой сформировать так называемую ключевую геостратегическую точку, которая играла бы роль важнейшего фактора региональной геополитики.

В силу этого форма реализации проекта «Туманган» не будет иметь решающего значения. Как модель формирования самостоятельной Экономической зоны реки Туманной, которая рассматривалась на первом этапе процесса реализации Программы развития района реки Туманной, так и модель координации действий по экономическому развитию трёх сопредельных территорий, примыкающих к району реки Туманной, которая была принята на вооружение позднее, призваны решить один и тот же набор задач, а именно: стимулировать внутрирегиональные интеграционные процессы.

5. Вопрос участия России и Приморского края в процессе реализации проекта «Туманган» в этой связи имеет большое значение. Анализ имеющихся материалов позволяет сделать вывод о том, что расширение сотрудничества России со странами Северо-Восточной Азии в рамках Программы развития района реки Туманной характеризуется как положительными, так и отрицатель-

ными последствиями. Положительные последствия могли быть выражены в том, что Россия и Приморский край смогли бы:

- подключиться к процессам развития международного политического и экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии;
- стимулировать развитие экономики Приморского края и в последующем всего Дальнего Востока путём повышения уровня инфраструктурной обеспеченности;
- активизировать получение иностранных инвестиций как для создания и реконструкции необходимой транспортной инфраструктуры в рамках Туманганского проекта, так и для развития сферы добычи и переработки природных ресурсов;
- создать необходимую экспорториентированную производственную базу.

Между тем реализация концепций Туманганского проекта могла бы привести к превращению Дальневосточного региона в источник сырья и полуфабрикатов, которые использовались бы другими участниками проекта. Это могло стать причиной консервации нерациональной промышленной структуры региона с повышенной долей добывающих отраслей, окончательного закрепления его сырьевой специализации. В этой связи в региональной системе разделения труда российская сторона сможет претендовать лишь на ограниченную роль источника сырья.

Участие в реализации проекта «Туманган» вскрыло ряд слабостей российской стороны, например, освоение слабо развитого в экономическом отношении юга Приморского края, что, в свою очередь, подразумевает вложение значительных средств. На первоначальном этапе большую часть этих средств должны были составить не иностранные инвестиции, а капиталовложения российской стороны и, прежде всего, конечно, со стороны государства. Фактически же выделяемые на участие в проекте средства пошли бы в международный консорциум и оказались задействованы, прежде всего, в международных, а не национальных программах экономического развития. Результатом этого стало бы распыление Россией имеющихся финансовых ресурсов и недополучение значительной части прибыли.

Формирование в районе бассейна реки Туманной и в прилегающих к нему территориях особой системы отношений, стимулирующих развитие транзита грузов из Северо-Восточного Китая через

порты Области экономического развития реки Туманной, могло также стать причиной отвлечения значительной части транзитного грузопотока, идущего по Транссибирской магистрали, вызвав тем самым сокращение прибылей от предоставления транспортных услуг.

Кроме того, большую опасность представляли также положения концепции Туманганского проекта о возможности привлечения значительного числа рабочей силы из Китая и Северной Кореи к строительству промышленных предприятий и созданию необходимой инфраструктуры в рамках проекта. Это могло вызвать неконтролируемую миграцию, главным образом китайского населения, на пустующие территории Приморского края и всего Дальнего Востока, что коренным образом изменило бы этнический и демографический состав Приморья и Приамурья. Это, в свою очередь, в сочетании с наличием идеологической обработки населения КНР по вопросу о правомерности культурно-территориального освоения Китаем российских дальневосточных пространств, могло создать условия для возобновления территориальных притязаний КНР к России.

Важно также не упускать из вида того факта, что промышленное развитие Хасанского района в рамках Программы развития района реки Туманной неизбежно могло привести к серьезному ухудшению экологической обстановки в регионе. Отсутствие в южной части Приморского края крупных промышленных предприятий позволило сохранить его уникальную природную среду. Кроме того, под угрозой оказались бы богатейшие биологические ресурсы прибрежной акватории, имеющие большое народно-хозяйственное значение. Этот вопрос сегодня встал в связи с сооружением нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан», восточной оконечностью которого по одному из вариантов должна быть бухта Перевозная.

В конце XX века проект «Туманган» стал серьезным вызовом российской экономической системе, обнажив целый комплекс проблем. В условиях социально-экономической нестабильности России в лице ее восточных регионов пришлось сдерживать напор поднимающих голову азиатских драконов. Только в силу наличия серьезных противоречий между странами Северо-Восточной Азии удалось отстоять экономическую целостность государства. «Туманган» перестал быть первостепенной проблемой, но проблемы, вскрытые проектом, остались и еще ждут своего решения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Межгосударственные соглашения и документы Правительства Российской Федерации

1. Об участии Российской Федерации в реализации проекта Программы развития ООН «Программа развития бассейна реки Туманной»: Постановление Правительства РФ, 17 июля 1995 г. № 732 // СЗРФ. 1995. № 30.

2. О взаимопонимании по руководящим принципам охраны окружающей среды в районе экономического развития бассейна реки Туманной в Северо-Восточной Азии: Меморандум, 6 декабря 1995 г. Нью-Йорк // Текущий архив администрации Приморского края.

3. О создании Консультативной комиссии по развитию района экономического развития бассейна реки Туманной и Северо-Восточной Азии: Соглашение, 6 декабря 1995 г. Нью-Йорк // Текущий архив администрации Приморского края.

4. О создании Координационного комитета по развитию района экономического развития бассейна реки Туманной: Соглашение, 6 декабря 1995 г. Нью-Йорк // Текущий архив администрации Приморского края.

II. Концептуальные материалы и документы

5. Дальний Восток – возможности сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона // Экономист. 1996. № 6.

6. Инициативы Японии в отношении США, Китая и России. Япония и международное сообщество в век информационной революции (Политические рекомендации Японского форума международных отношений 1998–1999) // Институт Дальнего Востока РАН. Экспресс-информация. № 8. М., 1999.

7. Интересы России в Северо-Восточной Азии: Доклад Института Дальнего Востока РАН // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 3.

8. Китайские политологи о положении в России и о российско-китайских отношениях // Институт Дальнего Востока РАН. Экспресс-информация № 2. М., 1996.

9. Национальные интересы России в АТР: безопасность, сотрудничество // Институт Дальнего Востока РАН. Информационный бюллетень № 6. М., 1998.

10. Перспективы развития Приморского края в контексте геостратегических и экономических интересов России // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 1.

III. Статистические данные

11. Край реально вступил в рыночные отношения. О социально-экономическом положении Приморского края в 1993 г. // Красное знамя. 1994. 2 февраля.

12. Приморский край. Уроки рыночных реформ. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 310 с.

13. Приморский край в 1993 г. (статистический ежегодник). Госкомстат России. Приморский краевой комитет государственной статистики. Владивосток, 1994. 244 с.

14. Приморский край в 1997 г. (статистический ежегодник). Госкомстат России. Приморский краевой комитет государственной статистики. Владивосток, 1998. 232 с.

15. Приморье в цифрах в 1995 г. (краткий статистический сборник). Госкомстат России. Приморский краевой комитет государственной статистики. Владивосток, 1996. 45 с.

16. Социально-экономическое развитие свободной экономической зоны в 1995 г. Госкомстат России. Приморский краевой комитет государственной статистики. Владивосток, 1996. 61 с.

17. Спад замедлился, до стабилизации ещё далеко. Социально-экономическое положение Приморского края в 1995 г. // Утро России. 1996. 30 января.

18. Статистические данные по Программе развития региона Туманган. Миссия в рамках Программы развития региона Туманган. Сан-Франциско, апрель 1993.

IV. Документы и материалы Программы развития района реки Туманной

19. Генеральный план развития транспортного сектора. Программа развития региона Туманган. Программа развития ООН, Сан-Франциско, апрель 1993 г.

20. Дин Шишэн. Финансовая стратегия развития района Тумэньцзян в международном торговом сотрудничестве / Генеральное консульство Российской Федерации в Шэньяне, 27 марта 1995. № 20. Исх. № 131.

21. Концепция российской части Программы развития бассейна реки Туманной (Программа TRADP UNIDO). Владивосток, 1996.

22. План комплексного развития систем связи в регионе Туманган. Программа развития региона Туманган. Программа развития ООН. Сан-Франциско, апрель 1993.

23. Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 гг. Москва, 1996.

24. The strategic plan for economic growth in Primorsky kraj. Engineering consulting firms association. Japan, 1994.

25. Shoichi Kobayashi, Deputy Chairman. Free Economic Zones in the North-East Asia Region: Материалы к докладу на конференции во Владивостоке. Владивосток, 1992.

V. Аналитические материалы и документы

26. Александров А.В. Перспективы регионального (прибрежного, приграничного) сотрудничества Дальней России и Японии: регионализм и азиатско-тихоокеанская интеграция в японской внешней политике (тезисы). Владивосток, 1992.

27. Александров А.В., Дементьев А.Ю. «Программа развития района реки Туманган»: цели, структура, история развития, перспективы. Информационно-аналитическая справка. Владивосток: ДВГУ, Восточно-Российский аналитический центр «Тихоокеанская эра». 1993.

28. Александров А.В., Саначёв И.Д. Проект Туманган: национальные интересы России и роль Приморского края (тезисы). Владивосток, 1993.

29. Бланшар Ж.-М. Китайский национализм и Программа развития бассейна р. Тумэнь: Доклад представлен на ежегодном собрании Американской Ассоциации политических наук, секция по Тумэньскому проекту. Сан-Франциско, 29 августа – 1 сентября 1996 г.

30. Данилов В.Е. Отчёт об участии в работе международной конференции «Экономическое развитие стран Северо-Восточной Азии и проблемы регионального экономического сотрудничества» / Генеральное консульство Российской Федерации в Шэньяне, 26 июля 1994. № 4. Исх. № 154.

31. Информация о конференции «Развитие г. Хуньчуня и международное экономическое сотрудничество в Северо-Восточной Азии». г. Хуньчунь, 4–8 августа 1992 г.

32. Киршбак. Развитие торговли в Северо-Восточной Азии в контексте Программы развития экономической зоны Туманган. Июль, 1992.

33. Кургиян С., Бардахчиев Ю., Дмитриев М. Россия и проект «Туманган». Проблемы экономической безопасности страны: Доклад на клубе «Содержательное единство» 14 марта 1996 г. М., 1996.

34. Оценка возможностей развития порта Фанчуань, провинция Цзилинь, КНР. Информационно-аналитическая справка. Представительство ПРООН в КНР. Пекин. 1997.

35. Портяков В.Я. Информация о конференции «Проект развития дельты р. Тумэнь: проблемы и роли сотрудничества». Гонконг, 12–14 ноября 1992 г.

36. Процессы экономической интеграции в Северо-Восточной Азии и их значение для Российского Дальнего Востока. Информационно-аналитическая справка / Российский институт стратегических исследований. М., 1996.

37. Цзи Чжие. О китайско-российском сотрудничестве в СВА: Материалы для научной конференции. Август 1997 г.

38. David Husband. New Directions for the Tumen Programme. The Northern Asia economic forum, July 29, 1998.

39. Quan Longwan. Construction of the Land-Sea Corridor: Promoting Cooperation and Exchange in the Tumen Region. Tumen Secretariat, UNDP, 1998.

40. Lee-Jay Cho. Regional Economic Cooperation and Integration in Northeast Asia for the Twenty-First Century. Tumen Secretariat, UNDP, 1998.

41. H.E. Gavaagyn Batkhoo. Government Priorities in Regional Economic Cooperation. Tumen Secretariat, UNDP, 1998.

VI. Материалы и документы совещаний и конференций, прошедших в рамках Программы развития района реки Туманной

42. Афанасьев Ю.А., Кошевой Ю., Моргачёв О. Отчёт делегации России об участии в совещании Рабочих групп по юридическим и финансовым вопросам проекта ПРООН «Комплексное развитие бассейна реки Туманган». Нью-Йорк, 22–24 февраля 1993 г.

43. Бутаков В.А., Загумённых А.Г. Отчёт о командировке в г. Хельсинки (Финляндия) делегации Приморского края. Март, 1993 г.

44. Бутаков В., Моргачёв О., Кошевой Ю. Отчёт делегации России об участии в совещании Рабочей группы и Комитета по управлению Программой проекта ПРООН по развитию бассейна реки Туманган. КНДР. Пхеньян. 5–10 мая 1993 г.

45. Второе заседание Комитета по управлению Программой (РМС II). Организационные структуры и финансы. Китайская Народная Республика, Пекин. Октябрь 1992 г.

46. Вторая встреча Комитета по управлению Программой (РМС II). Торговля, ресурсы и статистические данные. Китайская Народная Республика, Пекин. Октябрь 1992 г.

47. Протоколы. Юридическая и финансовая рабочая встреча. Нью-Йорк. 22–24 февраля 1993 г.

48. Протоколы. Программа развития региона Туманган. Второе заседание Комитета по управлению Программой. КНР. Пекин, 9–11 октября 1992 г.

49. Юридическая и финансовая рабочая встреча. Протоколы. Нью-Йорк, 1993. 22–24 февраля.

50. Материалы конференции по проекту на реке Туманной стран-участниц проекта. Ниигата, 1996. 7–9 февраля.

51. Материалы Девятого экономического форума стран Северо-Восточной Азии. Тяньцзинь, 26–27 октября 1999 г.

52. Tumen Consultative Commission Meeting, June 1999.

53. Advancing Regional Cooperation in the Northeast Asia Conference and Tumen River Area Development Program Consultation Commission Meeting, Mongolia 9 – 10 June. // ERINA Report. 1999. Vol. 29.

VII. Теоретико-методологическая литература

54. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и её геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999. 256 с.

55. Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии: В 2 т. СПб.: Типография Бокрама Ю.А., 1863. Т. 1. Ч. 1. 574 с.

56. Гегель Г.В.Ф. Географическая основа всемирной истории // Соч.: В 14 т. М.-Л.: Соцэкгиз, 1935 – 1937. Т. 8. 470 с.

57. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.

58. Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4.

59. Мечников Л.И. Цивилизации и великие исторические реки. М., 1995.

60. Монтескье Ш.-Л. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. 799 с.

61. Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю 1660–1783 гг. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra fantastica, 2002. 634 с.

62. Ратцель Ф. Народоведение (антропогеография) // Классика геополитики, XIX век: Сб. / Сост. К. Королев. М.: «Издательство АСТ», 2003. 718 с.

63. Ратцель Ф. Человечество как жизненное явление на земле. М.: Книжное дело, 1901. 508 с.

64. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.

65. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.

66. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.

67. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. 426 с.

68. Cohen S.B. Geography and Politics in a Divided World. London, 1964. 348 p.

69. Mackinder H. Democratic Ideals and Reality. New-York, 1944. 256 p.

70. Spykmen N.J. America's Strategy in World Politics. New-York: Harcourt, Brace, 1942. 500 p.

71. Spykmen N.J. The Geography of the Peace. New-York: Harcourt, Brace, 1944. xii, 66 p.

72. Strausz-Hupe R. Geopolitics: The Struggle for Space and Power. New-York, 1972. 230 p.

VIII. Монографические исследования

73. Андрианова Т.В. Геополитические теории XX в. (социально-философское исследование). М.: ИНИОН, 1996. 85 с.

74. Арин О. Азиатско-Тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. М.: Флинта, Наука, 1997. 435с.

75. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М.: Изд-во московского университета, 1997. 480 с.

76. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М.: МОНФ, 1997. 352 с.

77. Внешняя политика и дипломатия стран Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: Научная книга, 1998. 215 с.

78. Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций. Вып. 3. Война и геополитика / Науч. ред. Н.С. Розов. Новосибирск, 2003. 572 с.

79. Гаджиев К.С. Введение в геополитику. М.: Логос, 1998. 416 с.

80. Он же. Геополитика. М.: Международные отношения, 1997. 384 с.

81. Гейден Г. Критика немецкой геополитики. М.: Международные отношения, 1960. 384 с.

82. Геополитика: теория и практика: Сб. ст. / Под ред. Позднякова Э.А. М., 1994. 350 с.

83. Геополитические и геоэкономические проблемы России. СПб., 1995. 256 с.

84. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 167 с.

85. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997. 608 с.

86. Жириновский В.В. Геополитика и русский вопрос. М., 1998. 496 с.

87. Забровская А.В. Россия и Республика Корея: от конфронтации к сотрудничеству. Владивосток, 1996. 128 с.

88. Зюганов Г.А. География победы: основы российской геополитики. М., 1997. 450 с.

89. Ковалкин В. Россия в новых геополитических реалиях на пороге XXI в. М.: Институт международного права и экономики, 1996. 58 с.

90. Колосов В.А. Политическая география. Проблемы и методы. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. 190 с.

91. Костюнина Г.М. Азиатско-Тихоокеанская экономическая интеграция. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет), «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 208 с.

92. Кюзаджян Л.С. Безопасность и сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 1995. 52 с.

93. Он же. Новые подходы к сотрудничеству в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: ИНИОН, 1996. 56 с.

94. Митрофанов А.В. Шаги новой геополитики. М., 1997. 230 с.

95. Михайлов Т.А. Эволюция геополитических идей. М.: Изд-во «Весь мир», 1999. 184 с.

96. Моджорян А.А. Геополитика на службе военных авантюров. М., Международные отношения, 1974. 192 с.

97. Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М.: Конкорд, 1996. 151 с.

98. Островский А.В. Тайвань накануне XXI века. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 223 с.

99. Перспективы Дальневосточного региона. Межстрановые взаимодействия. М.: Московский центр Карнеги, 1998. 450 с.

100. Петровский В.Е. Азиатско-тихоокеанские режимы безопасности после «холодной войны»: эволюция, перспективы российского участия. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 264 с.

101. Плешаков К. Геоидеологическая парадигма (взаимодействие геополитики и идеологии на примере отношений между СССР, США и КНР в континентальной Восточной Азии 1949–1991 гг.). / Российский научный фонд. Научные доклады. М., 1994. Вып. 21. 345 с.

102. Поздняков Э.А. Геополитика. М.: «Прогресс» – «Культура», 1995. 187 с.

103. Он же. Системный подход и международные отношения. М.: Наука, 1976. 157 с.
104. Проблемы обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: Научная книга, 1999.
105. Разуваев В.В. Геополитика постсоветского пространства. М.: Институт Европы РАН, 1993. 56 с.
106. Россия и Корея в меняющемся мире: Научно-практическая конференция 3 сентября 1997 г. М.: МОНФ, 1997. 176 с.
107. Системная история международных отношений: В 4 т.: События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А.Д. Богатуров. Т. 3. События 1945–2000. М.: Московский рабочий, 2000. 570 с.
108. Современные буржуазные теории международных отношений: критический анализ. М.: Наука, 1976. 486 с.
109. Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996. 168 с.
110. Титаренко М.Л. Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и межцивилизационных отношений: Сб.. М.: Кучково поле, 1994. 320 с.
111. Он же. Россия лицом к Азии. М.: Республика, 1998. 320 с.
112. Хонг Ван Сук. Геостратегия России и Северо-Восточная Азия. М.: Научная книга, 1998. 214 с.
113. Чой Сеонг-Аэ. Эволюция отношений России с государствами Северо-Восточной Азии (80–90-е гг. XX в.). М.: Научная книга, 1998. 210 с.

IX. Статьи, тезисы

114. Бакланов П.Я. Экономико-географические и геополитические предпосылки интеграционных отношений и процессов // Известия Российской Академии наук. Сер. географическая. 1996. № 6.
115. Воскресенский А. Китай во внешнеполитической стратегии России // Свободная мысль. 1996. № 1.
116. Гаджиев К.С. Геополитика: история и современность // Полис. 1996. № 2.
117. Гайкин В.А. Туманган: из прошлого в будущее // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 1999. № 1.

118. Он же. Японский проект «Туманган» 1907 – 1909 гг. или «Черный ход на материк» // Вестник ДВО РАН. 1995. № 6.

119. Гельбрас В. О восточной политике России // Pro et contra. 1998. Зима.

120. Он же. Китай в восточной политике России (суждения и оценки) // Полис. 1997. № 4.

121. Даниленко И.С. Геополитика и безопасность // Кентавр. 1994. № 2.

122. Жеребилов В.А. «Туманган» // Бюллетень иностранной коммерческой информации. 1995. № 16. 14 февраля.

123. Забровская А.В. Проект «Туманган»: взгляд из Приморья // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 1.

124. Иванчиков А. Экономическая интеграция в Северо-Восточной Азии: тенденции в торговой взаимозависимости // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 4.

125. Ильин М.В. Геохронополитика – соединение времени и пространства. // Вестник Московского университета. Сер. 12, политические науки. 1997. № 2.

126. Киёко Исио. Перспективы реализации плана развития бассейна р. Туманган // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 1999. № 1.

127. Коркунов Н. О проекте свободной экономической зоны «Туманган» на территории России, Китая и КНДР // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 3.

128. Он же. Российско-китайские внешнеэкономические связи // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 6.

129. Костюнина Г. Россия и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Дальний Восток России. 1997. № 1.

130. Кюзаджян Л.С. Безопасность и сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 1995. 52 с.

131. Он же. Тихоокеанское направление внешней политики России // Россия и современный мир. 1997. № 3 (16).

132. Лавров С.Б. Геополитика – возрождение запрещённого направления // Известия Русского географического общества. 1993. Т. 125. Вып. 4.

133. Ларин В.Л. Дальний Восток России и проблемы безопасности в Восточной Азии // Вестник ДВО РАН. 1995. № 6.

134. Он же. Международная конференция в Чанчуни // Россия и АТР. 1993. № 2.

135. Лесков М.А. Концепция «точек развития» и её значение для национальной безопасности // Безопасность. 1996. № 3–4 (33).

136. Ли Цзинь-Вэнь. Новое направление в экономическом развитии Китая – перспективы развития экономической зоны Бо-хая // Гуманитарные науки. 1996. № 1 – 2.

137. Ли Чанцзю. Ускорение шагов регионального экономического сотрудничества // Еженедельник «Ляован». 1995. № 3. 16 января.

138. Лурье С.В., Казарян Л.Г. Принципы организации геополитического пространства (введение в проблемы на примере Восточного вопроса) // Общественные науки и современность. 1994. № 4.

139. Мартон Э., Макги Т., Патерсон Д. Экономическое сотрудничество в Северо-Восточной Азии // Некоторые актуальные вопросы Северо-Восточной Азии (российские отношения безопасности, российско-японские отношения, программа развития реки Тумэньцзян). Информационные материалы Института Дальнего Востока РАН. Экспресс-информация № 2. М., 1994.

140. Мейер П. Ф. Российские отношения безопасности с Восточной Азией // Некоторые актуальные вопросы Северо-Восточной Азии (российские отношения безопасности, российско-японские отношения, программа развития реки Тумэньцзян). Информационные материалы Института Дальнего Востока РАН. Экспресс-информация № 2. М., 1994.

141. Мясников В.С. Положение в сфере безопасности в Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 5.

142. Национальный интерес (заочный круглый стол) // Полис. 1995. № 1.

143. Огава Кадзио. Перспективы развития экономического сотрудничества в зоне Японского моря // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 4.

144. Осипчук С.Ю. К оценке проекта «Туманган» // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, сотрудничество. 1999. № 1.

145. Павлятенко В. Российский Дальний Восток в системе отношений России со странами СВА // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 4.

146. Плешаков К. Геополитика в свете глобальных перемен // Международная жизнь. 1994. № 10.

147. Подберёзкин А. И. Геостратегическое положение и безопасность России // Свободная мысль. 1996. № 7.

148. Проблемы российской геополитики (круглый стол) // Вестник Московского университета. Сер. 12, социально-политические исследования. 1994. № 6.

149. Разуваев В.В. О понятии «геополитика» // Вестник Московского университета. Сер. 12, социально-политические исследования. 1993. № 4.

150. Родионов А. Перспективы создания экономической зоны Японского моря // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 1.

151. Саначев И.Д., Голодинкина С.О. Северо-Восток Китая и Российский Дальний Восток: «глобальные» последствия региональной интеграции // Китай в мировой политике / Отв. ред. А.Д. Воскресенский. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 528 с.

152. Семёнов В. Геополитика как наука // Власть. 1994. № 8.

153. Сиро Сайто. Регионализм в Восточной Азии: план поэтапной экономической интеграции // АТЭС: состояние и перспективы развития. Институт Дальнего Востока РАН. Экспресс-информация № 9. М., 1996.

154. Титаренко М.Л. Северо-Восточная Азия после «холодной войны» и интересы России // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 7.

155. Тихомиров В.Б. Геополитическая галактика: самоорганизованность периодической системы государств мира // Вестник Московского университета. Сер. 18, социология и политология. 1996. № 4.

156. Того Такэхиро. Японо-российские отношения // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 1.

157. Хэ Цзянь. Перспективы экономической интеграции в Северо-Восточной Азии // Российский экономический журнал. 1993. № 8.

158. Ци Чжие. Китайско-российское сотрудничество в Северо-Восточной Азии. // IV Российско-китайская научно-практическая конференция (Москва 25–26 августа 1997 г.). перспективы

отношений России с Китаем. Институт Дальнего Востока. Экспресс-информация № 11. М., 1997.

159. Цыганков П.А. Геополитика: последнее прибежище разума? // Вопросы философии. 1994. № 7–8.

160. Цымбурский В.Л. Остров Россия (перспективы российской геополитик) // Полис. 1993. № 5.

161. Юй Гочжэн. «Новая восточная политика России» и региональное экономическое сотрудничество в СВА. // Китайские политологи о геополитической борьбе в современном мире, её влиянии на ситуацию в Северо-Восточной Азии и о геополитической стратегии России. Институт Дальнего Востока РАН. Экспресс-информация. № 12. М., 1998.

162. Яковлев А. Международно-политическая обстановка в Северо-Восточной Азии и положение России в регионе // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 2.

163. «Economist» о реализации Туманганского проекта // Бюллетень иностранной коммерческой информации. 1998. 25 августа. № 100.

164. Campbell K. Ensuring Security in the Asia-Pacific Region // U.S. Foreign Policy. 1993. Vol. 3. № 1.

165. Gray C. Geopolitics of the Nuclear Era: Heartland, Rimlands, and the Technological Revolution. N.-Y., 1990. 320 p.

166. Hisako Tsuji. Prospects for the Zarubino Port development Project (summary) // ERINA Report. 1997. Vol. 15.

167. Kartman C. Japan and Korea: Key U.S. Security Partners in Northeast Asia // U.S. Foreign Policy. 1993. Vol. 3. № 1.

168. Lee, Chan-Woo. FDI in Tumen Region Potential Priorities. // ERINA Report. 2000. Vol. 34.

169. Mitchell J. The New Geopolitics of Energy. 1996. 230 p.

170. Mokoto Nobukuni. Analysis of Commodity Flows in the Tumen River Area // ERINA Report. 1996. Vol. 10.

171. Portyakov V. The People`s Republic of China: Economic Policy of the 1990`s. Moscow, 1999. 149 p.

172. Ippei Yamazava. Toward an Open Northeast Asia Economic Zone // ERINA Report. 1999. Vol. 27.

173. Zhang Yun Fang. For a Future Development of Asia in the 21st Century // ERINA Report. 1997. Vol. 17.

Х. Периодическая печать

174. Альтернатива «Тумангану» // Утро России. 1993. 23 октября.
175. Бакланов П., Каракин В. Проект «Туманган»: гипотезы и реалии // Красное знамя. 1993. 18 ноября.
176. Бантин В. Проект модернизации порта Зарубино // Завтра России. 1996. 19–26 декабря.
177. Буяков А. Проект «Туманган». Кто и когда стоял у истоков // Красное знамя. 1992. 23 апреля.
178. Вольнец А. Россия и КНДР – два берега у Туманной реки // Коммерсант-дейли. 1995. 22 июля.
179. Воробьева В. «Туманган» больше не в чести, но все-таки обсуждается // Тихий океан. 1993. 18 сентября.
180. Вороной А. «Туманган»: туман рассеялся // Новости. 1996. 27 декабря.
181. Дзема Б.И., Мельников Г. «Большой Туманган». Начало реализации проекта // Красное знамя. 1993. 11 февраля.
182. Дорога из прошлого // Утро России. 1995. 13 июля.
183. Забровская Л. Проект «Туманган»: лучше десять раз по разу, чем однажды только раз // Владивосток. 1992. 8 декабря.
184. Она же. Проект «Туманган» – нечто легендарное, но Китай не унывает // Комсомольская правда. 1995. 28 апреля.
185. Зверев Г. Владивосток – это еще не «северный Сингапур», но уже и не Нью-Васюки // Владивосток. 1993. 8 апреля.
186. К созданию на стыке границ свободной экономической зоны // Тихоокеанский курьер. 1993. 3-9 июня.
187. Криволапов Б. Без мифов // Завтра России. 1995. 17-24 марта.
188. Он же. Хасанский вариант // Утро России. 1996. 7 февраля.
189. Кудинов В. «Туманган» становится козырем Северной Кореи // Золотой Рог. 1997. 21 января.
190. Латыпов Д. Станет ли проект реальностью? // Красное знамя. 1994. 17 марта.
191. Лифли Дж. КНДР–КНР–Россия: многообещающий «Туманганский проект» остается невыполнимой мечтой // Владивостокское время. 1995. 14, 16 февраля.

192. Мирмович А. Не похож на обман, не похож на обман проект «Туманган» // Конкурент. 1993. 16–23 февраля.
193. Михайлов С. Быть ли СЭЗ на Тумыньцзяне? // ВГ Панорама. 1992. 28 декабря.
194. Низовья реки Туманной – «золотая долина» // Владивосток. 1993. 3 декабря.
195. Нужна самостоятельная концепция // Красное знамя. 1993. 7 декабря.
196. Ощенко В. Кому выгоден проект «Туманган»: МИДу или России? // Владивосток. 1995. 3 июня.
197. Он же. Новые тайны «Тумангана» // Владивосток. 1992. 27 августа.
198. Он же. Проект «Туманган»: идея становится реальностью // Владивосток. 1996. 24 апреля.
199. Прачев В., Слуцкий Е. «Туманган» на земле хасанской // Приморец. 1992. 20 октября.
200. Проблемы «Тумангана» // Завтра России. 1995. 13–20 октября.
201. Программа «Туманган»: прошлое и настоящее // Завтра России. 1995. 1–8 сентября.
202. Прозорова А. Губернатор Приморья вернулся из поездки в Японию и Республику Корея // Владивостокское время. 1996. 14 февраля.
203. Она же. Итоги визита приморской делегации в КНР // Владивостокское время. 1996. 7 марта.
204. Она же. Международная конференция в Японии с участием Приморья // Владивостокское время. 1996. 15 февраля.
205. Она же. Проект «Туманган» учитывает интересы Приморья // Утро России. 1995. 22 августа.
206. Она же. Рельсы ведут в Китай // Завтра России. 1996. 19–26 декабря.
207. Она же. Транспортная магистраль Хуньчунь-Краскино откроется в конце декабря // Владивосток. 1995. 30 ноября.
208. Она же. «Туманган»: интересы Приморья // Завтра России. 1995. 9-16 сентября.
209. Пушкарев А. Хасанский порт еще живет «туманными» перспективами // Золотой Рог. 1995. 22 августа.
210. Развеется ли туман над «Туманганом»? // Владивосток. 1994. 18 августа.

211. Редькин А. Развеялся туман над «Туманганом» // Сине-горье. 1995. 27 сентября.
212. Романов К. Хасанскую выгоду Раджин не перехватит // Конкурент. 1996. 28 ноября – 4 декабря.
213. Савина М. Правда ли, что Владивосток станет вторым Сан-Франциско, или О том, как мы опять верим. Теперь в «Туманган» // Владивосток. 1992. 15 августа.
214. Саначев И. Куда идешь, Владивосток? Заметки об одной из моделей развития нашего города // Тихоокеанский курьер. 1993. 3–9 июня, 10–16 июня.
215. Тарасов И. Вчера «Находка», сегодня «Туманган». В. Черномырдин легкомысленно относится к СЭЗ // Независимая газета. 1993. 26 августа.
216. Туманган // Золотой Рог. 1993. 6 октября.
217. «Туманган» – в надежные руки // Золотой рог. 1994. 6 марта.
218. Форум определяет приоритеты // Утро России. 1996. 10 февраля.
219. Царева О. «Туманган» – опасность для «Находки» // Золотая долина. 1994. 20 апреля.
220. Чародеев Г. Россия, Китай и Северная Корея строят новый «Гонконг» на Дальнем Востоке // Известия. 1992. 13 октября.
221. Щербаченко Г. Опять медленно запрягаем. Поедем ли? // Красное знамя. 1996. 5 ноября.

XI. Визуальная информация

222. Программа развития района реки Туманной. Доступно on-line: www.hitel.net/~aceeng/duman1.htm
223. Conference on Economic Cooperation in Northeast Asia: Chtllenges and Opportunities. Доступно on-line: www.nautilus.org/ARPEnet/laibrary/tumen.htm
224. Н.Е. Gavaagyn Batkhoo. Government Priorities in Regional Economic Cooperation. Tumen Secretariat, UNDP, 1998. Доступно on-line: www.tradp.org/textonly/batkhoo.htm
225. Husband D. New Directions for the Tumen Program. July 29, 1998. Доступно on-line: www.tradp.org/textonly/dhsp98.htm
226. Investment Overview. Доступно on-line: www.tradp.org/textonly/ioverview.htm

227. Lee-Jay Cho. Regional Economic Cooperation and Integration in Northeast Asia for the Twenty-First Century. Tumen Secretariat, UNDP, 1998. Доступно on-line: www.tradp.org/textonly/cho.htm

228. Quan Longwan. Construction for the Land-Sea Corridor: Promoting Cooperation and Exchange in the Tumen Region. Tumen Secretariat, UNDP, 1998. Доступно on-line: www.tradp.org/textonly/quan.htm

229. Tumen Consultative Commission Meeting, June 1999. Доступно on-line: www.tradp.org/textonly/99intgov.htm

230. Tumen Program Outline. Доступно on-line: www.tradp.org/textonly/history.htm

231. Tumen river area development program. Доступно on-line: www/nautilus.org/aprenet/library/tumtn/tumtn.htm

232. Tumen River Investor Network. Доступно on-line: www.tradp.org/textonly/trisnet.htm

233. Tumen River Regional Development Progresseres. Доступно on-line: www.infomanagt.com/

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Основные события процесса реализации Программы развития района реки Туманной (TRADP)

- 16–18 июля 1990 г. – в г. Чанчуне (провинция Цзилинь, КНР) при поддержке центра «Восток-Запад» (Гонолулу, США) и ПРООН прошла конференция, посвящённая проблемам экономического и технологического сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Китайская сторона выдвинула концепцию «золотого треугольника», охватывающую те территории Китая, КНДР и СССР, которые в последующем стали известны как Экономическая зона реки Туманной. Представители стран СВА и США одобрили предложенный план регионального развития, а ПРООН выразили заинтересованность в осуществлении этой концепции.
- 23 ноября 1990 г. – Верховный Совет СССР принял решение о комплексном развитии Экономической зоны «Находка» (Приморский край).
- 6–7 июля 1991 г. – Представители Китая, Монголии, КНДР и Республики Корея встретились на субрегиональной конференции стран СВА в Улан-Баторе (Монголия). На этой встрече ПРООН согласилась предоставить финансовую помощь Программе развития района реки Туманной на период 1992–1996 гг. Проект «Туманган», названный так по корейскому варианту названия пограничной реки на стыке границ трёх государств – СССР, КНР и КНДР, стал крупнейшей региональной программой ПРООН.
- 16–18 октября 1991 г. – Конференция по проекту «Туманган» в Пхеньяне (КНДР). Китай, КНДР, Монголия и Республика Корея подтвердили своё со-

- гласие с предварительным вариантом концепции развития района реки Туманной, разработанным специалистами ПРООН, и одобрили стратегический «План действия Программы».
- 12 ноября 1991 г. – ПРООН согласилась финансировать план прединвестиционных исследований, рассчитанный на восемнадцать месяцев. Советский Союз и Япония были привлечены к работе проекта «Туманган». СССР стал полноправным членом Программы, Япония – наблюдателем.
- 28 декабря 1991 г. – Административный Совет КНДР объявил о создании Экономической и торговой зоны Раджин – Сонбон; порты Раджин, Сонбон и Чхонджин объявлены свободными портами.
- 27–28 февраля 1992 г. – Первое заседание Комитета по управлению Программой (КУП) в Сеуле (Южная Корея). Экономическая зона реки Туманной была ограничена территорией между городами Яньцзи (КНР), Раджин (КНДР) и Владивосток (Российская Федерация).
- Март 1992 г. – В рамках Федерации экономических организаций Японии (Кэйданрэн) крупными бизнесменами создан Комитет по экономическому развитию в Северо-Восточной Азии.
- Март 1992 г. – Государственный Совет Китая наделяет г. Хуньчунь (город, расположенный рядом с российской и северокорейской границей) статусом открытого пограничного города. В ноябре 1992 г. в Хуньчуне начнётся создание пограничной экономической зоны.
- Апрель 1992 г. – Совещание экспертов ПРООН и представителей стран-участниц проекта «Туманган» в Пекине. Был назначен первый управляющий главного офиса Программы (Нью-Йорк).

- 4 июля – 5 августа 1992 г. – Руководством TRADP было проведено комплексное исследование ресурсов района реки Туманной.
- Октябрь 1992 г. – Второе заседание КУП в Пекине; прошло совещание специальных рабочих групп, и обсуждались юридические вопросы внутри-регионального сотрудничества.
- 22–24 августа 1992 г. – Встреча учёных и представителей стран СВА во Владивостоке. Обсуждались проблемы экономического развития и делового сотрудничества представленных стран; поднимался вопрос о включении Владивостока в территорию TRADP.
- 12–14 ноября 1992 г. – В Гонконге Центром Азиатско-Тихоокеанских исследований Линнаньского колледжа проведена научная конференция, посвященная проблемам реализации проекта «Туманган».
- 22 февраля 1993 г. – Совещание Рабочей группы КУП по юридическим и финансовым вопросам в Нью-Йорке.
- Февраль 1993 г. – Совещание Рабочей группы КУП по техническим вопросам и инфраструктуре в Сеуле.
- Март – декабрь 1993 г. – Администрация TRADP проводит согласование проектов протокола о защите окружающей среды и соглашения о создании Корпорации по развитию района реки Туманной.
- 16–19 марта 1993 г. – Совещание Рабочей группы КУП по вопросам использования природных ресурсов, развития промышленности и защиты окружающей среды Хельсинки (Финляндия). Финляндия выделила около 830 тыс. US \$ на финансирование проектов исследования лесных, минеральных и водных ресурсов, а также экологической обстановки в районе проекта «Туманган».

- 9–11 мая 1993 г. – Третье заседание КУП в Пхеньяне. Дальнейшие дискуссии об юридических аспектах регионального сотрудничества и официальное провозглашение Экономической зоны реки Туманной. На рассмотрение участников заседания представлены доклады о состоянии телекоммуникаций, транспортной инфраструктуры, наличии ресурсов, энергообеспеченности и демографической ситуации в регионе.
- Сентябрь 1993 г. – Формальное начало Первой Фазы реализации программы TRADP, которая должна завершиться в октябре 1994 г. В ходе данной фазы предполагалось согласовать все юридические вопросы сотрудничества между странами-участниками проекта «Туманган» и сформулировать основные направления развития транспорта и промышленности в районе реки Туманной.
- 20 сентября 1993 г. – Пекин (КНР). Второе совещание Рабочей группы КУП по юридическим и финансовым вопросам.
- Октябрь 1993 г. – Сеул (Республика Корея). Совещание Рабочей группы КУП по вопросам промышленного развития.
- Февраль 1994 г. – Неформальная встреча представителей стран-участниц проекта «Туманган» в Нью-Йорке. Были заслушаны предварительные оценки специалистов ПРООН. Идеи организации Корпорации по развитию района реки Туманной, Экономической зоны реки Туманной и аренды территорий были признаны нереальными. Было предложено заострить внимание на развитии отношений на региональном уровне.
- Март – апрель 1994 г. – Встреча Рабочей группы КУП по вопросам региональной стратегии развития с экспертами из стран-участниц проекта «Туманган». Представители приняли на себя обяза-

- тельства поддержать процесс экономического развития региона.
- 3 апреля 1994 г. – Яньцзи (КНР). Совещание Рабочей группы КУП по вопросам телекоммуникаций, в ходе которого шла подготовка мастер-плана по развитию телекоммуникаций в районе реки Туманной.
- Июль 1994 г. – Корейский Институт Международной экономической политики выпускает *Studies in Support of Tumen River Area Development Programme*.
- 15 июля 1994 г. – Четвёртое заседание КУП в Москве. Территория TREDA была ограничена Яньбяньским Корейским автономным районом (КНР), зоной Раджин-Сонбон (КНДР) и югом Приморского края, включая Владивосток и Находку (Российская Федерация).
- Сентябрь 1994 г. – Административный Совет КНДР принял решение о расширении территории зоны Раджин-Сонбон до 746 км². Кроме того, КНДР обратилась к китайской стороне с предложением вновь открыть пограничный мост Вочжон через реку Туманган.
- Сентябрь 1994 г. – В Пекине прошло совещание Рабочей группы КУП по вопросам защиты окружающей среды. Китайская научно-исследовательская академия по изучению окружающей среды представила *Preliminary Environmental Study* для проекта «Туманган» (опубликован в августе 1994 г.).
- Ноябрь 1994 г. – Главный офис по управлению TRADP переведён из Нью-Йорка в Пекин, где он начал функционировать под руководством пекинского представительства ПРООН.
- Февраль 1995 г. – 5-м Международном форуме по проблемам экономического развития Северо-Восточной Азии в Ниигате (Япония). Форум был посвящён перспективам реализации проекта «Тумангана».

- Май 1995 г. – При содействии Правительства Канады опубликован *Northeast Asia's Tumen River Economic Development Area 1994 – Collected Papers*. Документ заостряет внимание на вопросах развития региональной инфраструктуры, в том числе на вопросах инвестиций, развития телекоммуникаций, промышленности, туризма и охраны окружающей среды.
- 28–30 мая 1995 г. – Пятое заседание КУП в Пекине. Парафированы соглашения о создании Консультативной комиссии (Россия, Китай, Монголия, Северная и Южная Кореи) и Координационного комитета (Россия, Китай и северная Корея) по развитию района реки Туманной и меморандум взаимопонимания о принципах контроля над окружающей средой.
- Июнь 1995 г. – Визит губернатора Приморского края в Китай. По итогам визита были подписаны соглашение «Об установлении торгово-экономических и культурных связей» с провинцией Хэйлунцзян и аналогичное – с провинцией Цзилинь.
- Август – сентябрь 1995 г. – Эксперты UNIDO провели ряд исследовательских мероприятий в районе реки Туманной. Основное внимание было уделено рыбодобывающему сектору (Приморский край и зона Раджин-Сонбон), кораблестроению и конверсии оборонной промышленности (Приморский край), фармацевтической промышленности (Яньбяньский автономный район, зона Раджин-Сонбон) и пищевой и лёгкой промышленности (Яньбяньский автономный район).
- 10–15 октября 1995 г. – В г. Яньцзи (КНР) прошёл Международный инвестиционный форум, посвящённый стимулированию инвестиционной деятельности в Яньбяньском Корейском автономном районе. В ходе работы форума его уча-

- стники посетили также порт Зарубино (Россия) и зону Раджин-Сонбон.
- Октябрь 1995 г. – В г. Хуньчуне (Китай) состоялось совещание транспортной службы TRADP. Было принято решение о создании новой Рабочей группы КУП по вопросам транспорта, которая бы занималась проблемами унификации таможенных процедур в рамках района реки Туманной.
- 4–6 декабря 1995 г. – Шестое заседание КУП в Нью-Йорке. Подписаны соглашения, в соответствии с которыми были созданы межправительственные Консультативная комиссия и Координационный комитет. Главный офис TRADP был разделён на две части и стал именоваться Секретариатом Программы. Также страны-участницы проекта «Туманган» подписали меморандум о понимании по вопросам защиты окружающей среды и обратились в GEF за техническим содействием.
- 6–9 февраля 1996 г. – Институт ERINA и японская федерация экономических организаций (Кендайрэн) провели в Ниигате (Япония) конференцию по вопросам сотрудничества в СВА.
- Февраль 1996 г. – Шестой ежегодный форум экономистов СВА, где обсуждались основные зоны приложения иностранных инвестиций в рамках Программы TRADP.
- 16 февраля 1996 г. – Официальная ратификация соглашений, подписанных 6 декабря 1995 г.
- Март 1996 г. – UNIDO опубликовала *Tumen River Economic Development Area Investment Guide*.
- 27–29 марта 1996 г. – Сонбон (КНДР), совещание Рабочей группы КУП по вопросам телекоммуникаций.
- 18–20 апреля 1996 г. – В Пекине на уровне заместителей министров состоялась межправительственная встреча стран-участниц проекта «Туманган». Она была посвящена официальному

- началу деятельности Консультативной комиссии проекта.
- Май – июнь 1996 г. – Миссия специалистов UNCTAD в район реки Туманной с целью решения проблем, связанных пересечением границы. По результатам поездки был подготовлен доклад об экспортно-импортных возможностях региона и о транзитных процедурах.
- Май – декабрь 1996 г. – В Пекине и Сеуле работала рабочая группа по финансовым вопросам. Совершены ознакомительные поездки в Яньцзи, Хуньчунь, Владивосток и Раджин.
- 27–29 июня 1996 г. – Представители Китая, Северной Кореи и России встретились в Чанчуне для обсуждения согласований процедур пересечения границы.
- Июль – сентябрь 1996 г. – UNIDO опубликовала *1996 Investment Guide* для зоны Раджин-Сонбон.
- 26–30 августа 1996 г. – В свободной зоне «Находка» прошло совещание Рабочей группы по вопросам транспорта.
- 13–15 сентября 1996 г. – В зоне Раджин-Сонбон прошёл Международный инвестиционный и деловой форум.
- 21–22 октября 1996 г. – Пекин. Второе межправительственное заседание в рамках TRADP. Был рассмотрен бюджет на 1997 г. и отчёт о проделанной работе. Поднимался вопрос об участии в межправительственном органе региональных представителей от Находки.
- Декабрь 1996 г. – Прошли совещание Координационного комитета в Пхеньяне и Консультационной комиссии в Хуньчуне. Основное внимание было обращено на решение проблем пограничной торговли и унификацию таможенных процедур.
- Декабрь 1996 г. – Японская федерация Кендайрэн и институт ERINA подготовили технико-экономическое обоснование для трёхфаз-

- ного плана расширения порта Зарубино. Первая стадия проекта (1997-2010) потребует 212 US\$, которые предоставит японский Eximbank.
- 15–21 января 1997 г. – В Пекине состоялся семинар специалистов TRADP по вопросам транспорта, в ходе которого обсуждались вопросы гарантии иностранных инвестиций.
- 7 февраля 1997 г. – Открытие для пассажирских перевозок моста Вончжон, расположенного на китайско-северокорейской границе.
- Апрель 1997 г. – Европейский банк реконструкции и развития выделил свободной экономической зоне «Находка» кредит в 250.000 US\$ на разработку юридических мер по стимулированию инвестиционной деятельности.
- Апрель – декабрь 1997 г. – Трастовый фонд республики Корея выделил программе TRADP один миллион US\$. Первым проектом должно было стать проведение в мае 1998 г. Инвестиционного и делового форума во Владивостоке.
- Апрель – май 1997 г. – Начало транспортировки древесной щепы из Китая в Японию через порты Зарубино и Раджин.
- 14–17 мая 1997 г. – Во Владивостоке состоялось первое заседание Рабочей группы TRADP по вопросам защиты окружающей среды.
- Июнь 1997 г. – Открытие приграничной торговли на китайско-северокорейской границе, введение местной валюты, обменного курса и мер, стимулирующих развитие торговли, предпринимательства и делового сотрудничества.
- 20–25 июня 1997 г. – В Яньцзы прошёл семинар по вопросам развития туризма в районе реки Туманной.
- Июль 1997 г. – Азиатско-Тихоокеанский институт (Сеул) и ПРООН опубликовали *Study of the Commercial and Investment Banking Needs in the Tumen River Economic Development Area*.

- 1–4 сентября 1997 г. – Состоялось совещание Рабочей группы по стратегическим вопросам и GEF, на котором был рассмотрен *Trans-Boundary Environmental Analysis*.
- Сентябрь – октябрь 1997 г. – Визит в Приморский край и Северную Корею делегации правительства провинции Цилинь и правительства Яньбянского автономного района с целью исследования транспортных возможностей данных территорий.
- Октябрь – ноябрь 1997 г. – Визит шведской делегации с целью изучения возможности осуществления железнодорожных перевозок из портов района реки Туманной до городов Уланхор и Чанчунь.
- 13–14 ноября 1997 г. – В Пекине прошло заседание Рабочей группы TRADP по вопросам транспорта. На нём обсуждалась возможность открытия международного транспортного коридора, призванного связать южнокорейский порт Со-кчхо с приграничной свободной торговой-экономической зоной Хуньчунь через порт Раджин.
- 16–18 ноября 1997 г. – В Пекине прошла третья межправительственная встреча в рамках TRADP. Участники встречи подписали документ, регулирующий развитие проекта «Туманган» на период 1997–1999 гг. Кроме того, Республика Корея выделила один миллион американских долларов Трастовому фонду Программы для проведения дополнительных исследований в рамках проекта.
- 21–27 января 1998 г. – На семинаре в Пхеньяне обсуждались вопросы урегулирования налогового законодательства стран-участниц проекта «Туманган».
- 18 февраля – 6 марта 1998 г. – Встреча пограничников из Китая, Монголии, Северной Кореи и России, на которой обсуждались вопросы пересечения

- границ, таможенного оформления и иммиграции.
- 16–17 апреля 1998 г. – Пекин, встреча национальных координаторов программы TRADP. Основной темой встречи стала проблема переориентации внимания на отношения регионального уровня.
- 27–30 мая 1998 г. – Во Владивостоке прошёл Международный инвестиционный и деловой форум. Кроме того, делегаты посетили Находку и Хасан.
- Июнь 1998 г. – Агентство по международному сотрудничеству (Япония) завершила разработку концепции транспортного коридора между г. Чанчунь и портами района реки Туманной. Данная концепция является частью плана Фонда экономического сотрудничества с зарубежными партнёрами (Япония) по развитию транспортной инфраструктуры в восточной части провинции Цзилинь.
- 24–26 июня 1998 г. – Улан-Батор (Монголия), Инвестиционная конференция по вопросу об иностранных капиталовложениях в сельское хозяйство, лёгкую промышленность и туризм.
- 22–24 июля 1998 г. – В Яньцзы (КНР) состоялось первое заседание Рабочей группы Программы по вопросам туризма, на котором обсуждался план развития туризма в районе реки Туманной.
- 3–4 сентября 1998 г. – Второе заседание Рабочей группы Программы TRADP по вопросам окружающей среды во Владивостоке. Обсуждались конкретные меры, направленные на сохранение уникальной экологической системы района реки Туманной.
- Сентябрь 1998 г. – ПРООН опубликованы общие направления инвестиционной политики для Яньбяньского автономного района (Китай).

- 21–23 сентября 1998 г. – в Хуньчуне прошёл Международный инвестиционный и деловой форум по проблемам развития района реки Туманной.
- 24–26 сентября 1998 г. – Официальное открытие Бизнес-института при Раджинском университете, которое произошло при поддержке ПРООН. В ходе данного мероприятия состоялось обсуждение основных направлений сотрудничества в СВА при участии представителей десяти стран, включая Японию, США и Китай.
- 7–9 декабря 1998 г. – Вторая встреча Рабочей группы программы TRADP по вопросам транспорта в Яньцзи. Был сформулирован план развития транспортной инфраструктуры в районе реки Туманной.
- 30 декабря 1998 г. – UNIDO публикует основные направления инвестиционной политики для зоны Раджин-Сонбон за 1998 г.
- 18 января 1999 г. – Открытие website программы TRADP.
- 25 января 1999 г. – В Чанчуне прошло совещание Рабочей группы TRADP по вопросам развития экологического туризма.
- 18–19 марта 1999 г. – Встреча национальных координаторов программы TRADP в Улан-Баторе. Были заслушаны отчёты о проделанной работе и обсуждались планы на 1999 г.
- май – июнь 1999 г. – Официальное открытие железнодорожного сообщения и пограничного перехода на линии Краскино – Хуньчунь.
- 9 июня 1999 г. – В Улан-Баторе (Монголия) состоялась Конференция по экономическому сотрудничеству стран СВА, на которой присутствовали более ста представителей правительственных организаций, неправительственных агентств, научно-исследовательских институтов и частных компаний.
- 10–11 июня 1999 г. – Межправительственная встреча в рамках программы TRADP в Улан-Баторе. ПРООН подтвердила свою заинтересованность в

- дальнейшем осуществлении программы и предоставила 70 тыс. US\$ на создание стратегии развития туризма в районе реки Туманной.
- 15 июня 1999 г. – Во Владивостоке прошла встреча в рамках концепции «Транспортный коридор с Востока на Запад».
- 19–21 июля 1999 г. – ADB/ESCAP провели семинар в Пекине по вопросу стимулирования развития наземного транспорта. На семинаре присутствовали делегаты от китайских провинций Цзилинь, Хэйлуньцзян и Внутренняя Монголия.
- Август 1999 г. – Опубликован доклад о развитии грузовых перевозок в районе реки Туманной, который стал результатом двухгодичной исследовательской работы Научно-исследовательского центра СВА и Северо-Восточного университета (Чанчунь) по изучению межграничной и транзитной торговли в регионе.
- Август – сентябрь 1999 г. – Второе совещание Рабочей группы TRADP по вопросам развития туризма в Хуньчуне, 27 – 28 августа. WTO были представлены обобщенные исследования по туристическим ресурсам в районе реки Туманной, маркетинговый анализ, туристические карты. Результатом стала публикация брошюры *The Tumen River Area – New Horizons in Travel*.
- Октябрь 1999 г. – Секретариат программы TRADP опубликовал доклад *Pollution Abatement of the Tumen River – An Interdisciplinary Approach to the Challenge* и брошюру *Financing Closer Economic Ties in Northeast Asia – The Case for a New Financing Facility*.
- 26–28 октября 1999 г. – Девятый экономический форум стран СВА в Тяньцзине, на котором одна из секций была посвящена проблемам TRADP –

- «Регион Туманган как модель экономического сотрудничества в СВА».
- 8–10 марта 2000 г. – Совещание Рабочей группы TRADP по вопросам пропаганды состоялось в Пекине. На нём обсуждались вопросы по стимулированию торговли, инвестиций и промышленного роста на территориях, прилегающих к району реки Туманной.
- 13–14 марта 2000 г. – Встреча национальных координаторов программы TRADP в Пекине. Были заслушаны отчёты о проделанной в 1999 г. работе и обсуждались планы на 2000 г.
- 2–19 апреля 2000 г. – Визит специалистов программы TRADP с целью изучения возможностей развития туризма в районе реки Туманной.
- 8–12 апреля 2000 г. – Встреча в автономном районе Внутренняя Монголия, на которой обсуждался план развития восточных провинций Монголии и Внутренней Монголии.
- 28 апреля 2000 г. – Церемония открытия паромной переправы между портами Сочхо (республика Корея) и Зарубино (Россия) и открытие постоянного сообщения между Яньбяньским районом, Приморским краем и Южной Кореей.
- Май 2000 г. – GEF совместно со Стратегической Программой начали осуществлять двухгодичный проект стоимостью пять миллионов US\$ по сохранению биологического разнообразия и сохранению международных водных путей в районе реки Туманной.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

КНДР – Корейская Народно-Демократическая Республика.

КНР – Китайская Народная Республика.

КУП – Комитет по управлению Программой.

ПРООН – Программа развития Организации Объединённых Наций.

СВА – Северо-Восточная Азия.

США – Соединённые Штаты Америки.

ERINA – Economic Research Institute for Northeast Asia (Japan) – Институт экономических исследований Северо-Восточной Азии (Япония).

GEF – Global Environment Facility – Глобальная инициатива по защите окружающей среды.

PMC – Programme Management Committee – Комитет по управлению Программой.

TRADP – Tumen River Area Development Programme – Программа развития района реки Туманной.

TREDA – Tumen River Economic Development Area – Район экономического развития реки Туманной.

TRIS – Tumen Region Investor Services – Инвестиционная служба региона реки Туманной.

UNIDO – United Nations Industrial Development Organisation – Организация Объединённых Наций по промышленному развитию.

UNCTAD – United Nations Conference on Trade and Development – Конференция ООН по торговле и развитию.

WTO – World Tourism Organisation – Всемирная туристическая организация.

Приложение 2*

Таблица 1

Уровень прямых иностранных инвестиций в территории Программы развития района реки Туманной

В млн долларах США	Конец 1993	1994	1995	1996	1997	1998	Всего
Яньбяньский авто- номный район	42	61	78	134	95	47	457
Зона Раджин-Сонбон	1	1	4	31	26	25	88
Монголия	10	29	46	53	31	39	208
Приморский край	141	2**	53	93	95	56	440
Всего	194	93	181	311	247	167	1,257

Таблица 2

Уровень прямых иностранных инвестиций в территории Программы развития района реки Туманной по отраслям (к 1998 г.)

Отрасли	Яньбяньский авто- номный район	Зона Рад- жин-Сонбон	Примор- ский край
1	2	3	4
Сельское хозяйство и лесная промышленность	5	1	0,1
Горная промышленность	0	0	5
Переработка ресурсов	74	6	26
Легкая промышленность		1	0,4
Транспорт	0	11	9

* Составлено по: Investment Overview, доступно on-line: <http://www.tradp.org/tsiteind.htm>; Tumen River Investor Services Network, доступно on-line: <http://www.tradp.org/tsiteind.htm>; Lee, Chan-Woo. FDI in Tumen Region Potential Priorities // ERINA Report. 2000. Vol. 34.

** Исключая рублёвые реинвестиции.

Окончание табл. 2

1	2	3	4
Телекоммуникации	0	17	15
Туризм	12	36	27
Торговля	9	3	16
Другие		25	2
Всего	100	100	100
Общее количество фирм	680	113	1232

Таблица 3

**Источники прямых иностранных инвестиций в территории
Программы развития района реки Туманной (в % к уровню
инвестиций в 1998 г.).**

Страны	Яньбяньский авто- номный район	Зона Рад- жин-Сонбон	Примор- ский край
Республика Корея	53	0	25
Япония	11	9	19
Гонконг	14	32	0
Малайзия	9	0	0
Китай	-	23	2
США	13	1	26
Россия		2	-
КНДР		-	0
Сингапур		1***	10
Таиланд		17	0
Великобритания		0,6	2
Другие европейские		14	9
Другие		0,4	7

*** Инвестиции американцев корейского происхождения.

Зона Бохайского залива и Жёлтого моря
и Япономорская зона

Понятие «Кольцо Жёлтого моря и Бохайского залива» охватывает, в узком смысле, западное побережье Республики Корея, Шаньдунский и Ляодунский полуострова в Китае и побережье японского острова Кюсю. В широком смысле, в него включаются также южный берег острова Хонсю, весь Корейский полуостров, а в Китае еще и провинцию Цзянсу. Центром этой экономической зоны сотрудничества считается город Тяньцзинь.

В понятие «Япономорское кольцо» входят следующие территории: Российский Дальний Восток, Северо-Восток Китая, западное побережье Японии, япономорские районы КНДР и Республики Корея.

Транспортный потенциал порта Владивосток

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	1
Глава 1. ГЕОПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА	17
1.1. Развитие геополитики в России: проблемы и перспективы	17
1.2. Методологические основы современной геополитики.....	36
1.3. Категории и составляющие геополитического анализа	51
Глава 2. ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ПОЛОЖЕНИЕ ЮГА ПРИМОРСКОГО КРАЯ	71
2.1. Северо-Восточная Азия как геополитический регион.....	71
2.2. Особенности формирования внутрирегиональных политических отношений в Северо-Восточной Азии.....	85
2.3. Концепции региональной интеграции	99
Глава 3. ПРОЕКТ «ТУМАНГАН» КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ	115
3.1. Становление геополитических интересов стран Северо-Восточной Азии в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. и роль свободно-экономической зоны «Туманган» в этом процессе.....	115
3.2. Развитие проекта «Туманган» в 90-е гг. XX в.....	147
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	180
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	187
ПРИЛОЖЕНИЯ	204
Приложение 1	204
Приложение 2	219
Приложение 3	221
Приложение 4	222

Научное издание

Бурлаков Виктор Алексеевич

**ПРОЕКТ «ТУМАНГАН» И ИГРА ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ
ИНТЕРЕСОВ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
в 90-е годы XX века**

Монография

Редактор Л.И. Александрова
Корректор Л.З. Анипко
Компьютерная верстка М.А. Портновой

Лицензия на издательскую деятельность ИД № 03816 от 22.01.2001

Подписано в печать .04.07. Формат 60×84/16.
Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л..
Уч.-изд. л. Тираж экз. Заказ

Издательство Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса
690600, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано в типографии ВГУЭС
690600, Владивосток, ул. Державина, 57